

A close-up portrait of Peter Kropotkin, showing his face from the nose up, wearing round glasses, and a very full, dark beard and mustache. The background is dark and out of focus.

*“Чем человек
несчастнее,
тем больше он
боится изменить
свое положение
из страха стать
еще несчастнее.”*

П.А. Кропоткин

Пётр Кропоткин

НУЖЕН ЛИ АНАРХИЗМ РОССИИ?

РЕЧИ БУНТОВЩИКА

Нужен ли анархизм России? Речи бунтовщика / Кропоткин П.А. //Родина,
Москва, 2022
ISBN: 978-5-00180-517-5
FB2: , 11 April 2022, version 1.0
UUID: D4A4D541-2B75-4AB3-BFC3-A59BC9BA44AE
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Пётр Алексеевич Кропоткин

Нужен ли анархизм России? Речи бунтовщика

Петр Кропоткин (1842–1921) – выдающийся русский мыслитель, один из создателей концепции анархического коммунизма. С конца XIX в. и по сей день его идеи оказывают влияние на массовые социальные движения, борющиеся за социальную справедливость и свободу личности.

Цель этого сборника – дать возможность читателям ознакомиться с идеями Кропоткина. И пусть каждый решит сам – были ли они роковым заблуждением или же, напротив, примером гениального решения социальных проблем.

Содержание

#1	0005
Предисловие	0006
Часть 1 Что такое анархия? (из книги «Речи бунтовщика», статей и выступление П.А. Кропоткина)	0031
Анархическое учение	0031
Идеалы анархизма	0055
Этика анархизма	0114
Справедливость и нравственность	0164
Анархизм и коммунизм	0191
Коммуна	0240
Необходимость революции	0258
Дух восстания	0275
Часть 2 Анархизм в России	0313
Нужен ли анархизм в России?	0313
Русский Рабочий Союз	0326
Цели Русского Рабочего Союза	0341
Наше отношение к крестьянским и рабочим союзам	0348
Что происходит в России? (письмо западноевропейским рабочим)	0358
Что же делать?	0367

Пётр Кропоткин

Нужен ли анархизм России?

Речи бунтовщика

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

Кто из русских общественно-политических мыслителей оказал наибольшее влияние на мировую социально-политическую мысль? Чьи идеи нашли миллионы сторонников в самых разных странах мира? Чьи книги издавали крупными тиражами на самых разных языках народов мира? Честный и объективный ответ на этот вопрос удивит! Это не Бердяев и не Ильин. Не Сергей Булгаков, не Владимир Соловьев. Не Катков и Победоносцев. И даже не Солженицын и Сахаров.

Наибольшую популярность и распространение в мире во второй половине XIX – начале XXI веков получили идеи русских революционеров – анархистов и марксистов. Марксисты В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, как к ним не относишься, как не оценивай их деятельность, по-прежнему остаются знаменем коммунистических партий в самых разных регионах Земного шара. По-прежнему востребованным среди читателей и активистов социальных движений остается наследие основоположников анархизма. Среди них

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) и Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Во многих странах мира, почти на всех континентах можно встретить их последователей, активно участвующих в социальных движениях, актуализирующих идеи великих анархистов к условиям современности. Таким международным влиянием не могут похвастаться современники этих мыслителей – российские консерваторы и либералы, религиозные философы, западники и славянофилы, все идейное влияние которых было лишь ограничено русскоязычной аудиторией.

Петр Кропоткин – выдающийся философ и теоретик, один из создателей концепции анархического коммунизма. С конца XIX в. и по сей день его идеи оказывают влияние на массовые социальные движения, борющиеся за социальную справедливость и свободу личности. Учеником Петра Кропоткина называл себя Нестор Иванович Махно, руководитель Революционной повстанческой армии Украины, в 1917–1921 гг. противостоявшей белым, красным и украинским националистам.

Идеи Кропоткина далеко не безуспешно пытались воплощать в жизнь и испанские анархисты в 1936–1939 гг., в блоке с различными левыми силами сражавшиеся против фашистской диктатуры Ф. Франко. На северо-востоке Испании им удалось успешно организовать работу сотен коммун и коллективизированных предприятий, действовавших на анархо-коммунистических принципах.

Разработанная Кропоткиным концепция анархического коммунизма до наших дней является основополагающей для анархистского движения во всем мире. Ученый-энциклопедист, он оказал серьезное влияние на развитие естественных и общественных наук. В области геологии Петр Алексеевич является одним из создателей теории четвертичных оледенений. Он же ввел термин «вечная мерзлота». Среди биологов и социологов он известен в качестве автора концепции, показавшей, что внутривидовая взаимопомощь («инстинкт общительности») является одним из наиболее важных факторов эволюции животного мира и прогрессивного развития общественных отношений.

Петр Кропоткин прожил жизнь, вызывающую восхищение и интерес, достойную произведений писателей и кинорежиссеров. Сын отставного генерал-майора, помещика, князя. По знатности происхождения он мог соперничать с династией Романовых. Ведь его предками по отцовской линии были Смоленские князья из династии Рюриковичей. По материнской линии, Петр Алексеевич был потомком украинского казацкого гетмана Ивана Сулимы, в 1635 г. поднявшего восстание против польского владычества и казненного в Варшаве. В жилах Кропоткина текла русская и украинская кровь, но сам он не придавал значения национальной принадлежности. «Я – скиф»... Так говорил он о своем происхождении.

Молодой аристократ получил прекрасное образование. В 1862 г. он окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге – элитное военное заведение, готовившее кадры для армии и высшего государственного аппарата. Пажи старших классов служили при императорском дворе. Кропоткин был лично знаком с

императором Александром II и членами императорской семьи.

Уже конце 1850-х гг. Петр Алексеевич увлекается социалистической литературой, работами современных философов и естествоиспытателей. Он сочувствует либеральным реформам Александра II, желая введения конституции в России. Разочаровавшись в придворной жизни, разуверившись в желание императора последовательно проводить запланированные преобразования, он решает покинуть Петербург. Молодой офицер поступает на службу есаулом в Амурское казачье войско. Он занимает должности в его штабе, служит чиновником по особым поручениям при Иркутском и Читинском губернаторах. Кропоткин погрузился в преобразовательную работу. Участвовал в разработке проектов реформ городского самоуправления, тюрем и ссылки Сибири. В 1864–1866 гг. он проводил геологические и географические исследования, руководил экспедициями в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Довелось ему побывать и в роли разведчика-нелегала, под видом купца исследовавшего пути возможно-

го передвижения русских войск в Северной Маньчжурии. За научную деятельность Кропоткин был награжден золотой медалью Русского географического общества.

Провал его реформаторских проектов, наблюдение за жизнью крестьянства в Сибири, окончательно привели Кропоткина к разочарованию в реформистских путях улучшения жизни крестьян и рабочих. После подавления Кругобайкальского восстания ссыльных польских повстанцев, пытавшихся бежать в Китай, он разочаровался и в военной службе. В 1867 г. Кропоткин вышел в отставку. Он возвращается в Петербург. Теперь географические науки становятся центральным делом его жизни. В этом же году Кропоткин поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, начал службу в Статистическом комитете Министерства внутренних дел. С 1868 г. он занимает должность секретаря Отдела физической географии Русского географического общества. Он проводит исследования оледенения, организует научную экспедицию в Скандинавию, ходатайствует о проведении полярной

экспедиции.

* * *

Политические взгляды Петра Кропоткина сложились под влиянием социальных противоречий, сложившихся в Российской империи середины XIX в. Дворянство, высшие образованные слои населения пользовались благами, которые были обеспечены трудом десятков миллионов крестьян – бывших крепостных, рабов, до 1861 г. являвшихся собственностью своих хозяев. Кропоткин, детства наблюдавший жестокое обращение помещиков с крепостными, а затем наблюдавший тяжелый труд сибирских рабочих на шахтах и приисках, всей душой сочувствовал рабочим и крестьянству. «Наука – великое дело, – писал он. – Я знал радости, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья. (...) Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все, истраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано из рта сеющих пшеницу для

других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?»

В 1872 он выехал за границу для изучения социалистического движения стран Западной Европы. Под влиянием последователей Бакунина из Юрской федерации, Кропоткин становится анархистом. По возвращении в мае 1872 г. он присоединился к народническому кружку «чайковцев». Среди новых товарищей Петр Алексеевич быстро завоевал лидерские позиции. Он вел пропаганду среди петербургских рабочих, составил программный документ кружка – «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» Кропоткин готовил создание партизанского отряда, который должен был поднять крестьян на восстание. Но нового Стеньки Разина из него не вышло... 23 апреля 1874 г. Кропоткин был арестован по обвинению в принадлежности к тайной революционной организации и заключен в Петропавловскую крепость. Из-за тяжелого состояния здоровья, по ходатайству родственников, он был переведен в Арестантский корпус Николаевского госпиталя и 30 июня 1876 г. совершил свой легендарный по-

бег.

Вскоре он эмигрировал. В 1876–1917 гг. жил в Великобритании, Франции, Швейцарии. Здесь, за границей Кропоткин становится одним из лидеров международного анархистского движения, участвует в деятельности Юрской федерации и Международного товарищества рабочих – анархистского Интернационала. Ни один конгресс этой организации не обходится без его докладов и выступлений. Кропоткин становится одним из лидеров международного анархистского движения и его наиболее авторитетным теоретиком. Он редактирует и издает ряд известных анархистских газет, в том числе – «Le Revolte» и «Freedom». В конце 1880-х – 1910-е гг.

Его широкая агитационно-пропагандистская, теоретическая и издательская деятельность быстро привлекают внимание правительств «демократических стран». 21 декабря 1881 г. Кропоткин был арестован французской полицией в Лионе. За анархистскую пропаганду во Франции в январе 1883 г. суд приговорил его к 5 годам тюремного заключения и штрафу в 2 тыс. франков. Наказание он от-

бывал в тюрьмах Лиона и Клерво. В январе 1886 г. Петр Алексеевич досрочно освобожден по требованию мировой научной общественности. Ему пришлось переехать в Англию, где теоретик анархизма и прожил следующие 30 лет своей жизни.

Лекционные туры Кропоткина в США и Канаду в 1897 и 1901 гг., сопровождавшиеся выступлениями перед многотысячной аудиторией рабочих, студентов, интеллектуалов, вызвали резкую реакцию правительства. В 1903 году Конгресс принял закон, запретивший въезд анархистов в США.

* * *

В эмиграции Кропоткин продолжал исследования в области геологии и географии. Он становится членом Британской научной ассоциации, сотрудничает в Британской научной энциклопедии, ведет раздел «Современная наука» в журнале «Девятнадцатый век», сотрудничает во многих научных и общественно-политических журналах и газетах Великобритании и США. Всемирную известность получила его книга «Великая Французская революция. 1789–1793» (1909 г.). Значительная

часть ее была посвящена исследованию роли народных движений в революционных событиях конца XVIII в. Большой успех среди читателей имели воспоминания «Записки революционера» (1902 г.). В первые два десятилетия XX в. они были переведены на ряд иностранных языков и изданы в различных странах Европы, Америки и Азии.

Наиболее известные работы Кропоткина конца XIX – начала XX вв. посвящены разработке различных аспектов теории анархического коммунизма. Среди них «Речи бунтовщика» (1885 г.), «Справедливость и нравственность» (1888 г.), «Нравственные начала анархизма» (1890 г.), «Хлеб и Воля» (1892 г.), «Анархия, ее философия, ее идеал» (1896 г.), «Поля, фабрики и мастерские» (1898 г.), «Взаимная помощь, как фактор эволюции» (1902 г.), «Современная наука и анархия» (1913 г.). Выступая с позиций философии позитивизма, Кропоткин утверждал многофакторность исторического процесса, рассматривая общество как равнодействующую «различных факторов и противоположных тенденций»: «общество, в настоящем его виде, конечно, не является ре-

результатом какого-нибудь основного начала, логически развитого и приложенного ко всем потребностям жизни. Как всякий живой организм, общество представляет собой, наоборот, очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи соглашений, вольных и невольных, множества пережитков старого и молодых стремлений к лучшему будущему».

Ведущую роль в историческом развитии человечества, по Кропоткину, играют этические идеалы, устремления, определяющие направление действий широких слоев населения. Их истоки – в практике взаимопомощи и борьбы, которые в процессе биологической и социальной эволюции человечества приняли форму привычек и инстинктов. Нравственность человечества, утверждал Кропоткин, имеет своим источником «инстинкт общительности», присущий живым существам и определяющий стремление людей к солидарности, проявлению альтруизма. В силу этого обстоятельства, полагал он, человеческие стремления направлены не только к борьбе, но и к солидарной взаимопомощи. Их следствием является развитие негосударственной

самоорганизации на всех этапах истории.

Но для Кропоткина борьба имела и прогрессивное значение как фактор, служащий разрушению социальных институтов, поддерживающих угнетение личности, сдерживающих проявления начал свободы и солидарности. Разрушение же было оправдано лишь конструктивной работой над созданием нового справедливого общества. Весьма точно эту мысль передал историк А.В. Гордон: «Если с точки зрения законов социальной эволюции революционный взрыв представлял объективно неизбежную форму исторического прогресса, то с точки зрения нравственного содержания (а оно для Кропоткина было сутью прогресса) главное – это сознательность революционного субъекта, его одухотворенность идеалом будущего и придание революции характера «построительной работы» ради его осуществления».

Рассматривая институты, основанные на власти и насилии (в том числе – государство) в качестве основного источника социальной несправедливости, Кропоткин выступал за безгосударственный строй будущего обще-

ства, основанный на федерации коллективов, объединенных свободным соглашением. Общественно-политический строй будущего, по замыслу Петра Кропоткина, должен был представлять собой федерацию производственных объединений (союзов), территориальных коммун и многочисленных потребительских, культурных, научно-образовательных и др. ассоциаций, созданных людьми для удовлетворения своих разносторонних потребностей.

В книгах «Речи бунтовщика» и «Хлеб и Воля» Кропоткин представляет систему самоуправления и координации хозяйственных отношений, при которой решения принимаются внизу, в общинах, и на основе инструкций избирателей согласовываются представителями на конференциях. Деловая направленность мероприятия, привязанная к конкретным проблемам производства и потребления, по мнению Петра Кропоткина, обеспечит быстрое принятие и согласование решений.

Такая форма координации экономики должна была приблизить управление к по-

требностям регионов, к непосредственным запросам населения, учесть многочисленные природные и социальные условия. Согласовательный характер совещательных структур, в отличие от директивно-управленческого, должен был способствовать сглаживанию противоречий, переносу инициативы и ответственности за решения вниз, непосредственно к коллективам производителей и потребителей.

* * *

Кропоткин рассматривал общественно развитие, как единый процесс, сочетающий медленный поступательный прогресс (эволюцию) с резкими скачками (революции), вызванными необходимостью ликвидировать препятствия, возникшие на пути перемен. Таким образом, революция не противоположность, а составная часть процесса общественной эволюции. Общественная же эволюция, выражавшаяся в поэтапных преобразованиях, реформах, воспринималась анархистами-коммунистами, как отражение результатов народного творчества и классовой борьбы.

В качестве основного фактора прогрессивного развития общества Кропоткин рассматривал распространение среди широких слоев населения (в том числе – у представителей правящего класса, осознавших несправедливость существующей системы общественных отношений) определенных идей-сил (в том числе и анархо-коммунистических), этических ценностей взаимопомощи и солидарности. «Необходимо, чтобы те новые идеи, которые отметят новое начало в истории цивилизации, были бы намечены до революции; чтобы они были усиленно распространены в массах [...] Нужно, чтобы мысли, которые зародились до революции, были бы в достаточной мере распространены для того, чтобы известное количество умов успело к ним привыкнуть», – отмечал П.А. Кропоткин. Фактически речь шла об установлении культурной гегемонии идей анархизма в обществе, широком распространении анархистских идей в среде рабочего класса и крестьянства.

Не менее важное значение для успеха преобразований имело развитие самоорганизации во всех сферах жизни общества, в резуль-

тате которой добровольные объединения людей начинают вытеснять государство, ослабляя его значение. Анархическое общество «должно быть создано творческим умом самого народа», «народным почином», но не властью государства. Весьма характерно с этой точки зрения разъяснение анархо-коммунистической стратегии социальных преобразований, данное П.А. Кропоткиным: «Социал-демократы хотят завоевания власти и рассчитывают на парламент; мы хотим захвата средств производства и наличного богатства капиталистического общества, и рассчитываем [...] на самих рабочих. В социал-демократической схеме организацией производства “на другой день после революции” занимается государство, а у нас – кто? Группы рабочих [...] занятых в одном производстве [...] профессиональные союзы».

Точкой отсчета для преобразований, на взгляд П.А. Кропоткина, являлась всеобщая стачка. Она постепенно должна была перерасти в вооруженное восстание, а затем – в социальную революцию. Анархистам предстояла долгая и целенаправленная пропагандист-

ская и культурно-просветительская работа по подготовке революции. Одним из ее направлений являлась «пропаганда действием», которую различные деятели движения понимали по-разному (от восстаний до забастовочной борьбы, создания радикальных профсоюзов и кооперативов).

Следует иметь в виду, что и в организациях, ориентированных на классовую борьбу, Кропоткин находит элементы солидарной взаимопомощи. Так, наряду с кооперацией и сельскими общинами, он включает в число практик взаимопомощи профсоюзы и спонтанные объединения рабочих для организации забастовок. Неоднократно в своих работах он обращался к проблемам борьбы «рабочих классов» за свои социально-экономические интересы, видя в ней шаг на пути преодоления этатистских и капиталистических порядков. На рабочих и крестьянство он возлагал основные надежды, как на главную силу анархической социальной революции. Однако анархо-коммунистический идеал общественного устройства, по Кропоткину, имеет общечеловеческое значение, в отличие от

конкретных экономических требований. Ведь анархическая социальная революция освобождает от ига капитала и государства всех людей, независимо от их социального положения.

Как основные средства борьбы за новый общественный строй Кропоткин рассматривал восстания, местные и всеобщую стачки, захват средств производства рабочими и крестьянами. Участие в парламентской деятельности Петр Кропоткин отрицал, как и его предшественники – основоположники других течений анархизма.

* * *

В 1900-е гг. Кропоткин принимает участие в анархистском движении России, становится одним из его признанных лидеров. Он неоднократно выражал протест против подавления революционных выступлений правительством Николая II, распространял информацию о преследованиях революционеров в России. Оказывал он и финансовую помощь российским анархистам, фактически являясь распорядителем денежных средств, передаваемых анархистами-эмигрантами из США, чле-

нами иностранных анархистских организаций. Деньги шли на издание газет «Хлеб и Воля» и «Листки «Хлеб и Воля»», в помощь заключенным анархистам, переправку в Россию активистов различных групп анархистов-коммунистов.

Во время Первой мировой войны Петр Алексеевич занял оборонческую позицию, выступая в поддержку стран Антанты, в которых видел защитников политических свобод, завоеванных трудящимися, от германского милитаризма. Он приветствовал Февральскую революцию 1917 г. 30 мая Кропоткин вернулся в Петроград. Осознавая невозможность полной реализации анархо-коммунистической программы преобразований, он сосредоточился на поддержке прогрессивных реформ, которые должны были создать условия для этого. Широко пропагандировал идеи федерализма. Тем не менее, оставаясь анархистом, в начале июля 1917 г. он отверг предложение А.Ф. Керенского возглавить правительство. Осудил он и Октябрьский переворот, подверг критике действия большевиков, рассматривая их как новых якобинцев. В 1918 г.

Кропоткин постепенно отошел от политической деятельности и вскоре переехал в подмосковный город Дмитров, где и прожил до 1921 г.

В письме от 10 июня 1920 к делегации британских профсоюзов и лейбористской партии он спрогнозировал поражение большевистского социального эксперимента, обвиняя большевиков в огосударствлении и фактической ликвидации профсоюзов, кооперативов и Советов. При этом Кропоткин призывал зарубежных единомышленников противодействовать интервенции, полагая, что она усилит диктатуру большевиков, националистические настроения и враждебность населения к европейским странам, станет оправданием политики террора и преследования инакомыслящих.

Выступал он и категорическим противником Белого движения: «они несут нам возврат к монархии, может быть под властью одного из Романовых (одного из худших) и – реки крови: погромы в минуту их триумфа и длительную междоусобную войну, которая роковым образом приведет к восстановлению

царской власти».

Постепенно Петр Алексеевич возвращается к планам активной общественно-политической деятельности. В разговорах с анархистом В.М. Волиным он выражал сочувствие Махновскому движению. В 1920 г. в письме к старому другу, анархо-синдикалисту А.М. Шапиро, Кропоткин призывал к дальнейшей теоретической разработке идей анархизма, созданию в подполье рабочих и крестьянских групп анархистов, особенно крестьян-кооператоров. Он считал необходимым издание анархистской газеты, развитие контактов с западноевропейскими анархистами-коммунистами и анархо-синдикалистами. 23 ноября 1920 г. Кропоткин написал текст, известный под названием «Что же делать?», в котором предрекал торжество реакции, призывая к собиранию сил анархистского движения. Силы покидали его, но несмотря на тяжелое состояние здоровья и полуголодную жизнь в условиях гражданской войны, он работал над книгой «Этика», которую считал одним из главных своих произведений. Первый том этой книги вышел уже после его смерти, в

1922 г.

* * *

8 февраля 1921 г. Петр Алексеевич Кропоткин умер. Но и по сей день его тексты вызывают интерес многих миллионов людей планеты Земля, неравнодушных к судьбам человечества. В наше время политические идеи откровенно обесцениваются и зачастую не отличишь не только действия, но даже риторику левых политиков от либералов или консерваторов. Как в известном романе Джорджа Оруэлла: «Они переводили глаза со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека, но угадать, кто из них кто, было невозможно».

Запрос на политическую силу, способную выразить интересы сотен миллионов трудящихся по всему миру, продемонстрировали массовые протесты и восстания против неолиберального экономического курса и ограничения прав и свобод граждан в рамках «санитарной» диктатуры, в 2019–2022 гг. охватившие Гаити, Италию, Колумбию, Ливан, Францию, Чили, Эквадор и многие др. страны.

Прослеживается массовое разочарование в

предлагаемых правящими элитами социально-экономических и политических моделях общественного устройства, нарастающее недовольство расширением власти государства, влияния транснациональных корпораций и капитала интернет-платформ.

Очевидно и негативное отношение к тенденциям, связанным с тотальным контролем государства и бизнеса с помощью современных технологий за различными сферами жизни человека, внедрением сегрегации и дискриминации граждан, что наглядно проявилось в условиях эпидемий коронавируса в 2019–2022 гг.

Не исключено, что в условиях нарастающих массовых протестов в различных странах мира могут оказаться весьма востребованными идеи, сформулированные нашим великим соотечественником – Петром Алексеевичем Кропоткиным. Цель этого сборника – дать возможность читателям ознакомиться с его идеями. И пусть каждый решит сам – были ли его идеи роковым заблуждением гения или же, напротив – примером гениального решения социальных проблем.

Дмитрий Рублев, кандидат исторических наук

Часть 1

Что такое анархия? (из книги «Речи бунтовщика», статей и выступление П.А. Кропоткина)

Анархическое учение

Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто незыблемое под влиянием законов или суеверий. Они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требовани-

ям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

Таким образом – никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, а вместо того – постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы. Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою индивидуальность, т. е. все то, что в нем может быть своего, личного, особенного. Другими словами – никакого навязывания отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхъестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнить. Наряду с этим – полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде никакого при-

нуждения; и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы нисколько не боимся, чтобы в обществе равных вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам – т. е. университетам преступности, – тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно предупреждать самую возможность противообщественных поступков путем воспитания и более тесного общения между людьми.

Ясно, что до сих пор нигде еще не существовало общества, которое применяло бы на деле эти основные положения. Но во все времена в человечестве было стремление к их осуществлению. Каждый раз, когда некоторой части человечества удавалось хоть на время свергнуть угнетавшую его власть или же уничтожить укоренившиеся неравенства (рабство, крепостное право, самодержавие, владычество известных каст или классов),

всякий раз, когда новый луч свободы и равенства проникал в общество, всегда народ, всегда угнетенные старались хотя бы отчасти провести в жизнь только что указанные основные положения.

Поэтому мы вправе сказать, что анархия представляет собой известный общественный идеал, существенно отличающийся от всего того, что до сих пор восхвалялось большинством философов, ученых и политиков, которые все хотели управлять людьми и давать им законы. Идеалом господствующих классов анархия никогда не была. Но зато она часто являлась более или менее сознанным идеалом масс.

Однако было бы ошибочно сказать, что анархический идеал общества представляет собою утопию. Всякий идеал представляет стремление к тому, что еще не осуществлено, тогда как слову «утопия» в обыденной речи придается значение чего-то неосуществимого.

В сущности, слово «утопия» должно было бы применяться только к таким представлениям об обществе, которые основаны лишь

на том, что писателю представляется теоретически желательным, и никогда не должно прилагаться к представлениям, основанным на наблюдении того, что уже совершается в обществе. Таким образом, в число утопий должны быть включены: Республика Платона, Всемирная Церковь, о которой мечтали папы, наполеоновская Империя, мечтания Бисмарка, мессианизм поэтов, ожидающих появления Спасителя, который возвестит миру великие идеи обновления. Но совершенно ошибочно применять слово «утопия» к предвидениям, которые, подобно анархии, основаны на изучении направлений, уже обозначających в обществе в его теперешнем развитии. Здесь мы выходим из области утопических мечтаний и вступаем в область положительного знания – научного предвидения.

* * *

Если накануне 1848 года и в последующие годы, вплоть до Интернационала, возмущение против государства принимало форму возмущения отдельной личности против общества и его условной нравственности и проявлялось главным образом среди молодого

поколения буржуазии, то теперь, в рабочей среде, оно приняло более серьезный характер. Оно преобразилось в искание новой формы общества, свободного от притеснений и эксплуатации, которым теперь способствует государство.

Интернационал, по мысли основавших его рабочих, должен был быть, как мы видели, обширным Союзом (федерацией) рабочих групп, которые являлись бы начатком того, чем сможет стать общество, обновленное социальной революцией); общество, в котором современный правительственный механизм и капиталистическая эксплуатация должны исчезнуть и уступить место новым отношениям между федерациями производителей и потребителей.

При этих условиях идеал анархизма не мог более быть личным, как у Штирнера: он становился идеалом общественным.

По мере того, как рабочие обеих частей света ближе знакомились между собою и вступали в непосредственные сношения, невзирая на разделявшие их границы, они начинали лучше разбираться в социальном

вопросе и с большим доверием относились к своим собственным силам.

Они предвидели, что если бы землю стал владеть народ и если бы промышленные рабочие, завладев фабриками и мастерскими, стали бы сами управлять промышленностью и направлять ее на производство всего необходимого для жизни народа, то тогда нетрудно было бы широко удовлетворять все основные потребности общества. Недавние успехи науки и техники являлись залогом успеха. И тогда производители различных наций сумели бы установить международный обмен на справедливых основаниях. Для тех, кто был близко знаком с фабриками, заводами, копаниями, земледелием и торговлею, это не подлежало ни малейшему сомнению.

В то же время все больше росло число рабочих, которые понимали, что государство, со своей чиновничьей иерархией и с тяжестью лежащих на нем исторических преданий, не может не быть тормозом нарождению нового общества, свободного от монополий и эксплуатации.

Само историческое развитие государства

было вызвано не чем иным, как возникновением земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который таким образом стал бы господствующим. Какие же средства может доставить государство для уничтожения этой монополии, если сами трудящиеся не смогут найти этих средств в своих собственных силах и в своем объединении? В течение девятнадцатого века государство неимоверно усилилось в смысле утверждения монополий промышленной собственности, торговли и банков в руках вновь разбогатевших классов, которым оно доставляло дешевые рабочие руки, отнимая землю у деревенских общин и сокращая крестьян непосильными налогами. Какие преимущества может доставить государство, чтобы уничтожить эти самые привилегии, если у крестьян не будет сил объединиться и добиться этого самим? Государственный механизм, развиваясь, имел своей целью созидание и укрепление привилегий – как же может он послужить их уничтожению? Разве такая новая деятельность не потребует новых исполнительных органов? И разве эти исполнительные

органы не должны быть созданы теперь самими рабочими, внутри их союзов, их федераций, без всякого отношения к государству?

Тогда, когда падут созданные и поддерживаемые государством преимущества для отдельных лиц и классов, существование государства потеряет всякий смысл. Совершенно новые формы общежития должны будут возникнуть, раз отношения между людьми перестанут быть отношениями между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Жизнь упростится, когда станет излишним механизм, существующий для того, чтобы помогать богатым еще более богатеть за счет бедных.

* * *

Представляя себе мысленно свободные общины, сельские и городские (т. е. земельные союзы людей, связанных между собой по месту жительства), и обширные профессиональные и ремесленные союзы (т. е. союзы людей по роду их труда), причем общины и профессиональные и ремесленные союзы тесно переплетаются между собою, – представляя себе такое устройство взаимных отношений между людьми, анархисты могли уже составить

себе определенное конкретное представление о том, как может быть организовано общество, освободившееся от ига капитала и государства. К этому им оставалось прибавить, что рядом с общинами и профессиональными союзами будут появляться тысячами бесконечно разнообразные общества и союзы: то прочные, то эфемерные, возникающие среди людей в силу сходства их личных наклонностей. Мало ли у людей общих интересов, общественных, религиозных, художественных, ученых, в целях воспитания, исследования или даже просто развлечения! Такие союзы, вне всяких политических или хозяйственных целей, создаются уже теперь во множестве; число их несомненно должно расти, и они будут тесно переплетаться с другими союзами как земельными, так и союзами для производства, для потребления и для обмена продуктов.

Эти три рода союзов, сетью покрывающих друг друга, дали бы возможность удовлетворять всем общественным потребностям: потребления, производства и обмена, путей сообщения, санитарных мероприятий, воспита-

ния, взаимной защиты от нападений, взаимопомощи, защиты территории; наконец – удовлетворения потребностей художественных, литературных, театральных, а также потребностей в развлечениях и т. п. Все это – полное жизни и всегда готовое отвечать на новые запросы и на новые влияния общественной и умственной среды и приспособляться к ним.

Если бы общество такого рода развивалось на достаточно обширной и достаточно населенной территории, где самые различные вкусы и потребности могли бы проявить себя, то всем скоро стала бы ясна ненужность каких бы то ни было начальственных принуждений. Бесплезные для поддержания экономической жизни общества, эти принуждения были бы столь же бесполезны для того, чтобы помешать большинству противообщественных деяний.

И в самом деле, в современном государстве самой большой помехой развитию и поддержанию нравственного уровня, необходимого для жизни в обществе, является отсутствие общественного равенства. Без равенства – «без равенства на деле», как выражались в

1793 году, – чувство справедливости не может сделаться общим достоянием. Справедливость должна быть одинакова для всех; а в нашем обществе, расслоенном на классы, чувство равенства терпит поражения каждую минуту, на каждом шагу. Чтобы чувство справедливости по отношению ко всем вошло в нравы и в привычки общества, надо, чтобы равенство существовало на деле. Только в обществе равных мы найдем справедливость.

Тогда потребность в принуждении или, вернее, желание прибегать к принуждению перестало бы проявляться. Всякому стало бы ясно, что нет нужды стеснять личную свободу, как это делается теперь, то страхом наказания, судебного или свыше, то подчинением людям, признанным высшими, то преклонением перед метафизическими существами, созданными страхом или невежеством. Все это в современном обществе ведет только к умственному рабству, к принижению личной предприимчивости, к понижению нравственного уровня людей, к остановке движения вперед.

В среде равных человек мог бы с полным

доверием предоставить собственному разуму направлять себя; ибо разум, развиваясь в такой среде, необходимо должен был бы нести на себе печать общительных привычек среды. В таких условиях – и только в таких условиях – человек мог бы достичь полного развития своей личности, между тем как восхваляемый в наше время буржуазией индивидуализм, якобы являющийся для «высших натур» средством достижения полного развития человеческого существа, – есть только самообман. Восхваляемый ими индивидуализм, наоборот, является самой верной помехой для развития всякой ярко выраженной личности.

В нашем обществе, которое преследует личное обогащение и тем самым осуждено на всеобщую бедность в своей среде, самый способный человек осужден на жестокую борьбу ради приобретения средств, необходимых для поддержки его существования. Как бы ни были скромны его требования, он работает как вол шесть дней из семи, только чтобы добыть себе кров и пищу. Что же касается тех, в сущности, очень немногих лиц, которым удастся отвоевать, кроме того, известный досуг, необ-

ходимый для свободного развития своей личности, то современное общество разрешает им пользоваться этим досугом только под одним условием: надеть на себя ярмо законов и обычаев буржуазной посредственности и никогда не потрясать основ этого царства посредственности ни слишком едкою критикою, ни личным возмущением.

«Полное развитие личности» разрешается только тем, кто не угрожает никакою опасностью буржуазному обществу, - тем, кто для него занимателен, но не опасен.

* * *

Надо, конечно, признать, что на экономических понятиях анархистов сказалось влияние хаотического состояния, в котором еще пребывает наука о политической экономии. Среди них, как и среди социалистов-государственников, мнения по этому предмету делятся.

Подобно всем тем членам социалистических партий, которые остались социалистами, анархисты считают, что существующая теперь частная собственность на землю и на все необходимое для производства точно так

же, как теперешняя система производства, преследующая цели наживы и являющаяся его следствием, есть зло; что современные наши общества должны уничтожить эту систему, если они не хотят погибнуть, как погибло уже множество древних цивилизаций.

Что же касается тех средств, при помощи которых могла бы произойти эта перемена, то тут анархисты находятся в полном противоречии со всеми фракциями социалистов-государственников. Они отрицают возможность разрешить задачу при помощи государственного капитализма, т. е. захвата государством всего общественного производства или же его главных отраслей. Передача почты, железных дорог, рудников, земли в руки современного государства, т. е. в управление назначаемых парламентом министров и их чиновничьих канцелярий, не является для нас идеалом. Мы в этом видим только новую форму закрепощения рабочих и эксплуатации рабочего капиталистом. И мы, конечно, не верим, чтобы государственный капитализм был путем к уничтожению закрепощения и эксплуатации или же одной из переходных ступеней на пу-

ти к этой цели.

Таким образом, пока социализм понимался в его настоящем и широком смысле, как освобождение труда от эксплуатации его капиталом, анархисты шли в согласии с теми, кто тогда были социалистами. И те и другие предвидели социальную революцию и желали ее наступления; причем анархисты надеялись, что революция породит новую безгосударственную форму общества, тогда как социалисты, из которых весьма многие были тогда еще коммунистами, не стремились точно определить, в какой форме они представляли себе будущий переворот, а многие из них согласились, что надо непременно ослабить центральную власть.

Но анархистам пришлось окончательно отмежеваться, когда если не большинство, то очень сильная фракция социалистов-государственников прониклась мыслью, что совсем не требуется уничтожать капиталистическую эксплуатацию, что для нашего поколения и для той ступени экономического развития, на которой мы находимся, не требуется ничего другого, как уменьшить эксплуатацию, заста-

вив капиталистов подчиниться известным законодательным ограничениям. С этим анархисты не могли согласиться. Мы утверждаем, что если мы в будущем хотим достичь уничтожения капиталистической эксплуатации, то уже теперь, с сегодняшнего же дня мы должны направлять наши усилия к уничтожению этой эксплуатации. Уже теперь мы должны стремиться к непосредственной передаче всего, что служит для производства, угольных копей, рудников, заводов, фабрик, путей сообщения и в особенности всего необходимого для жизни производителей - из рук личного капитала в группы производителей, - стремиться к этому и действовать соответственным образом.

* * *

Кроме того, мы должны очень беречься от передачи средств существования и производства в руки современного буржуазного государства. В то время как социалистические партии во всей Европе требуют передачи железных дорог, производства соли, рудников и угольных копей, банков (в Швейцарии) и монополии спирта буржуазному государству в

современном его виде, мы видим в этом захвате общественного достояния буржуазным государством одно из самых больших препятствий, какие только можно воздвигнуть, чтобы помешать переходу этого достояния в руки трудящихся, производителей и потребителей.

Мы в этом видим средство к усилению капиталиста, к росту его сил, направленных на борьбу против возмущившегося рабочего. Наиболее проникательные из среды капиталистов прекрасно это понимают. Они понимают, что их капиталы, например, будут гораздо сохраннее и их дивиденды гораздо надежнее, если они будут вложены в железные дороги, принадлежащие государству и управляемые государством по военному образцу. Для тех, кто привык задумываться над социальными явлениями в их совокупности, нет ни тени сомнения относительно следующего положения, которое может считаться общественной аксиомой: «Нельзя готовить социальные перемены, не делая никаких шагов в направлении желательных перемен. Мы будем удаляться от нашей цели, если пойдем

этим путем». И в самом деле, это значило бы удаляться от момента, когда производители и потребители станут сами хозяевами производства, если начать с передачи производства и обмена в руки парламентов, министерств, современных чиновников, которые теперь не могут быть ничем иным, как орудиями крупного капитала, так как все государство теперь зависит от него.

Нельзя уничтожить созданные в прошлом монополии, создавая новые монополии, всегда в пользу тех же прежних монополистов.

Мы не можем также забыть, что церковь и государство были той политической силой, к которой привилегированные классы - в ту пору, когда они еще только начинали утверждаться, - прибегали, чтобы сделаться законными обладателями всяких привилегий и прав над остальными людьми. Государство было именно тем учреждением, которое укрепило уверенность с обеих сторон в праве пользования этими привилегиями. Оно было выработано, создано веками с тем, чтобы утвердить господство привилегированных классов над крестьянами и рабочими. И

вследствие этого ни церковь, ни государство не могут теперь сделаться тою силою, которая послужила бы к уничтожению этих привилегий. Тем более ни государство, ни церковь не могут быть той формой общественного устройства, которая возникнет, когда уничтожены будут эти привилегии. Наоборот, история нас учит, что каждый раз, когда в недрах нации зарождалась какая-нибудь новая хозяйственная форма общежития (напр[имер], замена рабства крепостным правом или крепостного права - наемным трудом), всегда в таких случаях приходилось вырабатывать новую форму политического общежития.

Точно так же, как церковь никогда не может быть использована, чтобы освободить человека из-под ига старых суеверий или чтобы дать ему новую, свободно признанную, высшую нравственность; точно так же, как чувства равенства, тесной сплоченности и единения всех людей хотя и проповедаются всеми религиями, но широко распр остраняются в человечестве только тогда, когда примут формы, совершенно различные от тех, которые им давались церквями, потому что церкви за-

владевали ими, чтобы использовать их в пользу духовенства, точно так же и экономическое освобождение произойдет только тогда, когда будут разбиты старые политические формы, нашедшие свое выражение в государстве. Человек будет вынужден найти новые формы для всех общественных отправлений, которые теперь государство распределяет между своими чиновниками. Орудие угнетения, порабощения, рабской подчиненности не может стать орудием освобождения. Вольный человек сумеет найти новые формы жизни взамен рабской иерархии чиновников. Эти формы уже намечаются. И пока они не выработаются самою жизнью освобождающихся людей, самою освободительною революциею, до тех пор ничего не будет сделано.

Анархия работает именно для того, чтобы этим новым формам общественной жизни легче было пробить себе путь, а пробьют они его себе, как это всегда бывало в прошлом, в момент великих освободительных движений. Их выработает созидательная сила народных масс, при помощи современного знания.

* * *

Вот почему анархисты отказываются от роли законодателей и от всякой другой государственной деятельности. Мы знаем, что социальную революцию нельзя произвести законами. Потому что законы, если даже они приняты Учредительным собранием под влиянием улиц (хотя как могут быть они приняты, когда в палате приходится согласовать представителей самых разнообразных требований?), даже после того, как они приняты палатой, законы суть не что иное, как просто приглашение работать в известном направлении, как - поощрение лицам, живущим среди народа, чтобы они использовали свою энергию, свою изобретательность, свои организаторские и созидательные таланты для проведения в жизнь известных направлений. Но для этого требуется, чтобы на местах были силы, готовые и способные перевести формулы и пожелания закона в реальную действительность.

В силу тех же причин, с самого возникновения Интернационала вплоть до наших дней, многие анархисты постоянно принимали деятельное участие в рабочих организаци-

ях, создавшихся для прямой борьбы труда против капитала. Такая борьба, скорее чем всякая косвенная, политическая агитация, помогает рабочим достигнуть некоторых улучшений их участи; она открывает им глаза на то зло, которое приносит обществу капиталистическое устройство и поддерживающее его государство; и в то же время она заставляет их задуматься над вопросом о том, как организовать потребление, производство и непосредственный обмен между заинтересованными сторонами, не прибегая к помощи ни капиталиста, ни государства.

Что касается до формы распределения труда в обществе, освободившемся от вмешательства капитала и государства, то тут, как мы это уже видели, мнения анархистов расходятся.

Все сходятся в отрицании той новой формы заработной платы, которая появилась бы, если б государство взяло в свои руки орудия производства и обмен, подобно тому как оно уже завладело железными дорогами, почтой, образованием, взаимным страхованием и защитой территории. Вновь приобретенное

промышленное могущество вместе с уже существующим (налоги, защита территории, государственная церковь и т. п.) создало бы новое могучее орудие власти на службе у тирании.

Поэтому большинство анархистов присоединяется в настоящее время к тому решению вопроса, которое дается анархистами-коммунистами. Постепенно среди думающих об этом вопросе складывается убеждение, что коммунизм - по крайней мере, по отношению к предметам первой необходимости - представляет решение, к которому идут современные общества, и что в цивилизованном обществе единственно возможной формой коммунизма является та, которую предлагают анархисты, т. е. безначальный коммунизм. Всякий другой коммунизм невозможен. Мы переросли его. Коммунизм, по существу своему, предполагает равенство всех членов коммуны и отрицает поэтому всякую власть. С другой стороны, немислимо никакое анархическое общество известной величины, которое не начало бы с обеспечения всем хотя бы некоторого уровня жизненных удобств,

добываемых всеми сообща.

Таким образом, понятия коммунизма и анархии необходимо дополняют друг друга.

Идеалы анархизма

По мере того как человеческий ум освобождается от понятий, внушенных ему меньшинством, стремящимся упрочить свое господство и состоящим из духовенства, войска, судебных властей и ученых, оплачиваемых из старания увековечить это господство, по мере того как он сбрасывает с себя путы, наложенные на него рабским прошлым, - вырабатывается новое понятие об обществе, в котором уже нет места такому меньшинству. Перед нами рисуется уже общество, овладевающее всем общественным капиталом, накопленным трудом предыдущих поколений, и организующееся так, чтобы употребить этот капитал на пользу всех, не создавая вновь господствующего меньшинства. В это общество входит бесконечное разнообразие личных способностей, темпераментов и сил, оно никого не исключает из своей среды. Оно даже желает борьбы этих разнообразных сил,

так как оно сознает, что эпохи когда существовавшие разногласия обсуждались свободно и свободно боролись, когда никакая установленная власть не давила на одну из чашек весов, были всегда эпохами величайшего развития человеческого ума.

Признавая за всеми своими членами одинаковое фактическое право на все сокровища, накопленные прошлым, это общество не знает деления на эксплуатируемых и эксплуататоров, управляемых и управляющих, подчиненных и господствующих, а стремится установить в своей среде известное гармоническое соответствие - не посредством подчинения всех своих членов какой-нибудь власти, которая считалась бы представительницей всего общества, не попытками установить единообразие, а путем призыва людей к свободному развитию, к свободному почину, к свободной деятельности, к свободному объединению.

Такое общество непременно стремится к наиболее полному развитию личности, вместе с наибольшим развитием добровольных союзов - во всех их формах, во всевозможных

степенях, со всевозможными целями -союзов, постоянно видоизменяющихся, носящих в самих себе элементы своей продолжительности и принимающих в каждый данный момент те формы, которые лучше всего соответствуют разнообразным стремлениям всех. Это общество отвергает всякую предустановленную форму, окаменевшую под видом закона; оно ищет гармонии в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности свободно проявляться и взаимно уравниваться, и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении.

Такое представление об обществе и такой общественный идеал, несомненно, не новы. Изучая историю народных учреждений - родового строя, деревенской общины, первоначального ремесленного союза, или «гильдии», и даже средневекового городского народоправства в первые времена его существования, мы находим повсюду стремление народа

к созданию обществ именно этого характера — стремление, которому, конечно, всегда препятствовало господствовавшее меньшинство. Все народные движения носят на себе более или менее этот отпечаток; так, у анабаптистов и у их предшественников мы находим ясное выражение этих самых идей, несмотря на религиозный способ выражения, свойственный тому времени. К несчастью, до конца прошлого века, к этому идеалу примешивался всегда церковный элемент, и только теперь он освободился из религиозной оболочки и превратился в понятие об анархическом обществе, основанное на изучении общественных явлений.

Только теперь идеал такого общества, где каждым управляет исключительно его собственная воля (которая есть, несомненно, результат испытываемых каждым индивидуумом общественных влияний), только теперь этот идеал является одновременно в своей экономической, политической и нравственной форме, опираясь на необходимость коммунизма, который в силу чисто общественно-го характера нашего производства становится

ся неизбежным для современных обществ.

В самом деле, мы очень хорошо знаем теперь, что, пока существует экономическое рабство, нечего толковать о свободе. Слова поэта:

Не говори мне о свободе:

Бедняк останется рабом! —

теперь уже проникли в умы рабочих масс, во всю литературу нашего времени; они подчиняют себе даже тех, кто живет чужой бедностью, лишая их той самоуверенности, с которой они заявляли прежде о своем праве на эксплуатацию других.

Что современная форма присвоения общественного капитала не должна более существовать - в этом согласны миллионы социалистов Старого и Нового Света. Даже сами капиталисты чувствуют, что эта форма умирает и уже не решаются защищать ее с прежней смелостью. Вся их аргументация сводится уже, в конце концов, к тому, что мы не придумали еще ничего лучшего. Но ни отрицать губительных последствий существующих форм собственности, ни защищать свое право на нее они уже не решаются. Они пользуются

этим правом, пока им это позволяют, но не стремятся уже основать его на каком-нибудь принципе.

* * *

Вместе с тем проявляется все яснее и яснее еще и другой, более глубокий, недостаток существующего порядка. Он заключается в том, что при существовании частной собственности, когда все предметы, нужные для жизни и для производства, - земля, жилища, пищевые продукты, орудия труда, находятся в руках немногих, эти немногие постоянно мешают выращивать хлеб, строить дома, ткать и вообще - производить всего столько, сколько нужно, чтобы доставить достаток каждому. Рабочий смутно сознает, что наша техника, наши машины настолько могущественны, что могли бы доставить всем всего вволю, но что капиталисты и государство мешают этому повсюду. Им не нужно, чтобы крестьяне и рабочие имели всего вдоволь: они боятся этого. Сытыми труднее справляться, чем с голодными.

Мы не только не производим хлеба, всякой пищи, всякого платья и прочего больше, чем

нужно, чтобы всем хватало вдоволь; но мы далеко не производим того, что обязательно необходимо.

Когда господа ученые пишут толстые книги о том, что слишком много вырастили хлеба и наткали миткалей, и объясняют именно этой причиной плохие времена на фабриках, они, в сущности, очень затруднились бы ответом, если бы мы их попросили назвать, чего это в Англии, во Франции в Германии или в России так уже много, что его уже и делать нечего. Сколько хлеба везут каждый год из России, а между тем известно, что если бы весь хлеб, выращенный в России, оставался в самой России - весь как есть, - то и тогда его было бы круглым счетом всего 10 пудов на душу в год, т. е. ровно столько, сколько нужно, чтобы никто не голодал.

Леса, что ли, много, когда пол России живет так тесно в избах, что по десять человек спят в одной комнате? Или домов слишком много в городах? Дворцов, точно многовато, а квартир порядочных для рабочих

- живет опять-таки по пяти и десяти человек в одной комнате. Или книг слишком мно-

го, когда целые миллионы людей живут, не видя за год ни одной книги... Одного только действительно производится слишком много - в тысячу раз больше, чем сколько их нужно: это - чиновников. Этих, точно, фабрикуют слишком, слишком много; только об этом товаре что-то не пишут в ученых книгах. А между тем - чем не товар! Покупай, кто хочет!

То, что ученые называют «перепроизводством», есть, в сущности, то, что производится всякого товара больше, чем могут купить рабочие, разоряемые хозяевами и государством. Так оно и быть должно при теперешнем устройстве, потому что - как было замечено еще Прудоном

- рабочие не могут одновременно покупать на свою заработанную плату то, что они производят, и в то же время доставлять обильную пищу всей армии тунеядцев, которая сидит у них на шее.

По самой сущности современного экономического устройства рабочий никогда не сможет пользоваться теми благами, которые составляют продукт его труда; и число тех, которые живут за его счет, будет все увеличи-

ваться. Чем развитее страна в промышленном отношении, тем больше это число, потому что европеец эксплуатирует также при этом множество азиатов, африканцев и т. д. Вместе с тем промышленность направляется, и неизбежно должна направляться, не на то, в чем чувствуется недостаток для удовлетворения потребностей всех, а на то, что в данную минуту может принести наиболее крупные барыши хозяевам. Избыток у богатых неизбежно строится на бедности рабочих, и это бедственное положение большинства необходимо для того, чтобы всегда были рабочие, готовые продать себя и работать, получая только часть того, что они способны наработать. Иначе капиталист и не мог бы богатеть. А ему только это и нужно.

Эти отличительные черты нашего экономического строя составляют самую сущность его. Без них он не мог бы существовать. Кто, в самом деле, стал бы продавать свою рабочую силу за цену меньшую, чем то, что она может выработать, если бы его не принуждал к тому страх голода? Но эти-то существенные обязательные черты нашего строя и заключают в

себе самое решительное его осуждение.

* * *

В современном экономическом строе все тесно связано, все тесно переплетается между собою, и все ведет к неизбежному падению окружающей нас промышленной и торговой системы. Ее дальнейшая жизнь исключительно вопрос времени, и это время можно считать уже не веками, а годами. Но если это вопрос времени, то вместе с тем оно и вопрос нашей собственной энергии. Лентяи не создают историю: они пассивно терпят ее!

Дом в Москве, в котором родился П.А. Кропоткин.

Особняк был построен бабушкой Кропоткина княгиней Гагариной в первой половине XIX века и представлял собой яркий образец «дворянского гнезда» Москвы этого времени. В 1830-х годах особняком владела мать П.А.Кропоткина, Екатерина Николаевна Кропоткина, урожденная Сулима, вышедшая замуж за князя Алексея Петровича Кропоткина. 27 ноября (9 декабря) 1842 года здесь родился Петр Кропоткин.

Вот почему во всех цивилизованных странах образуются такие значительные группы людей, энергически требующих возвращения обществу всех богатств, накопленных трудами предыдущих поколений. Обобществление земли, угольных копей, заводов и фабрик, жилых домов, средств передвижения и т. д. стало общим боевым кличем этих партий и преследование - излюбленное средство богатых и правящих классов - уже не может предотвратить торжество восставшего ума. И если миллионы рабочих еще не двинулись до сих пор

и не отняли силою у хищников землю и заводы, то только потому, что они ждут удобной минуты, чтобы броситься на разрушение существующего строя, встречая повсюду поддержку со стороны международного движения.

Рабочие все чаще и чаще говорят теперь, что, если социальная революция не начнет с захвата всех средств жизни, т. е. с «распределения», как говорят экономисты, и не обеспечит каждому все необходимое для жизни, т. е. жилище, пищу и одежду, то это будет все равно, как если бы ничего не было сделано. И мы знаем также, что при наших могущественных средствах производства такое обеспечение вполне возможно. Если же рабочий останется рабочим наемным, то он останется рабом того, кому вынужден будет продавать свою рабочую силу - все равно, будет то частное лицо или государство.

Точно так же народный ум, т. е. сумма всех бесчисленных мнений, возникающих в головах людей, предвидит, что если роль хозяина в покупке рабочей силы и в наблюдении за нею возьмет на себя государство, то результа-

том этого явится опять-таки самое отвратительное крепостничество. Человек из народа рассуждает не отвлеченностями, а прямо фактами повседневной жизни. Он чувствует поэтому, что то государство, о котором болтают в книгах, явится для него в форме несметных чиновников, взятых из числа его бывших товарищей по работе, а что это будут за люди — он слишком хорошо знает по опыту. Он знает, чем становятся отличные товарищи, раз они сделались начальством, и он стремится к такому общественному строю, в котором настоящее зло не было бы заменено новым, а совершенно уничтожено...

Мне кажется, что силою вещей социалист вынужден признать, прежде всего, что материальное обеспечение существования всех членов общества должно быть первым актом социальной революции. Но вместе с тем ему приходится сделать и еще один шаг, а именно признать, что такое обеспечение должно быть достигнуто не при помощи государства, а совершенно вне его, помимо его вмешательства.

Что общество, взявши в свои руки все на-

копленные богатства, может свободно обеспечить всем довольство, под условием четырех или пяти часов в день физического труда в области производства - в этом согласны все те, кто только думал об этом вопросе. Если бы каждый человек привыкал с детства знать, откуда берется хлеб, который он ест, дом, в котором он живет, книга, по которой он учится, и т. д., и если бы каждый привыкал соединять умственный труд с трудом физическим, в какой бы то ни было отрасли производства, - общество могло бы легко достигнуть этого, даже помимо расчета на упрощения в способах производства, которые принесет нам более или менее близкое будущее.

В самом деле, достаточно подумать только о том, какое невообразимое количество сил тратится в настоящую минуту задаром, чтобы представить себе, как много могло бы получать всякое образованное общество, как мало труда потребовалось бы для этого от каждого человека и какие грандиозные дела могло бы такое общество предпринимать - дела, о которых теперь не может быть даже и речи.

Относительно возможности для коммуни-

стического общества быть богатым, при нашей современной, могучей технике, сомнения быть не может. Сомнение является только в вопросе о том, может ли существовать подобное общество без полного подчинения личности контролю государства и не требуется ли, для достижения материального благосостояния, чтобы европейские общества принесли в жертву даже ту незначительную свободу, которую им удалось, ценою стольких жертв, завоевать в продолжение нашего века?

Одна часть социалистов утверждает, что этого результата можно достигнуть не иначе, как принеся свободу в жертву на алтарь государства. Другая же, к которой принадлежим мы, думает, наоборот, что возможно достигнуть коммунизма, т. е. владеть сообща всем нашим общественным наследием и производить сообща все богатства, - только путем уничтожения государства, завоевания полной свободы личности, добровольного соглашения и совершенно свободного соединения в союзы и в федерации союзов.

Этот вопрос стоит в настоящую минуту на

первом плане, и на этот вопрос социализм должен дать тот или другой ответ немедленно, если не хочет, чтобы все его усилия оказались бесплодными.

Рассмотрим же его со всем тем вниманием, которого он заслуживает.

Каждый социалист легко вспомнит, как много предрассудков жило в нем в то время, когда он впервые услышал или подумал сам, что уничтожение частной собственности на землю и капитал становится исторической необходимостью.

То же самое происходит в настоящее время с человеком, которому в первый раз приходится слышать, что уничтожение государства с его законами, со всей его системой управления, со всем его объединением точно так же становится исторической необходимостью, что уничтожение капитализма невозможно без разрушения государства.

Эта мысль, бесспорно, противна всем понятиям, привитым нам нашим воспитанием - воспитанием, которым (не мешает помнить) руководят в своих выгодах церковь и государство.

Мы так много учились и читали о необходимости власти, так запуганы и боимся самих себя (христианство) и еще более того «неразумной толпы» (история), мы так много слышаны об ужасах бунтов, беспорядков «хаоса», «анархии», что мысль безвластия нас пугает с первого раза.

Но становится ли от этого мысль безвластия менее справедливой? И раз мы принесли уже в жертву своего освобождения столько предрассудков относительно хозяина, собственности, религии, - остановимся ли мы перед предрассудком государства?

Я не стану вдаваться в критику государства; это сделано было уже много раз. Точно так же я не стану рассматривать и его историческую роль и сошлюсь на другую мою работу («Государство и его роль в истории»). Я ограничусь несколькими общими замечаниями.

Прежде всего, в то время как человеческие общества существуют с самого начала появления на земле человека, государство представляет собою, напротив, форму общественной жизни, создавшуюся лишь очень недавно у

наших европейских обществ. Человек существовал уже в течение целых тысячелетий, прежде чем образовались первые государства: Греция и Рим процветали уже целые века до появления македонской и римской империй, а для нас, современных европейцев, государства существуют, собственно говоря, только с XVI века. Именно тогда завершилось уничтожение свободных общин и создано то общество взаимного страхования между военной и судебной властью, землевладельцами и капиталистами, которое называется государством.

Лишь в шестнадцатом веке был нанесен решительный удар преобладавшим до того представлениям о городской и сельской независимости свободных союзов и организаций, свободной на всех ступенях федерации независимых групп, отправлявших все те обязанности, которые теперь государство захватило в свои руки. Лишь после поражения крестьянских, гуситского и анабаптистского движений и после покорения вольных городов союз между церковью и зарождающеюся королевской властью положил конец федера-

тивной вольной организации. Между тем это устройство просуществовало с девятого по пятнадцатый век и дало тот замечательный период свободных средневековых городов, создавших целую новую и могучую цивилизацию, характер которой так хорошо уловили Огюстен Тьерри и Сисмонди - историки, к сожалению, слишком мало читаемые в наше время.

Известно, каким образом это соглашение между дворянином, священником, купцом, судьей, солдатом и королем упрочило свое господство. Все свободные союзы, существовавшие в средневековой городской и деревенской общине, - все гильдии, все союзы ремесленников, мастеров и подмастерий, братства, подсоседства и т. д., - были уничтожены повсеместно: королями в Англии, Франции, Испании, Италии и Германии, московскими царями в России. Земли, принадлежавшие общинам, были отданы на разграбление; богатства, составлявшие собственность гильдий, были конфискованы; всякое свободное соглашение между людьми подвергалось безусловному и жестокому запрещению. Чтобы установить

свое господство, чтобы получить возможность управлять потом лишь стадами, не имевшими между собою никакой прямой связи, Церковь и Государство не останавливались ни перед чем: убийство тайное, в одиночку и массовое, колесование, виселица, меч и огонь, пытка, выселение целых городов - все было пущено в ход. Вспомните о сотне слишком тысяч крестьян, перебитых в Голландии, о другой сотне тысяч убитых на войне и в Швейцарии, о зверствах Ивана Грозного в Новгороде!

Только теперь, только в последние двадцать лет мы начинаем отвоевывать путем борьбы и революции некоторые крохи тех прав на вольные артели и всевозможные союзы, которыми пользовались средневековые ремесленники и крестьяне, даже крепостные.

Мы опять начинаем отвоевывать эти права, и если вы взглянете в жизнь современных цивилизованных народов - книги не говорят об этом, но присмотритесь к жизни, - вы увидите, что господствующее стремление нашего времени есть стремление к образованию тысяч всевозможных союзов и обществ

для удовлетворения самых разнообразных потребностей современного человека.

Вся Европа покрывается добровольными союзами с целью изучения, обучения промышленности, торговли, науки, искусства и литературы, с целями эксплуатации и с целью ограждения от эксплуатации, с целью развлечения и серьезной работы, наслаждения и самопожертвования, -одним словом, для всего того, что составляет жизнь деятельного и мыслящего существа. Мы находим эти постоянно возникающие общества во всех уголках политической, экономической, художественной и умственной жизни Америки и Европы. Одни из них быстро исчезают, другие живут уже десятки лет, и все они стремятся, сохраняя независимость каждой группы, кружка, отделения или ветви, соединиться друг с другом, сплотиться, образовать между собою федерации в каждой стране и международные и охватить все существование цивилизованного человека сетью перекрещивающихся и переплетающихся нитей. Эти общества насчитываются уже десятками тысяч и охватывают миллионы людей, а между тем

не прошло еще и пятидесяти лет с тех пор, как Церковь и Государство стали терпеть некоторые - только еще некоторые из них.

Повсюду эти общества захватывают то, что прежде считалось обязанностью государства, и стремятся заменить деятельность его объединенной, чиновничьей власти деятельностью добровольною. В Англии мы находим даже общества страхования от воровства, общества спасения на водах, общества добровольных защитников страны, общества для защиты берегов и т. Д. без конца. Государство стремится, конечно, взять всякое такое общество под свою опеку и превратить его в орудие упрочения своей власти, и иногда это ему удается (Красный Крест); но первоначальная цель всех этих обществ - обходиться без государства. Не будь Церкви и Государства, свободные общества давно охватили бы область образования и воспитания, уже, конечно, давали бы лучшее образование, чем то ложное образование, которое дает - далеко не всем - государство. Впрочем, вольные общества уже начинают вторгаться и в эту область и уже оказывают в ней свое влияние, несмотря на

все препятствия.

При виде того, как много делается в этом направлении, помимо государства и наперекор ему (так как оно старается сохранить за собою господство, завоеванное им в течение трех последних столетий), при виде того, как добровольные союзы захватывают понемногу все и останавливаются в своем развитии, только уступая силе государства, мы волею-неволею должны признать, что здесь проявляется могучее стремление и пробивается новая сила современного общества. И мы можем тогда с полным правом поставить следующий вопрос: «если через пять, десять, двадцать лет - все равно - восставшим рабочим удастся сломить силу названного общества взаимного страхования между собственниками, банкирами, священниками, судьями и солдатами; если народ станет на несколько месяцев хозяином своей судьбы и завладеет всеми созданными им и принадлежащими ему по праву богатствами, - то займется ли он снова восстановлением хищнического государства? Не попытается ли он, наоборот, создать организацию, идущую от простого к

сложному, основанную на взаимном соглашении, соответственно разнообразным и постоянно меняющимся потребностям каждой отдельной местности, с целью обеспечить за собою пользование завоеванными богатствами и возможность жить и производить все то, что окажется необходимым для жизни? Иными словами, разрушив современную государственную организацию, чтобы совершить социальный переворот, что лучше: создавать ли вновь государство - вековое орудие угнетения народов - в обновленной форме, или же искать средств обойтись без него?

Пойдет ли народ за господствующим стремлением века, или, наоборот, он пойдет против него, пытаясь вновь создать уничтоженную им же власть?

Культурный человек, которого Фурье с презрением называл «цивилизованным» - трепещет при мысли, что общество может остаться в один прекрасный день без судей, без жандармов и без тюремщиков.

Действительно ли, однако, так нужны нам эти господа, как говорят нам в книгах - книгах, написанных учеными, которые обыкно-

венно очень хорошо знают, что было написано до них в других таких же книгах, но совершенно не знают по большей части ни народа, ни его ежедневной жизни.

Если мы можем безопасно ходить не только по улицам Парижа, где кишат полицейские, но и по деревенским дорогам, где лишь изредка встречаются прохожие, то чему обязаны мы этим: полиции или, скорее, отсутствию людей, желающих убить или ограбить прохожего? Я не говорю, конечно, о людях, носящих при себе миллионы - таких мало, - я имею в виду простого буржуа, который боится не за свой кошелек, наполненный несколькими дурно приобретенными червонцами, а за свою жизнь. Основательны ли его опасения?

Недавний опыт показал нам, что Джек Потрошитель совершал в Лондоне свои зверства буквально-таки под носом у полицейских, - а лондонская полиция - самая деятельная в мире, - и прекратил он их только тогда, когда его начало преследовать само уайтчапельское население.

А наши ежедневные отношения с нашими

согражданами? И неужели вы думаете, что противообщественные поступки в самом деле предотвращаются судьями, тюрьмами и жандармами? Неужели вы не видите, что судья, т. е. человек, одержимый законническим помешательством и вследствие этого всегда жестокий, - что доносчик, шпион, тюремщик, палач полицейский (а без них как жить судье?) и все подозрительные личности, ютящиеся вокруг судов, в действительности представляют, каждый из них, центр разврата, распространяемого в обществе? Присмотритесь-ка к этой жизни судейской, прочитайте отчеты о процессах, пробежите объявления, ими полны газеты английских агентств для частного сыска, предлагающие за бесценок выслеживать поведение мужей и жен при помощи опытных сыщиц; постарайтесь, хотя бы по отрывкам, составить картину Скотланд-Ярда (английского Третьего Отделения), Тайной Парижской полиции с ее помощницами на тротуарах и русского Третьего Отделения; загляните за кулисы судов, посмотрите, что делается на задах торжественных каменных фасадов, и вы почувствуете глубочайшее отвращение.

щение. Разве тюрьма, убивающая в человеке всякую волю и всякую силу характера и заключающая в своих стенах больше пороков, чем в каком бы то ни было другом пункте земного шара, не играла всегда роль высшей школы преступления, а зала суда - всякого суда - школы самой гнусной жестокости?

* * *

Нам возражают, что, когда мы требуем уничтожения государства и всех его органов, мы мечтаем об обществе, состоящем из людей лучших, чем те, которые существуют в действительности. Нет, ответим мы, тысячу раз нет! Мы требуем одного: чтобы эти гнусные государственные учреждения не делали людей худшими, чем они есть!

Известный немецкий юрист Иеринг задумал однажды резюмировать свои научные труды в сочинении, в котором он намеревался разобрать средства, служащие к поддержанию общественной жизни. Сочинение это носит название «Цель в праве» (Der Ziel im Recht) и пользуется вполне заслуженной репутацией.

Он выработал план своего труда и разо-

брал с большим знанием два существующих принудительных средства: наемную плату и формы принуждения, помеченные в законе. В конце он оставил два параграфа, чтобы упомянуть о двух непринудительных средствах, которым он, как и следовало юристу, не придавал особенного значения, а именно: чувству долга и чувству симпатии.

И что же? По мере того, как он исследовал принудительные средства, он убеждался в их полной недостаточности, полной неспособности поддержать общественный строй. Он посвятил им целый том, и в результате исследования - их значение сильно пошатнулось. Когда же он приступил к двум последним параграфам и принялся думать о непринудительных средствах общественной жизни, он увидел, что они имеют такое огромное, преобладающее значение, что вместо двух главок ему пришлось написать целый второй том, вдвое толще первого, об этих двух средствах: о добровольном самоограничении и о взаимной поддержке, причем он исчерпал только ничтожную часть предмета, так как говорил только о том, что вытекает из чувства личной

симпатии, едва затронув вопрос о свободном соглашении для выполнения общественных отправлений.

С каждым из вас случится то же, что с Иерингом, если им серьезно подумаете об этом предмете, и вместо того, чтобы повторять формулы, законченные вами в школе, сами серьезно займитесь этим вопросом. Подобно Иерингу вы увидите, какое ничтожное значение имеет в обществе принуждение сравнительно с добровольным соглашением.

С другой стороны, если вы последуете уже старому совету, данному Бенхамом, и подумаете о гибельных - прямых, а в особенности косвенных - последствиях всякого законного принуждения, вы возненавидите, как Толстой и как мы, это употребление силы и придете к заключению, что в руках общества есть тысяча других, гораздо более действительных средств для предотвращения противообщественных поступков; если же оно теперь не прибегает к этим средствам, то только потому, что и его воспитание, руководимое церковью и государством, и его трусость и леность мысли мешают ясному пониманию этих во-

просов. Если ребенок совершил какой-либо проступок - проще всего его наказать: тогда, по крайней мере, не нужно никаких объяснений. А разве трудно казнить человека, особенно когда есть на то наемные палачи - в Англии, всего по фунту, т. е. по 10 рублей за каждого повешенного? Чего лучше! Заплатить несколько сот рублей в год и не ломать дворянскую голову над причинами преступлений! А в Сибирь сослать или в Крест запереть - и того проще! Но - не омерзительно ли это? Нам часто говорят, что мы, анархисты, живем в мире мечтаний и не видим современной действительности. На деле же выходит, что мы, может быть, слишком хорошо ее видим и знаем, а потому и стараемся прорубить топором просеку в окружающей нас чаще вековых предрассудков по вопросу о всякой власти «от Бога или от мира сего».

Мы далеко не живем в мире видений и не представляем себе людей лучшими, чем они есть на самом деле: наоборот, мы именно видим их такими, какие они есть, а потому и утверждаем, что власть портит даже самых лучших людей и что все эти теории «равно-

весьма власти» и «контроля над правительством» не что иное, как ходячие формулы, придуманные теми, кто стоит у власти, для того, чтоб уверить верховный народ, будто правит именно он. На деле же государством народ нигде не правит. Везде богатые и обученные управлению управляют бедными. Именно в силу нашего знания людей мы и говорим правителям, которые думают, что без них люди загрызли бы друг друга: «Вы рассуждаете, как тот французский король, который, будучи принужден уехать за границу, восклицал: «Что станется без меня с моими несчастными подданными!»

* * *

Конечно, если бы люди были такими высшими существами, какими изображают их утописты власти, если бы мы могли, закрывая глаза на действительность, жить, как они, в мире иллюзий насчет нравственной высоты тех, кого они считают призванными к управлению, тогда, может быть, и мы думали бы, как они, и верили бы, как они, в добродетели правителей.

В самом деле, что же было бы худого в раб-

стве, если бы рабовладельцы действительно были теми праведными архангелами, какими их изображали утописты рабства? Вы, может быть, помните, какими розовыми красками нам расписывали американских рабовладельцев и крепостников-помещиков лет тридцать тому назад? Они ли не заботились отечески о своих рабах и крепостных! Без барина эти ленивые, беспечные, непредусмотрительные дети просто пропали бы с голоду! И к чему - говорили нам крепостники - станет барин обременять своих рабов непосильным трудом или истязать их под розгами! Ведь его прямая выгода хорошо кормить своих рабов, хорошо с ними обращаться, заботиться об них, как о своих собственных детях! Уж как сладко нам певали это в нашем детстве все-российские Скарятинны, американские газетчики и английские попы! А кроме того, ведь существовал «закон», каравший рабовладельца за малейшее уклонение от своих обязанностей! А между тем Дарвин, вернувшись из своего путешествия в Бразилию, так всю жизнь и был преследуем криками изувечиваемых рабов, которые он слышал в Бразилии,

и рыданиями женщин, стонавших от боли в закованных в тиски руках. А мам, детям бывших помещиков, по сию пору краска бросается в лицо при одной мысли о том, что делали наши отцы.

Если бы господа, стоящие у власти, действительно были людьми, настолько умными и преданными общественному делу, как нам изображают их хвалители государства, - какую бы можно было создать великолепную утопию, с правительством и хозяевами во главе! Хозяин был бы не тираном, а отцом своих рабочих! Завод был бы привлекательнейшим местопребыванием и никогда бы целые населения рабочих не оказывались осужденными на физическое вырождение. Государство не отравляло бы своих рабочих, заставляя их делать спички с белым фосфором, когда его так легко заменить красным. Таких судей, которые осуждают на целые годы голода и лишений и на смерть от истощения ни в чем неповинных жен и детей приговариваемых ими людей, - таких зверей не существовало бы; прокуроры не стали бы требовать смертной казни для подсудимого ради того

только, чтобы проявить свои ораторские таланты, и не нашлось бы ни тюремщиков, ни палачей для приведения в исполнение приговоров, которых судьи сами и не хотят исполнять! Да что тут говорить! У самого Плутарха не хватило бы слов, чтобы расписать все добродетели депутатов того блаженного времени, депутатов, которым противен самый вид панамских чеков! Дисциплинарные батальоны стали бы рассадниками всяких добродетелей, а постоянные армии - одним удовольствием для граждан, так как ружья служили бы солдатам только для того, чтобы маршировать перед няньками и детьми с букетами цветов, надетыми на штыки.

Какая прекрасная утопия, какая чудная святочная сказка создается в нашем воображении, как только мы предположим, что люди, стоящие у власти, представляют собою высший класс людей, которому чужды или почти чужды слабости простых смертных! Достаточно было заставить чиновников контролировать друг друга, соответственно Табели о рангах, и ограничить всего только двадцатью пятью номерами количество рапортов и от-

ношений, которыми позволено будет канцеляриям обмениваться в случае, если где-нибудь ветер сломает казенное дерево. (Теперь в объединенной Франции, чтобы продать казенное дерево, сломанное бурей, канцелярии обмениваются 53-мя номерами бумаги.) В случае надобности можно, кроме того, предоставить надзор за чиновниками простым смертным, которые в государственных утопиях отличаются в своих взаимных отношениях всевозможными пороками, но становятся олицетворением мудрости, как только им приходится выбирать себе правителей.

Вся наука государственного управления, созданная самими правителями, проникнута этой утопией. Но мы слишком хорошо знаем людей, чтобы предаваться подобным мечтам. Мы не прилагаем двух различных мерок, смотря по тому, идет ли речь об управителях или об управляемых; мы знаем, что мы сами несовершенны и что даже самые лучшие из нас быстро испортились бы, если бы попали во власть. Мы берем людей такими, каковы они есть, и вот почему мы ненавидим всякую власть человека над человеком и стараемся

всеми силами - может быть, даже недостаточно - положить ей конец.

* * *

Но одного разрушения недостаточно. Нужно также уметь и создать. Народ всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании. Разрушив старое, он предоставлял всегда заботу о будущем буржуазии, которая имела перед ним то преимущество, что знала более или менее ясно, чего хотела, и таким образом восстанавливала власть снова в свою пользу.

Вот почему, стремясь к уничтожению власти во всех ее проявлениях, к уничтожению законов и механизма, служащего для того, чтобы заставить им подчиняться, отрицая всякую лестничную организацию и проповедуя свободное соглашение, анархизм стремится вместе с тем к поддержанию и расширению того драгоценного ядра привычек общности, без которых не может существовать никакое человеческое, никакое животное общество. Только вместо того, чтобы ждать поддержки этих общественных при-

вычек от власти нескольких человек, он ждет его от постоянной деятельности всех.

Коммунистические учреждения и привычки необходимы для общества не только как способ разрешения экономических затруднений, но также и для поддержания и развития тех привычек общественности, которые сближают людей, создают между ними отношения, обращающие пользу каждого в пользу всех, - учреждения, соединяющие людей, вместо того чтобы разъединять их.

Когда мы задаем себе вопрос, какими средствами поддерживается в человеческом или животном обществе известный нравственный уровень, мы находим всего три таких средства: преследование и наказание противообщественных поступков, нравственное воспитание и широкое применение взаимной поддержки в жизни. А так как эти три способа уже были испробованы, то мы можем судить о них на основании их результатов.

Что касается бессилия судебного наказания, то оно достаточно доказывается тем безобразным положением, в котором находится современное общество, и самую необходимо-

стью той революции, к которой мы стремимся и неизбежность которой мы все чувствуем. В области хозяйственной система принуждения привела нас к фабричной каторге; в области политической - к государству, т. е. к разрушению всех связей, существовавших прежде между гражданами (якобинцы 1793 года разорвали даже те связи, которым удалось устоять против королевской власти), с целью сделать из них бесформенную массу подданных, подчиненную во всех отношениях одной срединной власти. Государственные законы и наказание не только помогли создать все бедствия современного хозяйственного, политического и общественного строя, но вместе с тем обнаружили свою полную неспособность поднять нравственный уровень общества. Они не сумели даже удержать его на том уровне, на каком оно стояло. В самом деле, если бы какая-нибудь благодетельная фея вдруг развернула перед нашими глазами все те преступления, которые совершаются в цивилизованном обществе под прикрытием неизвестности, протекции высокопоставленных лиц и самого закона, общество содрогнулось бы. За

крупные политические преступления, вроде наполеоновского переворота 2 декабря, или кровавой расправы с коммуной, или царских расправ в каторге и Шлиссельбурге, виновные никогда не несут наказания. Некрасов правду сказал: «Бичуют маленьких воришек для удовольствия больших».

Мало того. Когда власть берет на себя задачу улучшать общественную нравственность «наказанием виновных», она лишь порождает ряд новых преступлений - в судах и тюрьмах. К принуждению люди прибегали в течение целого ряда веков и так безуспешно, что мы находимся теперь в положении, из которого не можем выйти иначе, как разрушив и уничтожив принудительные учреждения нашего прошлого.

Мы далеко не отрицаем значения второго из упомянутых средств: нравственного воспитания; особенно такого, которое бессознательно передается в обществе от одного к другому и вытекает из общего свода всех мыслей и мнений, высказываемых каждым из нас относительно событий ежедневной жизни. Но эта сила может влиять на общество только

при одном условии: если ей не будет препятствовать другое, безнравственное, воспитание, вытекающее из существующих государственных учреждений.

В этом последнем случае ее влияние сводится к нулю или даже оказывается вредным. Возьмите христианскую нравственность: какая другая нравственность могла бы иметь такое сильное влияние на умы, как христианская, говорившая от имени распятого Бога и действовавшая всею силою своей таинственности, всей поэзией мученичества, всем величием прощения палачам? А между тем влияние государственных учреждений оказалось сильнее христианской религии. Христианство было в сущности восстанием иудеев против императорского Рима, но на деле оно было покорено этим Римом, оно приняло его начала, его обычаи, его язык. Христианская церковь проникнулась началами римского государственного права и, вследствие этого, явилась в истории союзницей государства, - самого отчаянного врага тех полукоммунистических учреждений, к которым взывало христианство в начале своего существования.

Можем ли мы предположить, хотя бы на минуту, что нравственное воспитание, устанавливаемое под покровительством министерских циркуляров, будет иметь ту творческую силу, которой не оказалось у христианства? И что может сделать воспитание, хотя бы оно и стремилось сделать людей действительно общественными, если против него будет стоять другое воспитание, ежедневное, вытекающее из суммы всех противообщественных привычек и учреждений?..

* * *

Остается третий элемент - само учреждение, действующее так, чтобы поступки, в которых проявляются чувства общности, вошли в привычку, сделались делом инстинкта. Эта сила, как показывает нам история, никогда не оказывалась беспомощною; никогда она не являлась обоюдоострым оружием. И если случалось, что она не достигала своей цели, то только тогда, когда хороший обычай, становясь понемногу неподвижным, окристаллизованным, обращался в какую-то неприкосновенную религию и поглощал личность, отнимая у нее всякую свободу дей-

ствия и тем самым вынуждая ее бороться с тем, что становилось препятствием к дальнейшему развитию.

В самом деле, все то, что послужило в прошлом как элемент развития, прогресса или как орудие нравственного и умственного воспитания человечества, - все это вытекало из приложений на практике начал взаимной поддержки и проявления таких привычек, которые признавали равенство между людьми, побуждали их самих соединяться друг с другом, сплачиваться для производства и потребления или же для общей защиты образовывать союзы и прибегать для решения возникавших между ними споров к посредникам, выбранным из своей собственной среды.

Всякий раз, когда эти учреждения, рождавшиеся как продукт народного творчества в те эпохи, когда народ завоевывал себе свободу, достигали в истории наибольшего развития - всякий раз и нравственный уровень общества, и его материальное благосостояние, и его свобода, и его умственный прогресс, и развитие личности - все поднималось. Всякий же

раз, когда, наоборот, в силу ли иностранного завоевания, или в силу развития государственных предрассудков, люди все больше и больше делились на управителей и управляемых, как эксплуататоров и эксплуатируемых, - нравственный уровень общества понижался; вместо благосостояния большинства являлась нажива некоторых, и общий дух века быстро мельчал.

Этому учит нас история, и именно из нее мы черпаем нашу веру в учреждения свободного коммунизма как в силу, которая способна поднять нравственный уровень общества, пониженный привычками государственности.

В настоящее время мы живем в городах рядом с другими людьми, даже не зная их. В дни выборов мы встречаемся друг с другом на собраниях, слушаем лживые обещания или нелепые речи кандидатов и возвращаемся к себе домой. Государство заведует всеми делами, имеющими общественный интерес; на нем лежит обязанность следить за тем, чтобы отдельные люди не нарушали интересов своих сограждан, и, в случае надобности, исправ-

лять нанесенный им вред, наказывая виновных. На нем лежит забота о помощи голодающим, забота образования, защита от врагов и т. д. и т. д.

Ваш сосед может умереть с голоду или заколотить на смерть своих детей, - до вас это не касается: это дело полиции. Вы не знаете своих соседей; вас ничто не связывает с ними, и все разъединяет, и, за неимением лучшего, вы просите у Всемогущего (прежде это был бог, а теперь государство), чтобы он не допускал противообщественные страсти до их крайних пределов.

В коммунистическом обществе дело неизбежно должно пойти иначе. Организацию коммунистического строя нельзя поручить какому-нибудь законодательному собранию, - парламенту, городскому или мирскому совету. Оно должно быть делом всех, оно должно быть создано творческим умом самого народа; коммунизм нельзя навязать свыше. Без постоянной, ежедневной поддержки со стороны всех он не мог бы существовать; он задохнулся бы в атмосфере власти.

Вследствие этого коммунизм и не может

существовать иначе, как создавая тысячи точек соприкосновения между людьми по поводу их общих дел. Он не может жить иначе, как создавая независимую местную жизнь для самых мелких единиц: для каждой улицы, для каждой кучки домов, для каждого квартала, для каждой общины и города. Он тогда только и может достичь своей цели, если покроет общество целую сетью артелей и обществ, служащих для удовлетворения всевозможных потребностей: нужды довольства, роскоши, изучения, развлечений и т. д. А эти общества точно так же не могут оставаться чисто местными; они неизбежно будут стремиться к тому, чтобы стать всенародными и международными, как это происходит уже теперь с учеными обществами, с обществами велосипедистов, с обществами для спасения утопающих и пр.

И те общественные привычки, которые неизбежно вызовет к жизни коммунизм - хотя бы вначале даже неполный коммунизм - окажутся несравненно сильнее для поддержания и развития существующего уже ядра общественных привычек, чем все возможные

карательные меры.

* * *

Вот от какой формы жизни, от какого общественного строя мы ждем развития духа взаимного соглашения. Заметим кстати, что эти соображения служат также ответом тем, кто утверждает, что коммунизм и анархизм несовместимы. На деле они составляют необходимое дополнение друг для друга.

Полное развитие личности и ее личных особенностей может иметь место - по справедливому замечанию одного из наших товарищей - только тогда, когда первые, главные потребности человека в пище и жилье удовлетворены, когда его борьба за жизнь, против сил природы, упростилась, когда его время не поглощено тысячами мелких забот о поддержании своего существования. Тогда только ум, художественный вкус, изобретательность и вообще все способности человека могут развиваться свободно.

Коммунизм представляет собою, таким образом, лучшую основу для развития личности - не того индивидуализма, который толкает людей на борьбу друг с другом и который

только и был нам до сих пор известен, - а того, который представляет собою полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли.

Таков наш идеал, и что нам за дело до этого, что во всей своей полноте он осуществится лишь в более или менее отдаленном будущем! Его частное осуществление мы можем начать сейчас же, среди нас самих; его идеи мы должны распространять как можно шире, не медля ни минуты, - и тогда мы увидим, как наши отдаленные стремления повлияют на каждый шаг вперед, который сделает общество, как они отразятся на всех воззрениях относительно того, что следует делать сейчас же, как отнестись к каждому частному вопросу.

Наше дело - открыть, прежде всего, путем изучения современного общественного строя, его стремления, его направление, свойственные ему в данный момент развития, и указать эти стремления. Затем -осуществить эти стремления в наших сношениях с нашими

единомышленниками; и наконец, - заняться уже теперь, и в особенности с наступлением революционного периода, разрушением учреждений и предрассудков, стесняющих развитие этих стремлений.

Это - все, что мы можем сделать, как мирным, так и революционным путем. Но мы знаем, что, способствуя проявлению этих стремлений, мы содействуем прогрессу, и что все, что идет против них, может только задержать прогресс.

Нам часто говорят о промежуточных ступенях, которые общество должно будет пройти, и нам предлагают бороться за достижение того, на что нам указывают, как на первый этапный пункт; впоследствии, говорят нам, можно выйти на истинную дорогу, после того как мы достигнем первого этапа.

Мне кажется, однако, что рассуждать таким образом - значит совершенно не понимать настоящего характера человеческого прогресса и пользоваться сравнением, взятым из военного дела и, в сущности, довольно неудачным. Человечество не представляет собою ни катящегося шара, ни даже марши-

рующей колонны солдат. Оно есть такое целое, развитие которого состоит в развитии составляющих его миллионов; и если мы уже непременно хотим делать сравнения, то материал для таких сравнений надо брать, скорее, из законов развития живых существ, чем из законов движения неживых тел. В действительности, каждый шаг в развитии общества представляет собою равнодействующую умственных деятельностей всех составляющих его единиц, и он носит на себе отпечаток воли каждой из них. Каков бы ни был новый вид развития, который готовит нам XX век, он неизбежно будет носить на себе отпечаток тех идей безгосударственной свободы, которые уже начинают пробуждаться теперь. Глубина этого движения будет зависеть от числа умов, порвавших с государственными предубеждениями от энергии, с которой они будут разрушать старые учреждения, от впечатления, которое они произведут на общество, от ясности, с которой общественный строй освободившегося общества будет обрисовываться в умах этой массы. Но мы можем сказать уже теперь, - например, относительно Франции, -

что пробуждение идей безгосударственной свободы дало французскому обществу известный толчок и что будущая революций во Франции ни в каком случае уже не будет той якобинской, сосредоточенной (централизованной) революцией, какой она была бы, если бы произошла двадцать лет тому назад.

Раз анархические идеи не представляют собою измышления какой-нибудь отдельной личности или группы, а вытекают из всего идейного движения нашего времени, мы можем быть уверены, что, каковы бы ни были результаты будущей революции, она уже не приведет нас ни к централизованному и диктаторскому коммунизму 40-х годов, ни к государственному коллективизму.

«Первый этапный пункт», наверное, не будет, следовательно, тем, что понимали под этим первым шагом всего каких-нибудь двадцать лет тому назад.

* * *

Я уже заметил, что, поскольку мы можем судить об этом на основании наших наблюдений, перед всей социалистической партией возникла в настоящее время громаднейшая

задача: как согласовать ее общественный хозяйственный идеал с движением в сторону свободы личности, начинающимся в умах массы?

Затем, в предыдущих революциях недоставало заботы о пробуждении духа народного почина. Теперь же люди начинают понимать, что без пробуждения именно этого почина, - повсеместно, в каждом городе и деревушке, - нет никакой возможности совершить громаднейший экономический переворот, который требуется совершить.

Отсутствие организаторского творческого почина в народных массах было, в самом деле, тем подводным камнем, о который разбились все прошлые революции. Очень сильный по своей сообразительности в нападении народ не проявлял почина и творческой мысли в деле построения нового здания.

Народ дрался на баррикадах, брал дворцы, выгонял старых правителей, но дело новой постройки он предоставлял образованным классам, т. е. той же буржуазии. У буржуазии же был свой общественный идеал, она знала приблизительно, чего именно она хотела,

знала, что можно будет извлечь, в ее собственных интересах, из общественной бури. И, как только революция ломала старые порядки, буржуазия бралась за постройку, в свою пользу.

В революции разрушение составляет только часть работы революционера. Ему приходится, кроме того, сейчас же строить вновь. И вот эта постройка может произойти либо по старым рецептам, заученным из книг и навязываемым народу всеми защитниками старого, всеми неспособными додуматься до нового. Или же перестройка начнется на новых началах; т. е. в каждой деревне, в каждом городе начнется самостоятельная постройка социалистического общества под влиянием некоторых общих начал, усвоенных массою, которая будет искать их практического осуществления на месте, в сложных отношениях, свойственных каждой местности.

Но для этого у народа должен быть свой идеал, для этого в его среде должны быть люди почина, инициативы; она может быть сделана только народным почином - не сверху, а снизу. А как ее сделать, хоть бы и в одном го-

роде? С чего начать? Нам выпадает на долю обдумать это. Наш ответ, в общих чертах, таков: начинать с кормления всех, с устройства всех в порядочном жилье; говоря учено, с распределения. Производство же должно устроиться согласно надобностям распределения.

А между тем именно эту инициативу рабочего и крестьянина сознательно или бессознательно душили все партии - в том числе и социалисты - ради партийной дисциплины. Все распоряжения исходили из центра, от комитетов, а местным органам оставалось только подчиняться, чтобы не нарушать единства организации. Целая система воспитания, целая ложная история, целая непонятная наука были выработаны с этой целью.

Вот почему тот, кто будет стремиться уничтожить этот устарелый и вредный прием, кто сумеет разбудить в личностях и в группах дух почина, кому удастся положить эти принципы в основу своих поступков и своих отношений с другими людьми, кто поймет, что в разнообразии и даже в борьбе заключается жизнь и что единообразие есть смерть, тот потрудится не для будущих веков, а для бли-

жайшей революции.

* * *

Еще несколько слов.

Мы не боимся «злоупотребления свободой». Только те, кто ничего не делают, не делают промахов. Что же касается людей, умеющих только повиноваться, то и они делают столько же промахов и ошибок, или даже больше, чем люди, которые ищут свой путь сами, стараясь действовать в том направлении, на которое их толкает склад их ума, в связи с воспитанием, которое им дало общество. Нет сомнения, что дурно понятая и в особенности дурно истолкованная идея свободы личности может повести - в особенности в среде, где понятие солидарности недостаточно вошло в учреждения, - к поступкам, возмущающим общественную совесть. Допустим же заранее, что это будет случаться. Но достаточная ли это причина для того, чтобы отвергнуть вообще начала свободы? Достаточная ли это причина для того, чтобы согласиться с теми, кто восхваляет цензуру для предотвращения «злоупотреблений» освобожденной печати и гильотинирует людей

передовых партий ради поддержания единого образа и дисциплины?

В конце концов, как нам показал опыт 1793 года, - ведь это лучшее средство, чтобы приготовить торжество реакции. Единственное, что мы можем сделать при виде противоправных поступков, это отказаться от правила: «Каждый за себя, а государство за всех» и найти в себе достаточно смелости, чтобы выражать открыто наше мнение. Это, конечно, может повести к борьбе, но борьба и есть жизнь. Притом же такая борьба приведет и нас самих к более справедливой оценке большинства поступков, чем та, которую мы сделали бы под исключительным влиянием наших установленных понятий. Многие ходячие понятия нравственности тоже нуждаются в переоценке.

Когда нравственный уровень общества понизился до такой степени, до какой он понизился у нас, тогда мы должны предвидеть заранее, что протест против такого общества будет принимать иногда такие формы, которые будут нас коробить; но этого еще недостаточно, чтобы заранее осудить всякий протест.

Конечно, нас глубоко возмущают отрубленные головы, насаженные на пики в 1789 году, но не представляли ли они собою последствий виселиц старого королевского порядка и железных клеток, о которых нам говорил Виктор Гюго? Будем надеяться, что избиение тридцати пяти тысяч парижан в 1871 г. и осада Парижа Тьером не оставили слишком много жестокости в характере французского народа; будем надеяться, что разврат высших классов, обнаружившийся в недавних процессах, не окончательно разъял еще сердце нации. Да, будем надеяться на это, будем содействовать этому! Но если бы эти наши надежды нас обманули, - то неужели вы, молодые социалисты, отвернетесь от восставшего народа только потому, что жестокость теперешних господствующих классов оставила в его уме некоторые следы? Что от грязи, даримой наверху, далеко разлетелись брызги во все стороны?

Нет сомнения, что глубокий переворот, совершающийся в умах, не может оставаться исключительно в области мысли, а должен перейти в область действий. Как справедливо

заметил слишком рано похищенный смертью молодой философ Марк Гюйо (в одной из самых лучших книг, написанных за последние тридцать лет), между мыслью и делом нет резкой пропасти - по крайней мере для тех, кто не привык к современной софистике. Мысль есть уже начало дела.

Вот почему анархические идеи вызвали, во всех странах и во всевозможных формах, целый ряд действий протеста; сначала - протеста личного против капитала и государства, затем протеста коллективного, в виде стачек и рабочих бунтов, причем и тот и другой вид протеста готовят, как в умах, так и в жизни, восстание массовое, т. е. революцию. Социализм и анархизм в этом отношении лишь следовали за тем развитием «идей-сил» (мыслей, ведущих к делам), которое всегда наблюдается при приближении крупных народных восстаний.

Вот почему было бы ошибкою со стороны других и наглостью с нашей стороны приписывать исключительно анархизму все резкие проявления протеста. Если пересмотреть все подобные проявления за последнюю четверть

века, мы увидим, что они исходили отовсюду.

Какая бы получилась страшная книга, если бы кого-нибудь дал перечень всех страданий, перенесенных за последнюю четверть века рабочим классом и его защитниками! Сколько ужасающих подробностей, неизвестных публике, - подробностей, которые преследовали быт вас, как кошмар, если бы я стал рассказывать их сегодня! Какой взрыв негодования произвела бы каждая страница такого мартиролога современных провозвестников великой социальной революции! Но ведь эта книга пережита нами: каждый из нас пробежал по крайней мере несколько страниц, полных крови и ужасающих мук...

* * *

Все, все, решительно все в современном обществе учит полному презрению к человеческой жизни - как к товару, который так дешево стоит на рынке! И те, кто казнит, убивает, истребляет этот дешевый человеческий товар, кто возводит в религиозный догмат правило, что для общественного спасения нужно вешать, расстреливать и убивать, еще смеют жаловаться на недостаточное уваже-

ние к человеческой жизни со стороны революционеров!..

Нет, до тех пор, пока общество будет следовать закону кровавой мести, пока вера и закон, казарма и суд, тюрьма и фабричная каторга, печать и школа будут продолжать учить полному презрению к человеческой жизни, - до тех пор не требуйте уважения к ней со стороны тех, кто восстает против этого общества! Это значило бы требовать от них доброты и великодушия, которых нет теперь в обществе.

Если вы хотите, вместе с нами, полного уважения к свободе, а следовательно, и к жизни личности, вы неизбежно должны отвергнуть всякое управление человека человеком, в какой бы форме оно ни проявлялось; вы должны принять начала анархизма, которые вы до сих пор презирали. А, приняв их, вы должны будете стремиться, вместе с нами, к отысканию таких общественных форм, которые лучше всего соответствовали бы этому идеалу и положили бы конец всем возмущающим вас актам насилия.

Этика анархизма

Когда мы обзираем громадные успехи естественных наук в течение XIX века и видим то, что они нам обещают в своем дальнейшем развитии, мы не можем не сознавать, что перед человечеством открывается новая полоса в его жизни или, по крайней мере, что оно имеет в своих руках все средства, чтобы открыть такую новую эру.

Наука и философия дали нам как материальную силу, так и свободу мысли, необходимые для того, чтобы вызвать к жизни деятелей, способных двинуть человечество на новый путь всеобщего прогресса. Есть, однако, одна отрасль знания, оставшаяся позади других. Эта отрасль - этика, учение об основных началах нравственности. Такого учения, которое было бы в соответствии с современным состоянием науки и использовало бы ее завоевания, чтобы построить основы нравственности на широком философском основании, и дало бы образованным народам силу, способную вдохновить их для предстоящей великой перестройки, - такого учения еще не по-

явилось. Между тем в этом всюду и везде чувствуется потребность. Новой реалистической науки о нравственности, освобожденной от религиозного догматизма, суеверий и метафизической мифологии, подобно тому как освобождена уже современная естественно-научная философия, и вместе с тем одухотворенной высшими чувствами и светлыми надеждами, внушаемыми нам современным знанием о человеке и его истории, - вот чего настоятельно требует человечество.

Что такая наука возможна - в этом нет никакого сомнения. Если изучение природы дало нам основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на земле, законы психической жизни и развитие обществ, - то это же изучение должно дать нам естественное объяснение источников нравственного чувства. И оно должно указать нам, где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты. Если созерцание вселенной и близкое знакомство с природой могли внушить великим натуралистам и поэтам девятнадцатого века высокое вдохно-

вание, если проникновение в глубь природы могло усиливать темп жизни в Гете, Байроне, Шелли, Лермонтове при созерцании ревущей бури, спокойной и величавой цепи гор или темного леса и его обитателей, то отчего же более глубокое проникновение в жизнь человека и его судьбу не могло бы одинаково вдохновить поэта.

Когда же поэт находит настоящее выражение для своего чувства общения с Космосом и единения со всем человечеством, он становится способен вдохновлять миллионы людей своим высоким порывом. Он заставляет их чувствовать в самих себе лучшие силы, он будит в них желание стать еще лучшими. Он пробуждает в людях тот самый экстаз, который прежде считали достоянием религии. В самом деле, что такое псалмы, в которых многие видят высшее выражение религиозного чувства, или же наиболее поэтические, части священных книг Востока, как не попытки выразить экстаз человека при созерцании вселенной, как не пробуждение в нем чувства поэзии природы.

Потребность в реалистической этике чув-

ствовалась с первых же лет научного Возрождения, когда Бэкон, вырабатывая основы для возрождения наук, одновременно наметил также и основные черты эмпирической научной этики менее обстоятельно, чем это сделали его последователи, но с широтою обобщения, которой с тех пор достигли немногие и дальше которой мы мало подвинулись в наши дни. Лучшие мыслители XVII века продолжали в том же направлении, тоже стараясь выработать системы этики, независимые от предписаний религий.

Французские материалисты и энциклопедисты обсуждали задачу в том же направлении, несколько больше настаивая на себялюбии и стараясь согласовать два противоположных стремления человеческой природы — узколичное и общительное. Общественная жизнь, доказывали они, неизбежно способствует развитию лучших сторон человеческой природы. Руссо, со своей рациональной религией, был связующим звеном между материалистами и верующими, и, смело подходя к социальным вопросам той эпохи, он имел гораздо больше влияния, чем другие. С

другой стороны, даже крайние идеалисты, как Декарт и его последователь пантеист Спиноза, и даже одно время «трансцендентальный» идеалист Кант не вполне верили происхождению нравственных начал через откровение. Они пытались поэтому дать этике более широкую основу, не отказываясь, однако, от сверхчеловеческого происхождения нравственного закона .

То же стремление найти реальную основу нравственности проявляется с еще большей силой в XIX веке, когда ряд продуманных систем этики был выработан на основе себялюбия (эгоизма) или же на «любви к человечеству» (Огюст Конт, Литтрэ и многие другие, менее видные их последователи), на «симпатии» и «умственном отождествлении своей личности с человечеством» (Шопенгауэр), на утилитаризме, т. е. на «полезности» (Бентам и Милль), и, наконец, на теории развития (Дарвин, Спенсер, Гюйо), не говоря уже о системах, отрицающих нравственность, ведущих свое происхождение от Ларошфуко и Мандевиля и развитых в XIX веке Ницше и некоторыми другими, утверждавшими верховные

права личности, но стремившимися вместе с тем поднять уровень нравственности своими резкими нападками на половинчатые нравственные понятия нашего времени.

* * *

Казалось бы, что ввиду стольких систем этики, выработанных за последние два столетия, нельзя внести в эту область ничего такого, что не было бы повторением уже сказанного или попыткой сочетания различных частей ранее выработанных систем. Между тем, несомненно, что ни одна из этических систем, созданных в XIX веке, не смогла удовлетворить даже образованную часть цивилизованных народов. Не говоря уже о многочисленных философских работах, в которых несостоятельность современной этики ясно выражена, лучшим доказательством служит тот определенный возврат к идеализму, который мы наблюдаем в конце XIX века. Начавшись возражением против некоторых ошибок естественнонаучной философии, критика скоро обратилась и против положительного знания вообще. Стали торжественно провозглашать «банкротство науки».

Между тем людям науки известно, что всякая точная наука всегда идет от одного «приближения» к другому, т. е. от первого приблизительного объяснения целого разряда явлений к следующему, более точному приближению. Но эту простую истину совершенно не желают знать «верующие» и вообще любители мистики. Узнав, что в первом приближении открываются неточности, они спешат заявить о «банкротстве науки» вообще. Между тем людям науки известно, что самые точные науки, как, например, астрономия, идут именно этим путем постепенных приближений. Узнать, что все планеты ходят вокруг солнца, было великим открытием, и первым «приближением» было предположить, что они описывают круги вокруг солнца. Потом найдено было, что они ходят по слегка вытянутым кругам, т. е. по эллипсам, и это было второе «приближение». За ним пришло «третье приближение», когда мы узнали, что все планеты вращаются по волнистым линиям, постоянно уклоняясь в ту или другую сторону от эллипса и никогда не проходя в точности по тому же пути; и наконец, теперь, когда мы

знаем, что солнце не неподвижно, а само несется в пространстве, астрономы стараются определить характер и положение спиралей, по которым несутся планеты, постоянно описывая слегка волнистые эллипсы вокруг солнца.

Те самые переходы от одного приближительного решения задач к следующему, более точному, совершаются во всех науках. Тем не менее, в настоящее время очень многие стремятся заменить науку «интуицией», т. е. просто догадкой или слепую верою. Вернувшись сперва к Канту, а потом к Шеллингу, множество писателей проповедуют теперь «индетерминизм», «спиритуализм», «априоризм», «личный идеализм», «интуицию» и т. д., доказывая, что вера, а не наука - источник истинного познания. Но и этого оказалось недостаточно. В моде теперь мистицизм св. Бернарда и неоплатоников. Является особое требование на «символизм», на «неуловимое», «недостижимое понимание». Воскресли даже веру в средневекового сатану.

Правда, что ни одно из этих новых течений не достигло широкого и глубокого вли-

нения, но надо сознаться, что общественное мнение колеблется между двумя крайностями: безнадежным стремлением вернуться к темным средневековым верованиям со всеми их суевериями, идолопоклонством и даже верой в колдовство, а с другой стороны, воспеванием «аморализма» (безнравственности) и преклонением перед «высшими натурами», ныне называемыми «сверх-человеками», или «высшими индивидуализациями» (высшими выражениями личности), которые Европа переживала уже однажды, во времена байронизма и романтики.

А потому особенно необходимо рассмотреть теперь, основательно ли в самом деле сомнение насчет авторитетности науки в нравственных вопросах и не дает ли нам наука основы этики, которые, если они будут правильно выражены, смогут дать ответ на современные запросы.

* * *

Слабый успех этических систем, развившихся в течение последних ста лет, показывает, что человек не может удовлетвориться одним только естественнонаучным объясне-

нием происхождения нравственного чувства. Он требует оправдания этого чувства. В вопросах нравственности люди не хотят ограничиться объяснением источников нравственного чувства и указанием, как такие-то причины содействовали его росту и утончению. Этим можно довольствоваться при изучении истории развития какого-нибудь цветка. Но здесь этого недостаточно. Люди хотят найти основание, чтобы понять само нравственное чувство. Куда оно ведет нас? К желательным последствиям или же, как утверждают некоторые, к ослаблению силы и творчества человеческого рода и в конце концов к его вырождению.

Если борьба за существование и истребление физически слабых - закон природы и если без этого невозможен прогресс, то не будет ли мирное «промышленное состояние», обещанное нам Кантом и Спенсером, началом вырождения человеческого рода, как это утверждает с такой силой Ницше. А если такой исход нежелателен, то не должны ли мы в самом деле заняться переоценкой тех нравственных «ценностей», которые стремятся

ослабить борьбу или по крайней мере сделать ее менее болезненной.

Главную задачу современной реалистической этики составляет поэтому, как это заметил Вундт в своей «Этике», определение прежде всего моральной цели, к которой мы стремимся. Но эта цель или цели, как бы идеальны они ни были и как бы далеки мы ни были от их осуществления, должны все-таки принадлежать к миру реальному.

Целью нравственности не может быть нечто «трансцендентальное», т. е. сверхсущественное, как этого хотят некоторые идеалисты: оно должно быть реально. Нравственное удовлетворение мы должны найти в жизни, а не в каком-то внежизненном состоянии.

Когда Дарвин выступил со своей теорией о «борьбе за существование» и представил эту борьбу как главный двигатель прогрессивного развития, он снова поднял этим самым старый вопрос о нравственном или безнравственном лице природы. Происхождение понятий о добре и зле, занимавшее умы со времен Зенд-Авесты, снова стало предметом обсуждения - с новой энергией и с большей глу-

биною, чем когда-либо. Природу дарвинисты представляли как громадное поле битвы, на котором видно одно истребление слабых сильными и наиболее ловкими, наиболее хитрыми. Выходило, что от природы человек мог научиться только злу.

Эти воззрения, как известно, широко распространились. Но если бы они были верны, то философу-эволюционисту предстояло бы разрешить глубокое противоречие, им же самим внесенное в свою философию. Он, конечно, не может отрицать, что у человека есть высшее представление о «добре» и что вера в постепенное торжество добра над злом глубоко внедрена в человеческую природу. Но раз оно так, он обязан объяснить, откуда взялось это представление о добре? Откуда эта вера в прогресс? Он не может убаюкивать себя эпикурейскою верою, которую поэт Теннисон выразил словами: «Каким-то образом добро будет конечным исходом зла». Он не может представлять себе природу, «обагрённую кровью» - «red in tooth and claw», как писали тот же Теннисон и дарвинист Гексли, повсюду находящуюся в борьбе с началом добра, - приро-

ду, представляющую отрицание добра в каждом живом существе, -и, несмотря на это, утверждать, что «в конце концов» доброе начало все-таки восторжествует. Он должен по крайней мере сказать, как он объясняет себе это противоречие.

Если ученый признает, что «единственный урок, который человек может почерпнуть из природы, - это урок зла», то он вынужден будет признать существование какого-то другого влияния, стоящего вне природы, сверхприродного, которое внушает человеку понятие о «верховном добре» и ведет развитие человечества к высшей цели. И таким образом он сведет на нет свою попытку объяснить развитие человечества действием одних природных сил.

* * *

В действительности положение теории развития вовсе не так шатко и она вовсе не ведет к таким противоречиям, в какие впал Гексли, потому что изучение природы отнюдь не подтверждает вышеприведенного пессимистического представления о ее жизни, как это указал уже сам Дарвин во втором

своём сочинении «Происхождение человека». Представление Теннисона и Гексли не полно, оно односторонне и, следовательно, ложно; и оно тем более ненаучно, что Дарвин сам указал на другую сторону жизни природы в особой главе только что названной книги.

В самой природе, писал он, мы видим рядом со взаимною борьбою другой разряд фактов, имеющих совершенно другой смысл: это факт взаимной поддержки внутри самого вида; и эти факты даже важнее первых, потому что они необходимы для сохранения вида и его процветания. Эту в высшей степени важную мысль, на которую большинство дарвинистов отказывается обратить внимание и которую Альфред Рассель Уоллес даже отрицает, я постарался развить и подтвердил массою фактов в ряде статей, где я показал громаднейшее значение Взаимопомощи для сохранения животных видов и человечества, в особенности для их прогрессивного развития, их совершенствования.

Нисколько не стараясь умалить то, что громадное множество животных питается видами, принадлежащими к другим отделам

животного мира, или же более мелкими видами того же отдела, я указывал на то, что борьба в природе большею частью ограничена борьбою между различными видами; но что внутри каждого вида, а очень часто и внутри групп, составленных из различных видов, живущих сообща, взаимная помощь есть общее правило. А потому общительная сторона животной жизни играет гораздо большую роль в жизни природы, чем взаимное истребление. Она также гораздо более распространена. Действительно, число общительных видов среди жвачных, большинства грызунов, многих птиц, пчел, муравьев и т. д., которые не живут охотой на другие виды, весьма значительно; и число особей в каждом из этих общительных видов чрезвычайно велико. Кроме того, почти все хищные звери и птицы, а особенно те из них, которые не вырождаются в силу быстрого истребления человеком или других причин, тоже практикуют в некоторой мере взаимную помощь. Взаимопомощь - преобладающий факт природы.

Но если взаимопомощь так распространена-

на, то произошло это потому, что она дает такие преимущества видам животных, практикующим ее, что совершенно изменяет соотношение сил не в пользу хищников. Она представляет лучшее оружие в великой борьбе за существование, которая постоянно ведется животными против климата, наводнений, бурь, буранов, мороза и т. п., и постоянно требует от животных новых приспособлений к постоянно изменяющимся условиям жизни.

Взятая в целом, природа ни в каком случае не является подтверждением торжества физической силы, скорого бега, хитрости и других особенностей, полезных в борьбе. В природе мы видим, наоборот, множество видов безусловно слабых, не имеющих ни брони, ни крепкого клюва или пасти для защиты от врагов, и во всяком случае вовсе не воинственных; и тем не менее они лучше других преуспевают в борьбе за существование и благодаря свойственной им общительности и взаимной защите они даже вытесняют соперников и врагов, несравненно лучше их вооруженных. Таковы муравьи, пчелы, голуби, утки, суслики и другие грызуны, козы, олени и

так далее.

Наконец, можно считать вполне доказанным, что тогда как борьба за существование одинаково ведет к развитию как прогрессивному, так и регрессивному, т. е. иногда к улучшению породы, а иногда и к ее ухудшению, практика взаимопомощи представляет силу, всегда ведущую к прогрессивному развитию. В прогрессивной эволюции животного мира, в развитии долголетия, ума и того, что мы в цепи живых существ называем высшим типом, взаимопомощь является главной силой. Этого моего утверждения до сих пор не опроверг ни один биолог.

* * *

Являясь, таким образом, необходимым для сохранения, процветания и прогрессивного развития каждого вида, инстинкт взаимопомощи стал тем, что Дарвин назвал постоянно присущим инстинктом (a permanent instinct), который всегда в действии у всех общительных животных, в том числе, конечно, и у человека. Проявившись уже в самом начале развития животного мира, этот инстинкт, без сомнения, так же глубоко заложен во всех

животных, низших и высших, как и материнский инстинкт, быть может, даже глубже, так как он присущ даже и таким животным, как слизняк, некоторым насекомым и большей части рыб, у которых едва ли есть какой-либо материнский инстинкт. Дарвин поэтому был совершенно прав, утверждая, что инстинкт «взаимной симпатии» более непрерывно проявляется у общительных животных, чем чисто эгоистический инстинкт личного самосохранения. Он видел в нем, как известно, зачатки нравственной совести, что, к сожалению, слишком часто забывают дарвинисты.

Но и это еще не все, в этом же инстинкте лежит зачаток тех чувств благорасположения и частного отождествления особи со своею группою, которые составляют исходную точку всех высоких этических чувств. На этой основе развилось более высокое чувство справедливости или равноправия, равенства, а затем и то, что принято называть самопожертвованием.

Кропоткин в мундире камер-пажа.

В пятнадцать лет Петр Кропоткин поступил в Пажеский корпус, основанный еще

Екатериной II. Это учебное заведение готовило элиту Российского государства: военачальников, высших чиновников, дипломатов. Каждый год 16 лучших учеников старшего класса назначались камер-пажами к императору и членам царской семьи, это считалось началом блестящей карьеры.

Личным пажом царя Александра II стал и «отличнейший» выпускник, князь Петр Кропоткин, однако он предпочел военную службу в Сибири, где участвовал во многих научных экспедициях. После восстания польских каторжан 1866 года, Петр Кропоткин расстался с военной службой в знак протеста против действий царского правительства.

Когда мы видим, что десятки тысяч различных водных птиц прилетают большими стаями с далекого юга, чтобы гнездиться на склонах «птичьих гор», на берегу Ледовитого океана, и живут здесь, не ссорясь между собой из-за лучших мест, что стаи великанов мирно живут друг возле друга на берегу моря, причем каждая стая держится своей части, моря для ловли рыбы, что тысячи видов

птиц и млекопитающих тем или другим образом доходят до какого-то соглашения насчет своих районов пропитания, своих мест для гнездования, своих мест для ночлега, своих охотничьих областей, не воюя между собой, когда мы видим, наконец, что молоденькая птица, утащившая несколько соломинок или веток из чужого гнезда, подвергается за это нападению своих сородичей, мы улавливаем уже в жизни общественных животных начало и даже развитие чувства равноправности и справедливости.

И, наконец, подвигаясь в каждом классе животных к высшим представителям этих классов (муравьям, осам и пчелам у насекомых; журавлям и попугаям среди птиц; высшим жвачным, обезьянам и, наконец, человеку среди млекопитающих), мы находим, что отождествление особи с интересами своей группы, а иногда даже и самопожертвование ради группы растут по мере того, как мы переходим от низших представителей каждого класса к высшим, в чем, конечно, нельзя не видеть указания на естественное происхождение не только зачатков этики, но и высших

этических чувств.

Таким образом оказывается, что природа не только не дает нам урока аморализма, т. е. безразличного отношения к нравственности, с которым какое-то начало, чуждое природе, должно бороться, чтобы победить его, но мы вынуждены признать, что самые понятия о добре и зле наши умозаключения о «Высшем добре» заимствованы из жизни природы. Они - не что иное, как отражение в рассуждениях человека того, что он видел в жизни животных; причем во время дальнейшей жизни обществами и вследствие такой жизни названные впечатления складывались в общее понятие о Добре и Зле. И нужно заметить, что здесь мы имеем в виду вовсе не личные суждения исключительных людей, а суждения большинства. Эти суждения уже содержат основные начала справедливости и взаимного сочувствия, у кого бы из чувствующих существ они ни встречались, точно так же как понятия о механике, выведенные из наблюдений на поверхности земли, приложимы к веществу в межзвездных пространствах.

То же самое следует признать относительно-

но дальнейшего развития человеческого характера и людских учреждений. Развитие человека совершалось в той же среде природы и получало от нее то же направление, причем самые учреждения взаимной помощи и поддержки, сложившиеся в человеческих обществах, все более и более показывали человеку, какой силой он был им обязан. В такой общественной среде все более и более выработывался нравственный облик человека. На основании новейших исследований в области истории мы можем теперь представить историю человечества с точки зрения развития этического элемента как развитие присущей человеку потребности организовать свою жизнь на началах взаимной поддержки сперва в родовом быте, потом в сельской общине и в республиках вольных городов; причем эти формы общественного строя, несмотря на регрессивные промежутки, сами становились источниками дальнейшего прогресса.

Конечно, мы должны отказаться от мысли изложить историю человечества в виде непрерывной цепи развития, идущего со времени каменного века вплоть до настоящего

времени. Развитие человеческих обществ не было непрерывно. Оно несколько раз начиналось сызнова - в Индии, Египте, Месопотамии, Греции, Скандинавии и Западной Европе, - каждый раз исходя от первобытного «рода» и затем сельской общины. Но если рассматривать каждую из этих линий развития, мы, конечно, видим в каждой из них, особенно в развитии Западной Европы со времени падения Римской империи, постоянное расширение понятий о взаимной поддержке и взаимной защите от рода к племени, нации и, наконец, международному союзу наций.

С другой стороны, несмотря на временные отступательные движения, проявлявшиеся даже у наиболее образованных наций, мы видим - по крайней мере среди представителей передовой мысли у образованных народов и в прогрессивных народных движениях - желание постоянно расширять ходячие понятия о человеческой взаимности и справедливости; в них ясно видно стремление улучшать характер взаимных отношений и видно также появление в виде идеала понятий о том, чего желательно достичь в дальнейшем развитии.

То самое, что на регрессивные, т. е. отступательные, движения, совершавшиеся по временам у разных народов, образованная часть общества смотрит как на временные болезненные явления, возврат которых в будущем желательно предупредить, - это самое доказывает, что этическое мерило теперь выше, чем оно было раньше. А по мере того, как средства удовлетворения потребностей всех жителей увеличиваются в образованных обществах и таким образом расчищается путь для более высокого понятия о справедливости по отношению ко всем, этические требования необходимо становятся все более и более утонченными.

Итак, стоя на точке зрения научной реалистической этики, человек может не только верить в нравственный прогресс, но и обосновать эту веру научно, несмотря на все получаемые им пессимистические уроки; он видит, что вера в прогресс, хотя в начале она была только простым предположением, гипотезой (во всякой науке догадка предшествует научному открытию), тем не менее она была совершенно верна и подтверждается теперь на-

учным знанием.

* * *

Если эмпирические философы, основываясь на естествознании, до сих пор не доказали существования постоянного прогресса нравственных понятий (который можно назвать основным началом эволюции), то виновны в этом в значительной мере философы спекулятивные, т. е. ненаучные. Они так упорно отрицали эмпирическое, естественное происхождение нравственного чувства, они так изощрялись в тонких умозаключениях, чтобы приписать нравственному чувству сверхприродное происхождение, и они так много распространялись о «предназначении человека», о том, «зачем мы существуем», о «целях Природы и Творения», что неизбежна была реакция против мифологических и метафизических понятий, сложившихся вокруг этого вопроса.

Вместе с этим современные эволюционисты, доказав существование в животном мире упорной борьбы за жизнь между различными видами, не могли допустить, чтобы такое грубое явление, которое влечет за собою

столько страдания среди чувствующих существ, было выражением Высшего существа, а потому они отрицали, чтобы в нем можно было открыть какое бы то ни было этическое начало. Только теперь, когда постепенное развитие видов, а также разных рас человека, человеческих учреждений и самих этических начал начинает рассматриваться как результат естественного развития, только теперь стало возможным изучать, не впадая в сверхприродную философию, различные виды, участвовавшие в этом развитии, в том числе и значение взаимной поддержки и растущего взаимного сочувствия как природной нравственной силы.

Но раз это так, мы достигаем момента высокой важности для философии. Мы вправе заключить, что урок, получаемый человеком из изучений природы и из своей собственной, правильно понятой истории, - это постоянное присутствие двоякого стремления: с одной стороны, к общительности, а с другой - к вытекающей из нее большей интенсивности жизни, а следовательно, и большего счастья для личности и более быстрого ее прогресса:

физического, умственного и нравственного.

Такое двойственное стремление - отличительная черта жизни вообще. Она всегда присуща ей и составляет одно из основных свойств жизни (один из ее атрибутов), какой бы вид ни принимала жизнь на нашей планете или где бы то ни было. И в этом мы имеем не метафизическое утверждение о «всемирности нравственного закона» и не простое предположение. Без постоянного усиления общительности и, следовательно, интенсивности жизни и разнообразия ее ощущений жизнь невозможна. В этом ее сущность. Если этого нет, жизнь идет на убыль - к разложению, к прекращению. Это можно признать доказанным законом природы.

Выходит поэтому, что наука не только не подрывает основ этики, но, наоборот, она дает конкретное (вещественное) содержание туманным метафизическим утверждениям, делаемым трансцендентальной, т. е. сверхприродной, этикой. И по мере того, как наука глубже проникает в жизнь природы, она придает эволюционистской этике - этике развития - философскую несомненность там, где

трансцендентальный мыслитель мог опираться лишь на туманные догадки.

Еще менее имеется основания в часто повторяемом упреке мышлению, основанному на изучении природы. Такое мышление, говорят нам, может привести нас только к познанию какой-нибудь холодной математической истины; но такие истины имеют мало влияния на наши поступки. В лучшем случае изучение природы может внушить нам любовь к истине; но вдохновение для таких высших стремлений (emotions), как, например, «бесконечная благость» (infinite goodness), может быть дано только религией.

Нетрудно доказать, что такое утверждение ни на чем не основано и потому совершенно ложно. Любовь к истине уже составляет добрую половину - лучшую половину - всякого нравственного учения. Умные религиозные люди вполне это понимают. Что же касается понятия о «добре» и стремления к нему, то «истина», только что упомянутая, т. е. признание взаимопомощи за основную черту в жизни всех живых существ, без всякого сомнения составляет вдохновляющую истину, которая

когда-нибудь найдет достойное ее выражение в поэзии природы, так как она придает познанию природы новую черту - черту гуманитарную. Гете, с проницательностью своего пантеистического гения, сразу понял все ее философское значение, когда услышал от зоолога Эккермана первый намек на нее.

По мере того, как мы ближе знакомимся с первобытным человеком, мы все более и более убеждаемся, что из жизни животных, с которыми он жил в тесном общении, он получал первые уроки смелой защиты сородичей, самопожертвования на пользу своей группы, безграничной родительской любви и пользы общительности вообще. Понятия о «добродетели» и «пороке» - понятия зоологические, а не только человеческие.

Кроме того, едва ли нужно настаивать на влиянии идей и идеалов на нравственные понятия, равно как и на обратном влиянии нравственных понятий на умственный облик каждой эпохи. Умственный склад и умственное развитие данного общества могут принимать по временам совершенно ложное направление под влиянием всяких внешних об-

стоятельств: жажды обогащения, войн и т. п., или же, наоборот, они могут подняться на большую высоту. Но и в том и в другом случае умственность данной эпохи всегда глубоко влияет на склад нравственных понятий общества. То же самое верно и относительно отдельных личностей.

Нет сомнения, что мысли - идеи - представляют силы, как это высказал Фульье; и они являются этическими, нравственными силами, когда они верны и достаточно широки, чтобы выразить истинную жизнь природы во всей ее совокупности, а не одну только ее сторону. Вследствие этого первым шагом для выработки нравственности, способной оказать длительное влияние на общество, является обоснование ее на твердо установленных истинах. Действительно, одно из главных препятствий для выработки полной системы этики, соответствующей современным требованиям, представляет то, что наука об обществе еще находится в детском периоде. Социология только закончила накопление материалов и только начинает их исследование с целью определить вероятное направление

дальнейшего развития человечества. Но здесь она все время еще встречается с массой укоренившихся предрассудков.

* * *

Главное требование, которое теперь ставится этике, это постараться найти в философском изучении предмета то, что есть общего между двумя рядами противоположных чувств, существующих в человеке, и, таким образом, помочь людям найти не компромисс, не сделку между ними, а их синтез, их обобщение. Одни из этих чувств влекут человека к тому, чтобы подчинять себе других ради своих личных целей, тогда как другие чувства влекут его объединяться с другими, чтобы совместными усилиями достигать известных целей. Первые отвечают одной основной потребности человека - потребности борьбы, тогда как вторые отвечают другой, тоже основной потребности: желанию единения и взаимного сочувствия.

Эти две группы чувств, конечно, должны бороться между собою, но найти синтез их в какой-нибудь форме безусловно необходимо. Тем более необходимо, что современный че-

ловек, не имея определенных убеждений, чтобы разобраться в этом столкновении, теряет свою действенную силу. Он не может допустить, чтобы борьба за обладание, ведущаяся на ножах между отдельными людьми и нациями, была бы последним словом науки, и в то же время он не верит в разрешение вопроса проповедью братства и самоотречения, которую вело столько веков христианство, никогда не будучи в состоянии достигнуть ни братства народов и людей, ни даже взаимной терпимости различных христианских учений. Что же касается учения коммунистов, то громадное большинство людей по той же причине не верит в коммунизм.

Таким образом, главной задачей этики является теперь - помочь человеку найти разрешение этого основного противоречия.

С этой целью нам предстоит прежде всего тщательно изучить средства, к которым прибегали люди в разные времена, чтобы из суммы усилий отдельных личностей получить наибольшее благосостояние для всех и вместе с тем не парализовать личной энергии. Мы должны также изучить стремления, проявля-

ющиеся теперь в том же направлении, как в виде делающихся уже робких попыток, так и скрытых еще возможностей, заложенных в современном обществе, чтобы дойти до нужного синтеза.

А так как никакое новое движение не совершалось без пробуждения некоторого энтузиазма, необходимого для того, чтобы преодолеть косность умов, то основной задачей новой этики должно быть внушение человеку идеалов, способных пробудить энтузиазм, - и дать людям силы для проведения в жизнь того, что сможет объединить личную энергию с работой на благо всем.

Потребность реального идеала приводит нас к рассмотрению главного возражения, выставляемого против всех систем нерелигиозной этики. В них нет, говорят нам, нужного авторитета, их заключения не могут пробудить чувства долга, обязательности.

Совершенно верно, что эмпирическая этика никогда не предъявляла притязаний на такую обязательность, какую требуют, например, десять заповедей Моисея... Правда, что Кант, выставив «категорическим императи-

вом» всякой нравственности правило: «поступай так, чтобы побуждение твоей воли могло послужить принципом всемирного законодательства», доказывал, что это правило не нуждается ни в каком высшем подтверждении, чтобы быть признанным, всемирно обязательным. Оно представляет, говорил он, необходимую форму мышления - «категорию» нашего разума; оно не выведено из каких-либо утилитарных соображений, т. е. соображений о полезности.

Современная критика, начиная с Шопенгауэра, показала, однако, что Кант ошибался. Он не доказал, почему человек обязан подчиняться его «велению», его императиву, причем любопытно то, что из самих рассуждений Канта выходит, что единственное основание, почему его «веление» может претендовать на всеобщее признание, состоит в его общественной полезности. А между тем некоторые из лучших страниц Канта именно те, где он доказывает, что ни в каком случае соображения о полезности не должны считаться основой нравственности. В сущности, он написал прекрасное восхваление чувства долга, но он

не нашел для этого чувства никакого другого основания, кроме внутренней совести человека и его желания сохранить гармонию между его умственными понятиями и его действиями.

Эмпирическая нравственность, конечно, не стремится противопоставить что-нибудь религиозному повелению, выражаемому словами: «Я твой Бог», но глубокое противоречие, продолжающее существовать в жизни между учениями христианства и действительной жизнью обществ, называющих себя христианскими, лишает вышеупомянутый упрек силы. Притом нужно также сказать, что эмпирическая нравственность не совсем лишена некоторой условной обязательности. Различные чувства и поступки, называемые со времен Огюста Конта «альтруистическими», легко могут быть подразделены на два разряда. Есть поступки безусловно необходимые, раз мы желаем жить в обществе... и их никогда не следовало бы называть альтруистическими: они носят характер взаимности, и они настолько совершаются личностью в ее собственном интересе, как и всякий поступок

самосохранения.

Но наряду с такими поступками есть и другие поступки, несколько не имеющие характера взаимности. Тот, кто совершает такие поступки, дает свои силы, свою энергию, свой энтузиазм, ничего не ожидая в ответ, не ожидая никакой оплаты; и хотя именно эти поступки служат главными двигателями нравственного совершенствования, считать их обязательными невозможно.

Между тем эти оба рода поступков постоянно смешивают писатели о нравственности, и вследствие этого в вопросах этики мы находим так много противоречий.

Между тем от этой путаницы легко избавиться. Прежде всего ясно, что задачи этики лучше не смешивать с задачами законодательства. Учение о нравственности даже не решает вопроса, нужно ли законодательство или нет. Нравственность стоит выше этого. Действительно, мы знаем много этических писателей, которые отрицали необходимость какого бы то ни было законодательства и прямо взывали к человеческой совести; и в ранний период Реформации эти писатели поль-

зовались немалым влиянием.

В сущности, задачи этики состоят не в том, чтобы настаивать на недостатках человека и упрекать его за его «грехи»; она должна действовать в положительном направлении, взывая к лучшим инстинктам человека. Она определяет и поясняет немногие основные начала, без которых ни животные, ни люди не могли бы жить обществами. Но затем она взывает к чему-то высшему: к любви, к мужеству, к братству, к самоуважению, к жизни, согласной с идеалом. Наконец, она говорит человеку, что, если он желает жить жизнью, в которой все его силы найдут полное проявление, он должен раз навсегда отказаться от мысли, что возможно жить, не считаясь с потребностями и желаниями других.

Только тогда, когда установлена некоторая гармония между личностью и всеми другими вокруг нее, возможно бывает приближение к такой жизни, говорит этика, и она прибавляет: «Взгляните на природу. Изучите прошлое человеческого рода. Они докажут вам, что это правда». Затем, когда человек, по какой-нибудь причине, колеблется, как ему поступить

в каком-нибудь случае, этика приходит ему на помощь и указывает ему, как он сам желал бы, чтобы с ним поступили в подобном случае.

Впрочем, даже в таком случае этика не указывает строгой линии поведения, потому что человек сам должен взвесить цену различных представляющихся ему доводов. Тому, кто не в состоянии; вынести никакой неудачи, бесполезно советовать рискнуть, точно так же бесполезно советовать юноше, полному энергии, осторожность пожилого человека. Он ответит на это теми глубоко верными, прекрасными словами, какими Эгмонт отвечает старому графу Оливье в драме Гете. И он будет прав. «Как бы подгоняемые невидимыми духами, солнечные кони времени несутся с легкой повозкой нашей судьбы; и нам остается только смело держать вожжи и устранять колеса - здесь от камня налево, здесь от провала направо. Куда мы несемся? Кто знает? Помним ли мы даже, откуда мы идем?» - «Цветок должен цвести, - говорит Гюйо, - хотя бы цветенье было для него смертью».

И все-таки главную цель этики составляет не советование каждому порознь. Ее цель скорее поставить перед людьми, как целым, высшую цель - идеал, который лучше всякого совета вел бы их инстинктивно к действию в должном направлении. Подобно тому, как цель воспитания ума состоит в том, чтобы мы привыкли делать множество верных умозаключений почти бессознательно, точно так же цель этики - создать в обществе такую атмосферу, чтобы большинство вполне импульсивно, т. е. без колебаний, совершало бы именно те поступки, которые ведут к благосостоянию всех и к наибольшему счастью каждого в отдельности.

Такова конечная цель нравственности. Но чтобы достигнуть ее, мы должны освободить наши учения о нравственности от их внутренних противоречий. Нравственность, например, проповедующая «благодеяние» из сострадания и жалости, содержит мертвящее противоречие.

Она начинается с утверждения справедливости по отношению ко всем, т. е. равенства

или же полного братства, т. е. опять-таки равенства или по крайней мере равноправия. А вслед за тем она спешит прибавить, что к этому стремиться нечего. Первое - недостижимо... А что касается до братства, составляющего первооснову всех религий, то его не следует понимать в буквальном смысле: это было только поэтическое выражение энтузиастов-проповедников. «Неравенство - закон природы», говорят нам религиозные проповедники, кстати вспоминая здесь о природе; в этом вопросе они учат нас брать уроки у природы, а не у религии, критиковавшей природу. Но когда неравенство в жизни людей становится слишком кричащим и сумма производимых богатств делится так неравномерно, что большинство людей должно жить в самой

ужасной нищете, тогда делиться с бедным тем, «чем можно поделиться», не лишаясь своего привилегированного положения, становится священной обязанностью.

Такая нравственность может, конечно, продержаться некоторое время или даже долгое время, если ее поддерживает религия, в

толковании господствующей церкви. Но как только человек начинает относиться к религии критически и ищет убеждений, подтвержденных разумом, вместо слепого повиновения и страха, такое внутреннее противоречие уже не может долго продолжаться. С ним предстоит расстаться - чем скорее, тем лучше; внутреннее противоречие - смертный приговор для всякой этики и червь, подтачивающий энергию человека.

Одно основное условие должно быть выполнено всякой современной теорией нравственности. Она не должна сковывать самостоятельность личности даже ради такой высокой цели, как благо общества или вида. Вундт в прекрасном обзоре этических систем заметил, что, начиная с «периода просвещения» в середине XVIII века, почти все системы этики становятся индивидуалистичными. Но это замечание верно лишь до известной степени, так как права личности утверждались с особой энергией лишь в одной области - в области экономической. Но и здесь личная свобода оставалась и в практике и в теории более кажущейся, чем действительной.

Что же касается других областей - политической, умственной, художественной, то можно сказать, что по мере того, как экономический индивидуализм утверждался все с большей силой, подчинение личности военной организации государства и его системе образования, а также умственной дисциплине, необходимой для поддержки существующих учреждений, постоянно росло. Даже большинство крайних реформаторов нынешнего времени в своих предвидениях будущего строя принимает за неоспоримую предпосылку еще большее поглощение личности обществом, чем теперь.

Такое стремление, конечно, вызвало протест, выраженный Годвином в начале XIX века и Спенсером во второй половине этого столетия, и привело Ницше к утверждению, что всякую нравственность лучше выбросить за борт, если она не может найти другой основы, кроме принесения личности в жертву интересам человеческого рода. Эта критика ходячих учений о нравственности представляет, быть может, самую характерную черту нашего времени, тем более что главным его

двигателем является не столько узколичное стремление к экономической независимости (как это было в XVIII веке у всех защитников прав личности, кроме Годвина), сколько страстное желание личной независимости, чтобы выработать новый, лучший строй общества, где благосостояние для всех стало бы основой для полного развития личности.

Недостаточное развитие личности (ведущее к стадности) и недостаток личной творческой силы и почина бесспорно составляют один из главных недостатков нашего времени. Экономический индивидуализм не сдержал своих обещаний: он не дал нам яркого развития индивидуальности ...

Как и в старину, творчество в общественном строительстве проявляется крайне медленно, и подражание остается главным средством для распространения прогрессивных нововведений в человечестве. Современные нации повторяют историю варварских племен и средневековых городов, когда те и другие перенимали друг от друга политические, религиозные и экономические движения и их «хартии вольностей». Целые нации усва-

ивали в последнее время с поразительной быстротой промышленную и военную цивилизацию Европы, и в этих даже непересмотренных, новых изданиях старых образцов всего лучше видно, до чего поверхностно то, что называют культурой: сколько в ней простого подражания.

Весьма естественно поэтому поставить вопрос: «Не содействуют ли распространенные теперь нравственные учения этой подражательной подчиненности?» «Не слишком ли они старались сделать из человека «идейного автомата» (ideational automation), о котором писал Гербарт, погруженного в созерцание и больше всего боящегося бури страстей? Не пора ли отстаивать права живого человека, полного энергии, способного сильно любить то, что стоит любить, и ненавидеть то, что заслуживает ненависти, человека, всегда готового сражаться за идеал, возвышающий его любовь и оправдывающий его антипатии?»

Со времен философов древнего мира всегда было стремление изображать «добродетель» как род «мудрости», поощряющий человека, скорее «развивать красоту своей души»,

чем бороться против зол своего времени вместе с «немудрыми». Впоследствии добродетелью стали называть «непротивление злу», и в течение многих веков личное «спасение», соединенное с покорностью судьбе и пассивным отношением к злу, было сущностью христианской этики. В результате получалась выработка тонких доказательств в защиту «добродетельного индивидуализма» и превозношение монастырского равнодушия к общественному злу.

К счастью, против такой эгоистической добродетели уже начинается реакция и ставится вопрос: «Не представляет ли пассивное отношение ко злу преступной трусости?» Не права ли Зенд-Авеста, когда утверждает, что активная борьба против злого Аримана - первое условие добродетели. Нравственный прогресс необходим, но без нравственного мужества он невозможен.

Таковы некоторые из требований, предъявляемых учению о нравственности, которые можно различить при теперешнем столкновении понятий. Все они ведут к одной основной мысли. Требуется новое понимание нрав-

ственности в ее основных началах, которые должны быть достаточно широки, чтобы дать новую жизнь нашей цивилизации, и в ее приложениях, которые должны быть освобождены от пережитков сверхприродного трансцендентального мышления, равно как и от узких понятий буржуазного утилитаризма. Элементы для нового понимания нравственности уже имеются налицо. Значение общительности и взаимной помощи в развитии животного мира и в истории человека может, я полагаю, быть принято как положительно установленная научная истина, свободная от гипотез.

* * *

Мы можем счесть доказанным, что по мере того, как взаимопомощь становится утвердившимся обычаем в человеческом обществе и, так сказать, практикуется инстинктивно, сама эта практика ведет к развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия и равенственного самосдерживания. Мысль о том, что личные права каждого так же нерушимы, как естественные права каждого другого, растет

по мере того, как исчезают классовые различия. И эта мысль становится ходячим понятием, когда учреждения данного общества подвергались соответствующему изменению.

Некоторая доля отождествления своей личности с интересами своей группы по необходимости существовала с самого начала общественной жизни, и оно проявляется уже у низших животных. Но по мере того, как отношения равенства и справедливости укореняются в человеческих обществах, подготавливается почва для дальнейшего и более распространенного развития более утонченных отношений. Благодаря им человек настолько привыкает понимать и чувствовать отражение его поступков на все общество, что он избегает оскорблять других даже тогда, когда ему приходится отказываться от удовлетворения своих желаний; он настолько отождествляет свои чувства с чувствами других, что бывает готов отдавать свои силы на пользу других, не ожидая ничего в уплату. Такого рода несебялюбивые чувства и привычки, обыкновенно называемые не совсем точными именами альтруизма и самопожертвования, од-

ни, по моему мнению, заслуживают названия собственно нравственности, хотя большинство писателей до сих пор смешивало их, под именем альтруизма, с простым чувством справедливости.

Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность - таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют органическую необходимость, несущую в самой себе свое оправдание, подтверждаемую всем развитием животного мира, начиная с первых его ступеней (в виде колоний простейших животных) и постепенно поднимаясь до высших человеческих обществ. Говоря образным языком, мы имеем здесь всеобщий, мировой закон органической эволюции, вследствие чего чувства Взаимопомощи, Справедливости и

Нравственности глубоко заложены в человеке со всею силою прирожденных инстинктов; причем первый из них, инстинкт Взаимной помощи, очевидно, сильнее всех, а третий, развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается

наименее обязательным.

Подобно потребности в пище, убежище и сне, эти три инстинкта представляют инстинкты самосохранения. Конечно, по временам они могут ослабевать под влиянием некоторых условий, и мы знаем много случаев, где в силу той или другой причины происходит ослабление этих инстинктов в той или другой группе животных или в том или другом человеческом обществе. Но тогда эта группа неизбежно терпит поражение в борьбе за существование: она идет к упадку. И если эта группа не вернется к условиям, необходимым для выживания и прогрессивного развития, т. е. к Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности, она, будь это племя или вид, вымирает и исчезает. Раз она не выполнила необходимого условия прогрессивного развития, она неизбежно идет к упадку и исчезновению.

Таково твердое основание, даваемое нам наукой для выработки новой системы этики и ее оправдания. А потому, вместо того чтобы провозглашать «банкротство науки», нам предстоит теперь рассмотреть, как построить

научную этику из данных, полученных для этого современными исследованиями, одухотворенными теорией развития.

Справедливость и нравственность

Теперь мне хотелось бы разобраться, как начинают понимать происхождение нравственных понятий в человечестве, их истинные основы, их постепенный рост, и указать, что может содействовать их дальнейшему развитию.

Такой разбор особенно нужен сейчас. Мы переживаем время, когда требуется что-то новое в устройстве общественных отношений. Быстрое развитие, умственное и промышленное, совершившееся за последние годы среди передовых народов, делает разрешение важных социальных вопросов неотложным. Чувствуется потребность в перестройке жизни на новых, более справедливых началах. А если в обществе назревает такая потребность, то можно принять за правило, что неизбежно придется пересмотреть также и основные понятия нравственности.

Иначе быть не может, так как обществен-

ный строй, существующий в данное время - его учреждения, его нравы и обычаи, - поддерживает в обществе свой собственный склад нравственности. И всякое существенное изменение в отношениях между различными слоями общества ведет за собой соответствующее изменение в ходячих нравственных понятиях.

Присмотритесь, в самом деле, к жизни народов, стоящих на различных ступенях развития. Возьмите, например, (представителей) теперешних кочевых народов: монголов, тунгусов и тех, кого мы называем дикарями. У них считалось бы постыдным зарезать барана и есть его мясо, не пригласив всех обитателей поселка принять участие в трапезе. Я знаю это по личному опыту, вынесенному из странствований по глухим местам Сибири, в Саянском хребте. Или возьмите самых бедных дикарей Южной Африки, готтентотов. Не так давно у них считалось преступным, если кто-нибудь из них начал бы есть свою пищу в лесу, громко не прокричав трижды: «Нет ли кого, желающего разделить со мною трапезу». Даже среди самых низко стоящих дикарей Па-

тагони Дарвина поразила та же черта: малейший кусок пищи, который он давал одному из них, сейчас же распределялся поровну между всеми присутствовавшими. Мало того, во всей Северной и Средней Азии среди кочевников в силу их обычаев, почитаемых как закон, если бы кто-нибудь отказал путешественнику в убежище и путник после этого погиб от холода или голода, то род умершего имел бы право преследовать отказавшего в убежище как убийцу и требовать от него или от его рода пенью (виру), установленную обычаем за убийство.

Такие и другие понятия о нравственном сложились при родовом строе жизни. У нас же эти обычаи исчезли, с тех пор как мы стали жить государствами. В наших городах и селах урядник или полицейский обязан позаботиться о бездомном страннике и свести его в участок, в острог или в рабочий дом, если он рискует замерзнуть на улице. Любой из нас может, конечно, приютить прохожего: это не воспрещается, но никто не считает себя обязанным это сделать. И если в глухую зимнюю ночь бездомный прохожий умрет от голода и

холода на одной из улиц Анкотса, никому из его родственников не придет в голову преследовать вас за убийство. Мало того, у прохожего может даже не оказаться родственников, чего при родовом быте не может случиться, так как весь род составляет его семью.

Заметьте, что я не делаю здесь сравнения между преимуществами родового быта и государственного. Я только хочу показать, как нравственные понятия людей меняются, смотря по общественному строю, среди которого они живут. Общественный строй данного народа в данное время и его нравственность тесно связаны между собой.

Вот почему всякий раз, когда в обществе чувствуется необходимость перестроить существующие отношения между людьми, неизбежно начинается также оживленное обсуждение нравственных вопросов. И в самом деле, было бы крайне легкомысленно говорить о перестройке общественного строя, не задумываясь вместе с тем над пересмотром ходячих нравственных понятий.

Когда мы говорим: «Не делай другим того, чего не желаешь себе», мы требуем справед-

ливости, сущность которой есть признание равноценности всех членов данного общества, а, следовательно, их равноправия, их равенства в требованиях, которые они могут предъявлять другим членам общества. Вместе с тем оно содержит и отказ от претензии ставить себя выше или «опричь» других.

Без такого уравнительного понятия не могло бы быть нравственности. Во французском и английском языках Справедливость и Равенство выражаются даже словами одного происхождения: *equite* и *egalite*, *equity* и *equality*. Но откуда и когда явилось это понятие?

В зачатке оно проявляется уже у стадных животных. У некоторых из них заметно, правда, преобладание самца. Но у других этого нет. Наоборот, у большинства из них сильно развиты игры молодежи (как мы знаем теперь из книги Карла Гросса «Игры животных»), и в этих играх всегда требуется строгое соблюдение равноправия, как в этом мы сами можем убедиться, наблюдая игры молодых козлят и других животных. То же самое видно у молодых сосунков, которые не позво-

ляют одному из своего числа пользоваться больше других вниманием матери. Чувство справедливости наблюдается также, как мы видели, у перелетных птиц, когда они возвращаются к своим прошлогодним гнездам. И таких примеров можно привести множество.

Тем более развито понятие о справедливости у людей, даже у самых первобытных дикарей, пока у них еще не завелись местные царьки. Действительно, стремление завладеть особыми правами проявляется очень рано в людских обществах; и история, преподающаяся в школах (с целью возвеличения «власть предержащих»), любовно останавливается именно на таких фактах; так что школьную историю можно назвать рассказом о том, как создавалось неравноправие. Но в то же время люди везде упорно боролись против нарождавшегося неравенства в правах; так что истинная история была бы рассказом о том, как отдельные люди стремились создать сословия, стоящие выше общего уровня, и как массы сопротивлялись этому и отстаивали равноправие. Все учреждения родового быта имели целью установить равноправие.

Но, к сожалению, об этой стороне быта историки мало знают, потому что вплоть до второй половины XIX века, когда начали создаваться две новые науки, о человеке и о формах людского быта - Антропология и Этнология, - на первобытные учреждения людей очень мало обращали внимания.

Теперь же, когда собрана масса фактов об этом быте, мы видим, что основное понятие о справедливости встречается уже у самых первобытных людей и становится правилом самого первобытного общественного строя - родового.

Но этого мало. Мы уже можем идти дальше, и я решаюсь поставить в науке такой вопрос: «Не имеет ли Справедливость своего основания в самой природе человека? И если так, то не представляет ли она основного физиологического свойства нашего мышления?»

Говоря языком метафизики, можно спросить: не представляет ли понятие о справедливости основной «категории», т. е. основной способности нашего ума? Или же, говоря языком естественных наук, склонность нашего

ума искать «равноправия» не представляет ли одно из следствий строения нашего мыслительного аппарата - в данном случае, может быть, следствие двустороннего или двухполушарного строения нашего мозга? На этот вопрос, когда им займутся, ответ получится, я думаю, утвердительный.

Тот факт, что наше мышление постоянно совершается в форме, известной в математике как уравнение, и что именно в этой форме выражаются открываемые нами физические законы, уже придает предлагаемому мною объяснению известную долю вероятия. Известно также, что раньше, чем мы приходим к какому-нибудь заключению, в нашем уме происходит род разговора, где приводятся доводы «за» и «против», и некоторые физиологи видят в этом проявление если не двусимметричности строения нашего мозга, то, во всяком случае, его сложного состава.

Во всяком случае, верно ли мое предположение о физиологическом понятии о справедливости или нет - это вопрос побочный. Важно то, что справедливость составляет основное понятие в нравственности, так как не мо-

жет быть нравственности без равного отношения ко всем, т. е. без справедливости. И если до сих пор царит такое поразительное разногласие в мнениях мыслителей, писавших об этике, то причина его именно в том, что большинство этих мыслителей не хотело признать справедливость первоосновой нравственности. Такое признание было бы признанием политического и общественного равноправия людей и, следовательно, вело бы к отрицанию классовых подразделений. Но именно с этим большинство писавших о нравственности не хотело примириться.

* * *

Начиная с Платона, удержавшего рабство в своем очерке желательного общественного строя, продолжая апостолом Павлом и кончая многими писателями XVIII и XIX века, все они если не защищали неравенство, то, во всяком случае, не отрицали его даже после того, как (Великая) французская революция написала на своем знамени Равенство и Братство наравне со Свободой. Годвин (Godwin) в Англии и Прудон во Франции, признавшие справедливость краеугольным камнем нравственно-

го общественного строя, до сих пор занимают исключительное положение.

Однако Справедливость еще не представляет всей нравственности. Так как она есть не что иное, как равенство в обмене услугами, то в этом отношении она немногим отличается от коммерческого дебета и кредита. Что она имеет решающее значение в построении нравственности, в этом нет сомнения. А потому, когда понятие о Справедливости с его неизбежным выводом равноправия станет основой общественного строя, то этим уже совершится глубочайший переворот во всей жизни человечества. Недаром народное движение, начавшееся в Иудее во времена Юлия Цезаря и вылившееся в христианство, а затем народные движения в начале Реформации и наконец, Великая французская революция — все три стремились к Равноправию и Равенству.

Открытое провозглашение законодательством равноправия всех членов общества произошло, однако, лишь в конце XVIII века, во французской Революции. Но даже теперь мы еще очень далеки от воплощения начала

равенства в общественной жизни. До сих пор образованные народы разделены на классы, лежащие слоями друг на друге. Вспомните только о рабстве, продержавшемся в России до 1861 года, а в Северной Америке - до 1864 года. Вспомните о крепостном праве, продержавшемся в Англии по отношению к шахтерам вплоть до 1797 года, и о детях бедноты, называвшихся в Англии «учениками из работных домов» («workhouse apprentices»), которых вплоть до конца XVIII века забирали особые агенты, ездившие по всей Англии, и которых свозили в Ланкашир работать за бесценок на хлопчатобумажных фабриках. Вспомните, наконец, о гнусном обращении даже теперь якобы образованных народов с теми, кого они зовут «низшими расами».

Первый шаг, предстоящий человечеству, чтобы двинуться вперед в его нравственном развитии, был бы, следовательно, признание справедливости, т. е. равенства по отношению ко всем человеческим существам.

Без этого общественная нравственность останется тем, что она представляет теперь, т. е. лицемерием. И это лицемерие будет под-

держивать ту двойственность, которой пропитана современная личная нравственность.

Но Общительность и Справедливость все-таки еще не составляют всей нравственности. В нее входит еще третья составная часть, которую можно назвать, за неимением более подходящего выражения, готовностью к самопожертвованию, Великодушием.

Позитивисты называют это чувство Альтруизмом, т. е. способностью действовать на пользу другим, в противоположность Эгоизму, т. е. Себялюбию. Они избегают этим христианского понятия о любви к ближнему, и избегают потому, что слова «любовь к ближнему» неверно выражают чувство,двигающее человеком, когда он жертвует своими непосредственными выгодами на пользу другим. Действительно, в большинстве случаев человек, поступающий так, не думает о жертве и сплошь да рядом не питает к этим «другим» никакой особой любви. В большинстве случаев он их даже не знает. Но и слово «альтруизм», так же как и слово «самопожертвование», неверно выражает характер такого рода поступков, так как они бывают хороши

только тогда, когда они становятся естественными, когда совершаются не в силу принуждения

свыше или же обещания награды в этой или будущей жизни, но из соображений общественной полезности таких поступков или об обещаемом ими личном благе, а в силу непреодолимого внутреннего побуждения. Только тогда они действительно принадлежат к области нравственного и, в сущности, они одни заслуживают названия «нравственных».

* * *

Все человеческие общества всегда старались с самых ранних времен развивать склонность к такого рода поступкам. Воспитание, народные песни, предания и этическая поэзия, искусства и религия работали в этом направлении. Такие поступки возводились в долг, и «чувство долга» всячески старались развивать. Но, к сожалению, обещая за такие поступки награды в этой или же в загробной жизни, люди часто развращали себя и своих собратьев. И только теперь начинает пробиваться мысль, что в обществе, где справедли-

вость, т. е. равноправие, будет признана основой общественной жизни, никаких приманок для самопожертвования не потребуются. Мало того, само слово «самопожертвование» уже неверно выражает сущность таких поступков, так как в большинстве случаев человек дает свои силы на службу всем, не спрашивая, что дадут ему взамен. Он поступает так, а не иначе, потому что таково требование его природы; потому что иначе он не может поступить, как тот павиан, который пошел спасти юнца от собак, никогда не слышавший ни о религии, ни о кантовском императиве и, конечно, без всяких утилитарных соображений.

«Чувство долга», бесспорно, нравственная сила. Но оно должно бы выступать лишь в трудных случаях, когда два естественных влечения противоречат друг другу, и мы колеблемся, как поступить. В громадном большинстве случаев так называемые «самоотверженные» люди обходятся без его напоминаний.

Чрезвычайно симпатичный, слишком рано умерший французский мыслитель Марк Гюйо первый, если не ошибаюсь, вполне по-

нял и объяснил истинный характер того, что я называю третьей составной частью нравственного. Он понял, что ее сущность не что иное, как сознание человеком своей силы: избыток энергии, избыток сил, стремящийся выразиться в действии.

Мы имеем, писал он, больше мыслей, чем нам нужно для нас самих, и мы вынуждены бываем делиться ими с другими, потому что поступать иначе мы не можем.

Мы имеем больше слез или больше веселости, чем нам нужно самим, и мы, не жалея, даем их другим.

И, наконец, многие из нас имеют больше силы воли и больше энергии, чем им нужно для личной жизни. Иногда этот избыток воли, руководимый мелким умом, порождает завоевателя; если же он руководится более широким умом и чувствами, развитыми в смысле общественности, то он дает иногда основателя новой религии или же нового общественного движения, которым совершается обновление общества.

Но во всех этих случаях нами руководит главным образом сознание своей силы и по-

требность дать ей приложение.

Притом, если чувство оправдывается разумом, оно уже не требует никакой другой санкции, никакого одобрения свыше и никакого обязательства так поступить, наложенного извне. Оно само уже есть обязательство, потому что в данный момент человек не может действовать иначе. Чувствовать свою силу и возможность сделать что-нибудь другому или людям вообще и знать вместе с тем, что такое действие оправдывается разумом, само по себе есть уже обязательство именно так поступить. Его мы и называем «долгом».

* * *

Конечно, раньше, чем поступить так или иначе, продолжает Гюйо, в нас часто происходит борьба. Человек не представляет чего-нибудь цельного, отлитого в одном куске. Наоборот, в каждом из нас имеется сочетание нескольких индивидуальностей, нескольких характеров: и если наши влечения и склонности находятся в разладе между собой и на каждом шагу противоречат друг другу, тогда жизнь становится невыносимой. Все, даже смерть, лучше постоянной раздвоенности и

вечных столкновений, способных довести до безумия. Поэтому человек принимает то или другое решение, в ту или другую сторону.

Иногда бывает, что наша совесть и разум возмущаются против принятого решения, считая его нечестным, мелким, пошлым, и тогда человек нередко придумывает какой-нибудь софизм, т. е. самообман для оправдания. Но в большинстве случаев, особенно у честных и сильных натур, софизм не помог бы. Требования внутреннего существа, хотя и бессознательные, берут верх. Тогда согласие между разумом и тем, что мы называем совестью, восстанавливается и водворяется гармония, которая дает человеку возможность жить полной жизнью - жизнью, в громадной степени усиленной: полной, радостной жизнью, перед которой бледнеют возможные страдания...

Те, кто познал такую жизнь, те, кто жили ею, не променяют ее на жалкое прозябание.

Если человек приносит в таком случае то, что называют «жертвами», то в его глазах это вовсе не жертвы. Растение должно цвести, писал Гюйо, хотя бы за цветеньем неизбежно

следовала смерть. Точно так же человек, чувствуя в себе избыток сочувствия с людским горем или же потребность умственной производительности или творческой способности, свободно отдает им свои силы, какие бы ни были потом последствия.

Обыкновенно такие поступки называются самопожертвованием, самоотречением, самоотверженностью, альтруизмом. Но все эти названия потому уже неверны, что человек, совершающий такие поступки, хотя они часто навлекают на него страдание физическое или даже нравственное, не променял бы этих страданий на скотское безучастие, а тем более на недостаток воли для выполнения того, что он считает нужным совершить.

Вот пример, один из весьма многих.

Как-то раз, живя на южном берегу Англии в деревушке, где имелась станция общества спасения на водах, я беседовал с матросами береговой стражи (Coast garde). Один из них рассказывал нам, как прошлой зимой они спасали экипаж маленького испанского судна, нагруженного апельсинами. Его выбросило на мелкое место недалеко от деревушки во

время жестокой снеговой бури. Громадные волны перекатывались через суденышко, и его экипаж, состоявший из пяти мужчин и одного мальчика, привязав себя к реям, громко умолял о помощи. Между тем на этом мелком побережье спасательная лодка (мелководного типа) не могла выйти в море: волны выбрасывали ее назад на берег.

«Так стояли мы все на берегу с утра и ничего не могли предпринять, говорил рассказчик, - только вот часов около трех - уже вечерело, дело было в феврале - до нас стали долетать отчаянные крики мальчика, привязавшего себя к мачте. Тут мы больше не могли вытерпеть. Те, кто раньше говорил, что сумасшествие идти, что мы никогда не выберемся в море, первые же стали говорить: "Надо попробовать еще раз". Мы опять спустили спасательную лодку, долго бились в бурунах и наконец вышли в море. Тут волны два раза опрокидывали лодку. Двое из нас утонули. Бедный Джо запутался в веревке у борта и тут у нас на глазах захлебывался в волнах... Страшно было смотреть... Наконец, пришел большой вал и всех нас с лодкой выкинул на

берег. Меня на другое утро нашли в снегу за две версты отсюда. Испанцев спасла большая спасательная лодка из “Денгеннэса”»...

Или вы помните, конечно, о шахтерах долины Ронды, как они два дня пробивались сквозь обвал подземной галереи, засыпанной взрывом, чтобы добраться до заваленных обвалом товарищей. Каждую минуту они ждали, что будут убиты повторяющимися взрывами или будут завалены новым обвалом. «Взрывы продолжались, но мы слышали сквозь обвал стук товарищей: они давали знать, что еще живы. И мы пробивались к ним».

* * *

Такова повесть всех истинно альтруистических поступков, великих и малых. Человек, воспитанный со способностью отождествлять себя с окружающим, человек, чувствующий в себе силы своего сердца, ума, воли, свободно отдает их на помощь другим, не ища никакой уплаты в этой жизни или в неведомой другой. Он прежде всего способен понимать чувства других: он сам переживает их. И этого довольно. Он разделяет с другими их радости и

горе. Он помогает им переживать тяжелые времена их жизни. Он сознает свои силы и широко расходует свою способность любить других, вдохновлять их, вселять в них веру в лучшее будущее и зовет их на работу для будущего. Что бы его ни постигло, он видит в этом не страданье, а выполнение стремлений своей жизни, полноту жизни, которую он не променяет на прозябанье слабых... И если на его долю выпадает страданье, он говорит, как лермонтовский Мцыри:

*...жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.*

Даже теперь, когда крайний индивидуализм проповедуется словом и делом, взаимная помощь продолжает составлять существеннейшую часть в жизни человечества. И от нас самих, а не от внешних сил зависит - давать ей все большее и большее значение в жизни не в виде благотворительности, а в виде естественного исхода развивающимся в

нас общечеловеческим чувствам.

Подведем же теперь итоги и посмотрим, как нам представляется то, что называется нравственным чувством с развитой мною точки зрения.

Почти все писавшие о нравственности старались свести ее к какому-нибудь одному началу: к внушению свыше, к прирожденному природному чувству или же к разумно понятой личной или общественной выгоде.

На деле же оказывается, что нравственность есть сложная система чувств и понятий, медленно развившихся и все далее развивающихся в человечестве. В ней надо различать по крайней мере три составных части: 1) инстинкт, т. е. унаследованную привычку общительности; 2) понятие нашего разума - справедливость и, наконец, 3) чувство, ободряемое разумом, которое можно было бы назвать самоотвержением или самопожертвованием, если бы оно не достигало наиболее полного своего выражения именно тогда, когда в нем нет ни пожертвования, ни самоотверженья, а проявляется высшее удовлетворение продуманных властных требований

своей природы. Даже слово Великодушие не совсем верно выражает это чувство, так как слово «великодушие» предполагает в человеке высокую самооценку своих поступков, тогда как именно такую оценку отвергает нравственный человек. И в этом истинная сила нравственного.

Люди все любили приписывать свои нравственные побуждения сверхъестественному вдохновению, и перед этим искушением не устояло большинство мыслителей; тогда как другие, утилитаристы, старались объяснить нравственность развитием правильно понятой выгоды. Таким образом, создались две противоречащие друг другу школы. Но те из нас, кто знает человеческую жизнь и освободился от церковных предрассудков, поймут, как важны были и как важны до сих пор практика широко развитой взаимопомощи, здравые суждения о справедливости и, наконец, те бескорыстные порывы людей, наиболее сильных умом и сердцем, о которых так красноречиво писал Гюйо. И они поймут, что в этих трех основных чертах природы человека надо искать объяснения нравственного...

Даже теперь, когда крайний индивидуализм, т. е. правило «заботиться прежде всего о себе самом», проповедуется словом и делом, - даже теперь взаимопомощь и бескорыстная отдача своих сил на служение обществу составляют такую существенную часть жизни общества и его дальнейшего развития, что без них человечество не могло бы прожить даже несколько десятков лет.

К сожалению, эти мысли о сущности нравственности и ее развитии еще не нашли себе достаточного отзвука в умах современных деятелей науки. Гексли, который считался верным истолкователем Дарвина, пока занимался изложением «борьбы за существование» и ее значения в выработке новых видов, не последовал за своим великим учителем, когда Дарвин объяснил нравственные понятия человека как результат инстинкта (общественности), одинаково существующего среди животных и среди людей. Вместо того чтобы дать естественнонаучное объяснение нравственности, этот некогда ярый естественник предпочел занять межеумочное положение между учениями Церкви и уроками Природы.

Герберт Спенсер, посвятивший свою жизнь выработке рациональной философии, построенной на теории развития, и много лет работавший над вопросом о нравственности, точно так же не вполне пошел вслед за Дарвином в объяснении нравственного инстинкта. После запоздалого признания взаимной помощи среди животных (только в июне 1888 года в журнале «Nineteenth Century») и после признания, что у некоторых из них есть зачатки нравственного чувства (в приложении к «Основам Этики»), Спенсер тем не менее остался сторонником Гоббса, отрицавшего существование нравственного чувства у первобытных людей, «пока они не заключили общественного договора» и не подчинились неизвестно откуда взявшимся мудрым законодателям. И если Спенсер в последние годы своей жизни начал делать некоторые уступки, то все-таки для него, как и для Гексли, первобытный человек был драчливым животным, которое только медленно было приведено принуждением, законом и отчасти эгоистическими соображениями к тому, что оно приобрело наконец некоторое понятие о

нравственном отношении к своим собратиям.

Науке давно пора уже выйти из своего фаустовского кабинета, куда свет природы проникает только сквозь тусклые цветные стекла.

Пора ученым ознакомиться с природой не из своих пыльных книжных шкафов, а в вольных равнинах и горах, при полном свете солнечного дня, как это делали в начале XIX века великие основатели научной зоологии в приволье незаселенных степей Америки и основатели истинной антропологии, живя вместе с первобытными племенами не с целью обращения их в свою веру, а с целью ознакомления с их нравами и обычаями и с их нравственным обликом.

Тогда они увидят, что нравственное вовсе не чуждо природе. Увидав, как во всем животном мире мать рискует жизнью, чтобы защитить своих детей, увидав, как сами стадные животные дружно отбиваются от хищников, как они собираются в громадные стада для перекочевков и как первобытные дикари воспринимают от животных уроки нравственности, наши ученые поняли бы, откуда происхо-

дит то, чем так кичатся наши духовные учителя, считающие себя ставленниками божества. И вместо того, чтобы повторять, что «природа безнравственна», они поняли бы, что, каковы бы ни были их понятия о добре и зле, эти понятия не что иное, как выражение того, что им дала сперва природа, а затем медленный процесс развития человечества.

Высочайший нравственный идеал, до которого поднимались наши лучшие люди, есть не что иное, как то, что мы иногда наблюдаем уже в животном мире, в первобытном дикаре и в цивилизованном обществе наших дней, когда они отдают свою жизнь для защиты своих и для счастья грядущих поколений. Выше этого никто не поднимался и не может подняться.

Анархизм и коммунизм

Мы замечали, что среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою. Члены его не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, - из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой - снаб-

жением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительных общин с производительными союзами. И, наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только странюю. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою. Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального железнодорожного или почтового департамента, хотя первые руководятся исключительно эгоистическими целями, а вторые принадлежат различным и часто враждебным государствам. Так же действуют метеорологические учреждения, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее, соединяющиеся для всякого рода общей работы, а то попросту и для удовольствия. Развитию

новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, беспрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм. Ни в каком правительстве не будет тогда представляться надобности, так как во всех случаях, которые правительство теперь считает подлежащими своей власти, его заменит вполне свободное соглашение и союзный договор; случаи же столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом.

* * *

Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет, по нашему мнению, организоваться на началах анархического коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм - к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и

того же стремления, преобладающего в современных обществах, - стремления к равенству.

Было время, когда крестьянская семья могла считать выращиваемый ею хлеб и выделываемую дома шерстяную одежду плодами своего личного труда. Правда, даже и тогда такой взгляд был не совсем верен: уже тогда существовали мосты и дороги, устроенные сообща, были луга, осушенные общими силами, общинные пастбища и загороди, поддерживавшиеся общими усилиями. Всякое усовершенствование в ткацком станке или в способе окраски холста шло на пользу всем; и крестьянская семья не могла существовать иначе как при условии, что ей не в том так в другом будет оказана мирская поддержка.

Но в настоящее время, когда все связано и все переплетается между собою в промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всех остальных, - искать долю каждого в современном производстве оказывается совершенно невозможным. Если обработка волокнистых веществ иковка металлов достигли в образованных странах такого удивительного совершенства, то они

обязаны этим одновременному развитию тысячи других крупных и мелких отраслей промышленности, распространению железных дорог и пароходов, навыку и ловкости, приобретенными миллионами рабочих, известному общему уровню развития всего рабочего класса и, наконец, вообще всем работам, которые производятся на всем земном шаре.

Итальянцы, умиравшие от холеры при прорытии Суэзского канала или от одеревенелости сочленений в Сэн-Готардском туннеле; американцы, погибавшие от пушечных ядер в войне за отмену рабства, сделали для развития хлопчатобумажной промышленности в России, в Европе и в Америке не меньше, чем те девушки и дети, которые чахнут на манчестерских или московских фабриках, или тот инженер, который - большею частью на основании догадки кого-нибудь из рабочих - вносит улучшения в ткацкие станки.

Каким образом определить при таких условиях часть, приходящуюся на долю каждого в тех богатствах, созданию которых содействуем мы все?

Становясь на эту обобщающую точку зре-

ния, мы не можем поэтому согласиться с коллективистами и не можем признать, чтобы вознаграждение, пропорциональное числу часов, употребленных каждым на производство этих богатств, представляло собою идеал или хотя бы шаг вперед по направлению к идеалу. Не входя здесь в обсуждение того, действительно ли меновая ценность товаров измеряется в современном обществе количеством необходимого для их производства труда, как утверждали Адам Смит и Рикардо, а за ними и Маркс (мы вернемся к этому впоследствии), заметим только, что в таком обществе, где орудия производства считаются общою собственностью, идеал коллективистов уже кажется неосуществимым. Раз только общество примет за основание принцип общественного владения, ему неизбежно придется отказаться и от всякой формы наемного труда.

Мы твердо убеждены в том, что смягченный индивидуализм коллективистов не сможет удержаться рядом с коммунизмом, хотя бы неполным, но уже выраженным в общем владении землею и орудиями производства.

Новая форма владения собственностью потребует и новой формы распределения того, что будет выработано на общей земле общими орудиями труда. При новой форме производства невозможна старая форма потребления, точно так же как при ней невозможны и старые формы политической организации.

Наемный труд есть результат присвоения земли и орудий производства несколькими лицами. Он был необходимым условием развития капиталистического производства и должен умереть вместе с ним, даже если бы его попытались замаскировать под именем «рабочих чеков».

Общая собственность на орудия производства неизбежно приведет и к пользованию сообща продуктами общего труда.

Мы думаем, кроме того, не только, что коммунизм желателен, но что современные общества, основанные на индивидуализме, сами неизбежно должны двигаться по направлению к коммунизму.

Развитие индивидуализма в течение трех последних веков - т. е. усиливающееся стремление каждой отдельной личности обеспе-

читать себя помимо всех остальных, объясняется главным образом стремлением человека оградить себя от власти капитала и государства. Некоторое время большинство людей думало, а те, кто служил выразителями мыслей большинства, проповедовали, что, обеспечив себя, каждого порознь, человек сможет вполне о свободиться и от государства, и от капитала. «Деньги, - думали люди, - дадут мне возможность купить все, что мне нужно, в том числе и свободу». Но оказалось, что тут крылась глубокая ошибка. Современная история заставляет каждого признать, что деньгами ни свободы, ни даже личного, продолжительного и стойкого обеспечения нельзя купить; что без сотрудничества всех отдельный человек бессилён, как бы ни были его сундуки полны золотом.

В самом деле, рядом с этим индивидуалистическим течением мы находим во всей современной истории, с одной стороны, стремление удержать остатки древнего коммунизма, а с другой - восстановить коммунистические начала в самых разнообразных проявлениях общественной жизни.

Как только общинам десятого, одиннадцатого и двенадцатого века удалось освободиться от власти светских или духовных владетелей, в них тотчас же стали сильно развиваться начала общего труда и общего потребления.

Петр Кропоткин в конце 1860-х - начале 1870-х годов.

Революционная деятельность Кропоткина началась в 1870-е годы, когда он вошел в Юрскую федерацию Первого Интернационала, возглавляемую Михаилом Бакуниным, а в России вступил в одну из народнических организаций. В 1874 году он был заключен в тюрьму, через два года совершил побег и до 1917 года жил в эмиграции, ведя активную пропаганду идей анархизма. Когда П.А. Кропоткин вернулся в Россию, многие политические организации стремились воспользоваться его авторитетом: в частности, Керенский предлагал Кропоткину любой министерский пост во Временном правительстве, но Кропоткин заявил, что считает «ремесло чистильщика сапог более честным и полезным».

После Октябрьской революции большевики

предложили П.А. Кропоткину квартиру в Кремле и кремлевский паек, однако Кропоткин отказался, не желая ничем быть обязанным государству и не признавая никаких привилегий. Последние годы жизни он провел в подмосковном городе Дмитрове, где умер 8 февраля 1921 года.

Город - именно город, а не частные лица («Господин Великий Новгород» в России) - снаряжал корабли и посылал караваны для торговли с отдаленными странами, и барыши от торговли доставались не отдельным купцам, а опять-таки всем - городу; город же покупал и нужные для жителей припасы. Следы этих учреждений сохранились кое-где до самого девятнадцатого века (до 1848 года), и везде народ свято сохраняет воспоминание о них в своих преданиях.

* * *

Все это исчезло. Одна только сельская община еще борется за сохранение последних следов этого коммунизма, да и то удаётся ей только до тех пор, пока государство не бросит на чашку весов свой тяжелый меч.

Но вместе с тем повсюду возникают в самых разнообразных формах новые организации, основанные на том же принципе: каждому по его потребностям, потому что без известной доли коммунизма современные общества вовсе не могли бы существовать. Несмотря на узко эгоистический характер, который придает умам людей нашего времени товарное производство, коммунистическое направление обнаруживается постоянно и проникает в наши отношения во всевозможных видах.

Не так давно еще, когда через реку строили мост, то с каждого проезжего и прохожего взыскивали «мостовое»; теперь же мосты - общественная собственность, и каждый пользуется ими сколько ему нужно. Шоссейная дорога, за которую платят столько-то с версты, сохранилась только на Востоке. Музеи, общественные библиотеки, даровые школы, общие обеды для детей, парки и сады, открытые для всех, доступные для всех, вымощенные и освещенные улицы, проведенная в дома вода (причем заметно стремление вовсе не считать в точности, сколько ее расходуется в

каждом доме), все эти учреждения основаны на принципе «берите сколько вам нужно».

Конки и железные дороги уже вводят месячные и годовые билеты, сколько бы раз в году или каждый день вы ни ездили взад и вперед; а недавно в целой стране, в Венгрии (а за нею и в России), ввели на железных дорогах зонный тариф, дающий возможность проехать за одну и ту же цену как пятьсот, так и семьсот верст. От этого недалеко и до установления одной общей платы за проезд в такой-то области, как в почтовом тарифе. Во всех этих и во множестве других учреждений (гостиницы, пансионы и т[ак] дал[ее]) господствующее направление состоит в том, чтобы не измерять потребления. Одному нужно проехать тысячу верст, другому только семьсот. Один съедает три фунта хлеба, другой только два... Это - чисто личные потребности, и нет никакого основания заставлять первого платить в полтора раза больше. И такое уравнивание обнаруживается даже в нашем индивидуалистическом обществе.

Кроме того, замечается стремление, хотя еще и слабое, поставить потребности лично-

сти выше оценки услуг, которые она оказала или окажет когда-нибудь обществу. Общество рассматривается, таким образом, как целое, каждая часть которого так тесно связана со всеми другими, что услуга, оказанная кому-нибудь, есть вместе с тем услуга, оказанная всем.

Когда вы приходите в общественную библиотеку - только не в парижскую, а, например, в лондонскую или берлинскую, - библиотекарь не спрашивает вас, прежде чем дать вам нужную книгу, или хотя бы даже пятьдесят книг, какие услуги вы оказали обществу? Он просто дает вам книги, а в случае надобности даже поможет вам найти книгу в каталоге, если вы не умеете сделать этого сами. Точно так же за известный вступительный взнос - причем вклад в виде труда нередко даже предпочитается денежному взносу - научные общества открывают вам свои музеи, сады, библиотеки, лаборатории, ежегодные празднества - каждому члену, безразлично, будь он Дарвин или простой любитель.

В некоторых городах, если вы работаете над каким-нибудь изобретением, вы сможете

отправиться в особую мастерскую, где вам отведут место, дадут столярный верстак или станок и все необходимые инструменты, все приборы - лишь бы только вы умели ими владеть - и предоставят вам работать сколько хотите. - «Вот вам нужные инструменты, привлечите к своему делу друзей, если найдете нужным, соединитесь с товарищами других ремесел - или работайте в одиночку, если вам это больше нравится, - изобретайте воздухоплавательный снаряд или не изобретайте ровно ничего - это ваше дело. У вас есть своя идея, и этого достаточно».

Точно так же добровольцы, принадлежащие к обществу спасения на водах, не спрашивают матросов тонущего корабля об их звании и заслугах, они пускаются в море во время бури, рискуют своею жизнью среди разъяренных волн и нередко погибают сами ради спасения людей, им совершенно неизвестных. Да и к чему им знать их? - «В наших услугах нуждаются, там находятся человеческие существа, взывающие о помощи, - этого достаточно: в этом уже заключается их право на спасение. Идем же спасать их!».

Таково направление - истинно коммунистическое, - проявляющееся повсюду, во всевозможных формах, в самой среде нашего общества, исповедующего индивидуализм.

Но пусть завтра какое-нибудь бедствие, например, осада города неприятелем, постигнет один из наших больших городов, страшно эгоистичных в обыкновенное время, - и этот самый город решит, что прежде всего нужно удовлетворить потребности детей и стариков, не справляясь с услугами, которые они оказали или окажут обществу; что нужно накормить прежде всего именно их и что нужно заботиться обо всех сражающихся, независимо от ума или храбрости, которые проявит тот или другой из них; а затем тысячи женщин и мужчин будут наперерыв проявлять свое самопожертвование в уходе за ранеными.

Итак, это стремление существует. Оно становится все более заметным, по мере того как удовлетворяются наиболее настоятельные потребности каждого, по мере того как возрастает производительная сила человечества; еще более делается оно заметным всякий раз, когда наместо мелочных забот нашей ежеднев-

ной жизни выступает какая-нибудь общая идея.

Можно ли после этого сомневаться в том, что когда орудия производства перейдут в собственность всех, когда работа будет производиться сообща, а труд, который займет в обществе принадлежащее ему по праву почетное место, будет давать гораздо больше продуктов, чем требуется, - что коммунистское стремление (сильное уже и теперь) расширит область своего приложения и сделается основным началом общественной жизни?

В силу всех этих данных, а также и ввиду практических соображений относительно экспроприации, о которой будет речь в следующих главах, мы думаем, что как только революция сломит силу, поддерживающую современный порядок, нашею первою обязанностью будет немедленное осуществление коммунизма.

Но наш коммунизм не есть коммунизм фаланстера или коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это - коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это - син-

тез, т. е. соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической.

* * *

Принимая «анархию» как идеал политической организации, мы опять-таки лишь выражаем другое очевидное стремление человечества. Всякий раз, когда развитие европейских обществ давало им возможность сбросить с себя ярмо власти, общества так и делали и немедленно пытались установить такую систему взаимных отношений, которая основывалась бы на началах личной свободы. И мы видим в истории, что те времена, когда сила правительства бывала расшатана, ослаблена или доведена до наименьшей степени путем местных или общих восстаний, были вместе с тем временами неожиданно быстрого развития хозяйственного и политического.

Мы видим это во времена независимых городов, настолько двинувших человечество вперед, в какие-ни будь двести или триста лет, в науках, искусстве, ремеслах, архитектуре, что раньше того времени за пять, десять

веков не совершалось таких успехов; видим на крестьянском восстании, совершившем Ре-
формацию и грозившем уничтожить папскую
власть; на свободном (в течение некоторого
времени) обществе, создавшемся по ту сторо-
ну Атлантического океана, в Америке, недо-
вольными элементами старой Европы.

И если мы присмотримся к современному
развитию образованных народов, то мы ясно
увидим, как в них все более и более растет
движение с целью ограничить область дей-
ствия правительства и предоставить лично-
сти все большую и большую свободу. В этом
именно направлении совершается современ-
ное развитие, хотя ему и мешает весь хлам
унаследованных от прошлого учреждений и
предрассудков. Как всякая эволюция, она
только ждет революции, чтобы разрушить
стоящие ей на пути ветхие постройки и сво-
бодно проявиться в новом возрожденном об-
ществе.

Долго люди пытались разрешить неразре-
шимую задачу: «найти такое правительство,
которое могло бы заставить личность пови-
новаться, причем само не выходило бы из по-

виновения обществу». Теперь же человечество старается освободиться вовсе от правительства и удовлетворять свои потребности путем свободного соглашения между личностями и группами, стремящимися к одной цели. Независимость каждой территориальной, земельной единицы, т. е. деревни, города, области, страны, становится настоятельной потребностью; взаимное соглашение заменяет собою понемногу законодательство и направляет отдельные частные интересы к одной общей цели, независимо от государственных границ.

Все отправления, которые недавно еще считались исключительною принадлежностью государства, теперь оспариваются у него: без его вмешательства люди устраиваются легче и удобнее. И, рассматривая успехи, сделанные уже в этом направлении, мы неизбежно приходим к заключению, что человечество стремится свести деятельность правительства к нулю и уничтожить государство, это олицетворение несправедливости, притеснения и всевозможных монополий в руках капиталистов.

Мы уже можем предвидеть такое общество, в котором личность, не связанная законами, будет руководиться исключительно привычками общности, которая сама есть следствие испытываемой каждым из нас потребности искать поддержки, сотрудничества и сочувствия у других людей.

Представление об обществе без государства вызовет, конечно, по меньшей мере столько же возражений, как и представление о таком хозяйственном строе, в котором отсутствует частный капитал. Мы все выросли на целой куче предрассудков относительно государства, играющего роль Провидения в отношениях людей между собою. Все наше воспитание, начиная с преподавания римских преданий, известных под названием римской истории, и кончая византийскими законами Юстиниана, которые изучаются под названием римского права, а также всевозможными науками «о праве», преподаваемыми в наших университетах, - все приучает нас верить в правительство и в достоинства вездесущего и всемогущего государства.

Целые философские системы были вырабо-

таны и стали предметом преподавания с целью поддержания этого предрассудка. С той же целью были созданы различные теории права. Вся политика основана на этом начале, и каждый политический деятель, к какой бы партии он ни принадлежал, всегда обращается к народу со словами: «Дайте нам в руки власть, и мы вас избавим от гнетущих вас бедствий: мы имеем возможность это сделать!»

От колыбели до могилы все наши действия управляются этими же началами повиновения государству и всемогущества правительств. Откройте любую книгу по общественной науке (социологии) или по юриспруденции, - и вы увидите, что правительство, его организация и его действия всегда занимают в этих книгах такое важное место, что мы, учащиеся по ним, привыкаем думать, будто вне правительства и государственных людей ничего не существует.

То же самое повторяется на все лады и в газетах. Целые столбцы посвящаются парламентским прениям и политическим козням, в то время как вся огромная ежедневная

жизнь народа, идущая своим путем вне государственной рамки, едва затрагивается в нескольких строках, и только по поводу какого-нибудь экономического явления или по поводу какого-нибудь нового закона, или же по случаю какого-нибудь происшествия, сообщенного полицией. И когда вы читаете эти газеты, вы совершенно забываете думать о бесчисленном множестве существ - т. е., собственно говоря, обо всем человечестве, - которые растут и умирают, страдают, трудятся и потребляют, думают и творят помимо этих навязчивых людей, которых мы до того возвеличили, что их тень, разросшаяся благодаря нашему невежеству, заслонила собою все человечество.

А между тем, как только мы перейдем от печатной бумаги к самой жизни, как только мы взглянем на окружающее нас общество, мы будем поражены тем, что правительство играет такую незначительную роль. Еще Бальзак заметил, что миллионы крестьян живут всю свою жизнь, не зная относительно государства ничего, кроме того, что они вынуждены платить ему большие налоги. Мил-

лионы торговых и всяких других сделок совершаются ежедневно без всякого вмешательства правительства, и самые крупные из них - коммерческие и биржевые сделки - заключаются так неформально, что правительство и не могло бы вмешаться в них, если бы одна из сторон возымела намерение не исполнять принятого обязательства. Поговорите с любым человеком, сведущим в коммерческих делах, - и он вам скажет, что торговые операции, происходящие ежедневно между коммерсантами, были бы совершенно невозможны, если бы громадное большинство из них не основывалось на взаимном доверии. Простая привычка держать слово, боязнь потерять кредит оказываются более чем достаточными для поддержания той относительной честности, которая называется коммерческой честностью. Даже такие люди, которые без всякого зазрения совести станут отравлять своих покупателей негодным товаром, считают долгом чести исполнять свои обязательства по отношению к другим купцам. Но если эта относительная честность могла развиться даже при теперешних усло-

виях, когда обогащение составляет единственный двигатель и единственную цель, то можем ли мы сомневаться в том, что ее развитие пойдет несравненно быстрее, как только присвоение чужого труда перестанет служить основой общественной жизни?..

Другой поразительный факт, очень характерный для современной жизни, еще красноречивее говорит в том же направлении. Это — постоянное увеличение области предприятий, основанных на частном почине, и необычайное развитие свободных союзов для всевозможных целей. Мы остановимся на этом подробнее в главах, посвященных свободному соглашению: здесь же достаточно будет сказать, что этого рода факты так многочисленны и так обычны, что самую существенную черту второй половины 19-го века следует признать развитие вольных союзов, хотя социалистические и политические писатели не замечают их и предпочитают постоянно говорить нам о благодетельной роли правительства в будущем.

* * *

Эти свободные, до бесконечности разнообраз-

разные организации представляют собою настолько естественное явление; они растут так быстро, группируются так легко и составляют такой неизбежный результат постоянного возрастания потребностей образованного человека; и наконец, они так легко и выгодно заменяют собою правительственное вмешательство, что мы неизбежно должны признать в них явление, которого значение в жизни обществ неизбежно должно расти с каждым годом.

Если такие вольные союзы еще не распространились на все общественные и жизненные явления, то это зависит только от того, что они встречают непреодолимые препятствия в бедности рабочих, в делении современного общества на касты, в частной собственности и, в особенности, в государстве. Уничтожьте эти препятствия, - и вы увидите, что союзы быстро покроют все необозримое поле деятельности образованных людей.

История последнего пятидесятилетия служит также живым доказательством того, что никакое конституционное правительство не способно к исполнению тех отправлений, ко-

торое государство захватило в свои руки. На девятнадцатый век будут когда-нибудь указывать как на эпоху крушения парламентаризма.

Это бессилие так очевидно для всех, ошибки парламентаризма и прирожденные недостатки так называемого представительного правления настолько бросаются в глаза, что те немногие мыслители, которые занялись критикой этой формы правления (Дж. Ст. Милль, Лавердэ), были лишь выразителями общего недовольства. Не нелепо ли, в самом деле, избрать нескольких человек и сказать им: «Пишите для нас законы относительно всех проявлений нашей жизни, даже если вы сами ничего не знаете об этих проявлениях»? Люди начинают понимать, что так называемое «правление большинства» значит на деле - отдать все дела страны в руки тех немногих, которыми составляется большинство во всякой палате, т. е. в руки «болотных жаб», как их называли во времена Французской революции, или людей, которые не имеют никаких определенных воззрений, а пристают то к «правой», то к «левой» партии, смотря по

тому, откуда дует ветер и с кого можно больше сорвать. Конституционное правление, конечно, было шагом вперед против неограниченного правления дворцовых партий, но человечество не может закиснуть на нем; оно ищет уже новых выходов - и находит их.

Всемирный почтовый союз, общества железных дорог, различные ученые общества представляют собою примеры предприятий, основанных на свободном соглашении, заменившем закон.

В настоящее время, когда какие-нибудь группы, рассеянные в различных концах земного шара, хотят организовать с какою-нибудь целью, они уже не выбирают интернационального парламента из «пригодных на всякое дело депутатов» и не говорят им: «Дайте нам закон и мы будем вам повиноваться». Если нет возможности стовориться прямо или при помощи переписки, они посылают на конгресс людей, специально изучивших данный вопрос, и им говорят: «Постарайтесь стовориться относительно того-то и того-то и возвращайтесь к нам - не с готовыми законами в кармане, они нам не нужны, а с проек-

том соглашения, которое мы можем принять, но можем и не принять».

Так делают, между прочим, вот уже полвека английские рабочие союзы. Они ничего не привозят со своих съездов, кроме предложений, которые рассматриваются каждым союзом порознь и либо принимаются им, либо отвергаются. Точно так же поступают и крупные промышленные компании, ученые общества и всевозможные союзы, покрывающие целую сеть Европы и Соединенные Штаты. Так же станет поступать и общество, освободившееся от государственной власти. Чтобы отнять землю, фабрики и заводы у тех, кто ими владеет теперь, парламенты окажутся совершенно негодными. Покуда общество было основано на крепостном праве, оно могло мириться с неограниченной монархией;

а когда оно основалось на наемном труде и эксплуатации масс капиталистами, оно нашло лучший оплот эксплуатации в парламентаризме. Но общество свободное, взявшее в свои руки общее наследие - землю, фабрики, капиталы, - должно будет искать новой политической организации, соответствующей но-

вой хозяйственной жизни, - организации, основанной на свободном союзе и вольной федерации.

Каждому экономическому фазису соответствует в истории свой политический фазис; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вместе с тем и нового строя политической жизни.

* * *

Здесь пора заняться и другим серьезным вопросом. А именно: Анархический, то есть свободный и безгосударственный коммунизм не представляет ли также опасности для свободного развития личности? Не повлечет ли он за собою тоже уменьшение свободы личности и подавления личного почина?

Дело в том, что во всех рассуждениях о свободе наши мысли затемняются пережитками старого, и нам приходится с целю кучею ложных представлений, завещанных нам веками рабства и религиозного гнета. Экономисты уверяют нас, что договор, заключаемый рабочим, под угрозой голода, с его хозяином, именно и есть сама свобода. Политиканы всяких партий стараются, с своей стороны, убе-

дить нас, что теперешнее положение гражданина, попавшего в крепость ко всемогущему государству, ставшего его рабом и плательщиком, есть именно то, что следует называть свободою. Но ложность этих утверждений очевидна. В самом деле - как можно изображать положение гражданина в современном государстве свободным, когда завтра же он может быть призван и отправлен в Африку, чтобы там расстреливать в упор безобидных кабиллов с единственною целью - открыть новое поле для спекуляций банкиров и дать на разграбление земли кабиллов европейским авантюристам? Как считать себя свободным, когда каждый из нас принужден отдавать, во всяком случае, более чем месяц труда каждый год, чтобы поддерживать целую тучу всяких правительств и чиновников, единственная цель которых - мешать тому, чтобы идеи социального прогресса осуществлялись, чтобы эксплуатируемые начали освобождаться от своих эксплуататоров, чтобы массы, удерживаемые церковью и государством в невежестве, начали понимать кое-что и разбираться в причинах их порабощения?

Представлять это порабощение, как свободу, становится все более и более трудным. Но и даже самые крайние моралисты, Милль и его многочисленные последователи, определяя понятие о свободе, как право делать все, лишь бы не нарушать такое же право всех остальных, не дали правильного определения слова «свобода». Не говоря уже о том, что слово «право», унаследованное нами из смутных стародавних времен, ничего ни говорит, или говорит слишком много; но определение Милля позволило философу Спенсеру, очень многим писателям и даже некоторым индивидуалистам-анархистам, как например, Теккеру, оправдать и восстановить все права государства, включая суд, наказание и даже смертную казнь. Таким образом они, в сущности, волей-неволей воссоздали то самое государство, против которого выступили сначала с такою силою. Притом, мысль о «свободной воле» скрывается под всеми этими рассуждениями.

* * *

Посмотрим же, что такое свобода?

Оставляя в стороне полубессознательные

поступки человека и беря только сознательные (на них только и стараются оказать влияние закон, религии и системы наказания) - беря только сознательные поступки человека, мы видим, что каждому из них предшествует некоторое рассуждение в нашем мозгу. «Выйду-ка я погулять», - проносится у нас мысль... - «Нет, я назначил свидание приятелю», - проносится другая мысль. Или же: «Я обещал кончить мою работу», или - «Жене и детям скучно будет одним», или же, наконец: «Я потеряю свое место, если я не пойду на работу».

В этом последнем рассуждении сказался страх наказания, между тем как в первых трех человек имел дело только с самим собою - со своими привычками честности, или со своими личными привязанностями. И в этом состоит вся разница между свободным и несвободным состоянием. Человек, которому пришлось сказать себе: «Я отказываюсь от такого-то удовольствия, чтобы избежать наказания» - человек несвободный.

И вот мы утверждаем, что человечество может и должно освободиться от страха нака-

зания, уничтожив само наказание; и что оно может устроиться на анархических началах, при которых исчезнет страх наказания и даже страх порицания. К этому идеалу мы и стремимся.

Мы прекрасно знаем, что человек не может и не должен освободиться ни от привычек известной честности (например, от привычки быть верным своему слову), ни от своих привязанностей (нежелание причинить боль, или даже огорчение тем, кого мы любим, или кого мы не хотим обмануть в их ожидании). В этом смысле человек никогда не может быть свободен. И «абсолютный» индивидуализм, о котором нам столько говорили в последнее время, особенно после Ницше, есть нелепость и невозможность.

Даже Робинзон не был абсолютно свободен, в этом смысле, на своем острове. Раз он начал долбить свою лодку, обрабатывать огород, или запасать провизию на зиму, он уже был захвачен своим трудом. Если он вставал ленивый и хотел поваляться в своей пещере, он колебался минуту, а затем шел к своей начатой работе. С той же минуты, как у него за-

велся товарищ-собака, или несколько коз, а в особенности с тех пор, как он встретился с Пятницею, он уже не был вполне свободен, в том смысле, в каком это слово нередко употребляется в жару спора и иногда на публичных собраниях.

У него уже были обязанности, он уже вынужден был заботиться об интересах другого, он уже не был тем «полным индивидуалистом», которого нам иногда расписывают, в виде паразитического парадокса, в спорах об Анархии.

С той минуты, как человек любит жену и имеет детей, - кто бы их ни воспитывал: сам ли он или «общество» - у него возникают новые обязательства; но даже с той минуты, как у него завелись хоть одно домашнее животное или огород, требующий поливки только в известные часы дня, - он уже не может быть более тем «знать ничего не хочу», «эгоистом», «индивидуалистом» и тому подобное, которых нам иногда выставляют как типы свободного человека. Ни на Робинзоновом острове, ни, еще менее, в обществе, как бы оно ни было устроено, такой тип не может быть преоб-

ладающим.

Он может появиться как исключение, и действительно он появляется в качестве мятежника против разлагающегося и лицемерного общества, как наше; но никогда он не станет общим типом и ни даже желательным типом.

Человек всегда принимал, и всегда будет принимать в расчет интересы хоть нескольких других людей, - и будет принимать их все более и более, по мере того, как между людьми будут устанавливаться более и более тесные взаимные отношения, - а также и по мере того, как эти другие сами будут определеннее заявлять свои желания и свои чувства, свои права на равенство и настаивать на их удовлетворении.

Вследствие этого, мы не можем дать Свободе никакого другого определения, кроме следующего: свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга).

* * *

Понимая Свободу в этом смысле - а я сомневаюсь, чтобы можно было дать ей другое, более широкое, и вместе с тем более вещественное определение - мы должны признать, что коммунизм, действительно, может уменьшить и даже убить личную свободу. Таким его и проповедовали под предлогом, что это принесет счастье человечеству, и во многих коммунистических общинах это пробовали на деле. Но коммунизм также может расширить эту свободу до ее последних пределов, которых невозможно достигнуть при индивидуалистском труде и еще менее при том строе, когда людей эксплуатируют и рассматривают как низшие существа.

Все будет зависеть от того, с какими основными воззрениями мы приступим к коммунизму. Сама коммунистическая форма общежития отнюдь не обуславливает подчинение личности. Большой же или меньший простор, предоставленный личности в данной форме общежития, - если только она не устроена заранее в подначальной, пирамидальной форме, - определяется теми воззрениями на необходимость личной свободы, которые вно-

сются людьми в то или другое общественное учреждение.

Сказанное справедливо по отношению ко всякой форме общественной или совместной жизни. Когда два человека селятся вместе в одной квартире, их совместная жизнь может привести одинаково - либо к подчинению одного из них другому, либо к установлению между ними отношений равенства и свободы для обоих. То же самое происходит в семье. То же самое будет, если мы возьмемся вдвоем копать огород, или издавать газету; и то же самое относится ко всякому другому союзу, большому или маленькому, к артели и ко всякой форме общественной жизни. Таким образом, в десятом, одиннадцатом и двенадцатом веке, в городах того времени создавались общины вольных и равных и равно свободных людей, причем эти общины ревностно охраняли свою свободу и равенство; но в тех же самых общинах, четыреста лет спустя, народ, под влиянием учений Церкви и Римского Права, требовал диктатуры какого-нибудь монаха, или короля. Учреждения городского суда, цеховое устройство и прочее остались те

же; но тем временем, в городах развились понятия Римского Права, верховной Церкви и Государственного права, тогда как первоначальные понятия о третейском суде, о свободном договоре и о личном почине притупились, исчезли; - и из этого родилась рабская приниженность семнадцатого и начала восемнадцатого века в средней Европе.

В современном обществе, где никому не позволяется обрабатывать поле, работать на фабрике или пользоваться орудием труда, без того чтобы не признать себя существом, подчиненным какому-нибудь господину, рабство, подчинение и привычка к кнуту навязываются самой формой общества. Наоборот, в коммунистическом обществе, которое признает право каждого на равных условиях на все орудия труда и на все средства существования, которые имеет общество, уже нет людей на коленях перед другими, кроме разве тех, кто по своему характеру являются добровольными рабами. Каждый считается равным другому в том, что касается его права на благополучное существование, лишь бы он не преклонялся перед волей и высокомерием

других и поддерживал равенство во всех своих личных сношениях с товарищами по коммуне.

В самом деле, если присмотреться внимательнее, то нет никакого сомнения, что из всех учреждений, из всех испробованных до сих пор форм общественной организации, коммунизм еще больше всех других может обеспечить свободу личности - если только основной идеею общины будет полная Свобода, отсутствие власти - Анархия.

* * *

Коммунизм, как учреждение экономическое, может принять все формы, начиная с полной свободы личности и кончая полным порабощением всех - между тем как другие формы общественной жизни не могут проявляться безразлично в том или другом виде: те из них, например, которые не признают гражданского и имущественного равенства, неизбежно влекут за собою порабощение одних людей другими. Коммунизм же может проявиться, например, в форме монастыря, в котором все монахи безусловно подчиняются воле настоятеля; но он может выразиться и в

форме вполне свободного товарищества, в котором каждый член сохраняет полнейшую независимость; причем само товарищество существует только до тех пор, покуда его члены желают оставаться вместе, и, нисколько не стремясь накладывать принуждение, стараются, наоборот, защищать свободу каждого и увеличивать и расширять ее во всех направлениях.

Коммунизм, конечно, может быть начальническим, принудительным, -и в этом случае, как показывает опыт, община скоро гибнет, -или же он может быть анархическим. Тогда как государство, будь оно основано на крепостном праве или же на коллективизме, роковым образом должно быть принудительным. Иначе оно перестает быть государством!

Оно не может присвоить себе, по желанию, ту или иную форму. Те, кто думает, что это возможно, придают слову «государство» произвольный смысл, противоречащий происхождению и многовековой истории этого учреждения. Государство есть ярко выраженный тип иерархического учреждения, выработанного веками для того, чтобы подчинять

всех людей и все их возможные группировки централизованной воле.

Государство по необходимости основано на принципе иерархии, начальства, иначе оно перестает быть государством.

Есть еще один весьма важный пункт, который должен обратить на себя внимание каждого, кто дорожит свободой. Теперь уже начинают понимать, что без коммунизма человек никогда не достигнет полного развития личности, которое составляет, может быть, самое пламенное желание каждого мыслящего существа. Очень вероятно, что этот существенный пункт был бы давно признан, если бы люди не смешивали индивидуализации, то есть полного развития личности, с индивидуализмом. А последний? - это давно пора признать? - есть не что иное, как буржуазный лозунг «каждый для себя? и Бог для всех», причем буржуазия думала найти в этом средство освободиться от общества, налагая на рабочих экономическое рабство под покровительством государства. Впрочем, теперь она уже замечает, что сама также стала рабом государства.

Что коммунизм лучше всякой другой формы общежития, может обеспечить экономическую свободу - ясно из того, что он вполне может обеспечить каждому члену общества благосостояние, и даже удовлетворение потребностей роскоши, требуя взамен не более четырех или пяти часов работы в день вместо того, чтобы требовать от него десять, или девять, или хотя бы даже восемь часов в день. Дать каждому досуг, в течение десяти или одиннадцати часов из тех шестнадцати часов в сутки, которые представляют нашу сознательную жизнь (около восьми часов надо положить на сон), - уже значит расширить свободу личности настолько, что такого расширения человечество добивается, как идеала, вот уже сколько тысяч лет. Раньше это было невозможно, так что всякое стремление к комфорту, богатству и прогрессу должно было быть исключено из коммунистического общества. Но в настоящее время, при наших могучих способах машинного производства, это вполне возможно. В настоящее время, при наших могучих способах производства, это, однако, вполне возможно. В коммунистическом

обществе человек легко сможет иметь каждый день полных десять часов досуга, и вместе с тем пользоваться благосостоянием. А такой досуг уже представляет освобождение от одной из самых тяжелых форм рабства, существующих теперь в буржуазном строе. Досуг, сам по себе, уже составляет громадное расширение личной свободы.

Затем, - признать всех людей равными и отречься от управления человека человеком, - опять-таки представляет расширение свободы личности; причем мы не знаем никакой другой формы общежития, при которой это увеличение личной свободы могло бы быть достигнуто в той же мере, даже в мечтах. Но достичь этого возможно будет лишь тогда, когда первый шаг будет сделан: - когда каждому члену общества будет обеспечено существование, и когда никто не будет вынужден продавать свою силу и свой ум тому, кто соблаговолит воспользоваться этой силой ради собственной нажины.

Наконец, - признать, как это делают коммунисты, что первое основание всякого дальнейшего развития и прогресса общества есть

разнообразии занятий, - опять-таки представляет расширение свободы личности. Если мы так организуем общество, что каждый его член будет совершенно свободен и сможет отдаваться, в часы досуга, всему, чему ему вздумается в области науки, искусства, творчества, общественной деятельности и изобретения; и если в самые часы работы будет возможно работать в разнообразных отраслях производства, воспитание будет введено сообразно этой цели - в коммунистическом же обществе это вполне возможно, - то этим достигается еще большее увеличение свободы, так как перед каждым из нас широко раскроется возможность расширить свои личные способности во всех направлениях. Области, прежде недоступные, как наука, художество, творчество, изобретения, и так далее, открываются для каждого.

В какой мере личная свобода осуществится в каждой общине, или в каждом союзе общин, будет зависеть исключительно от основных воззрений, которые возьмут верх при основании общин. Так, например, мы знаем одну религиозную общину, в которой человеку

возбранилось даже выражать свое внутреннее настроение. Если он чувствовал себя несчастным, и горе выразалось на его лице, к нему немедленно подходил один из «братьев» и говорил: «Тебе грустно, брат? А ты все-таки сострой веселое лицо: иначе огорчительно подействуешь на других братьев и сестер». И мы знаем одну английскую общину, состоявшую из семи человек, в которой один из членов, - Кочкаревы водятся и между социалистами - требовал назначения председателя («с правом бранить») и четырех комитетов: садоводства, продовольствия, домашнего хозяйства и вывоза, с абсолютными правами для председателя каждого из комитетов.

Есть, конечно, общины, которые были основаны, или были переполнены впоследствии, такими «преступными фанатиками власти» (особый тип, рекомендуемый ученикам доктора Ломброзо); и немало общин было основано фанатиками «поглощения личности обществом». Но такие коммуны произвел не коммунизм. Их породило церковное христианство (глубоко начальническое в своих основных началах) и римское право, то есть го-

сударство и его учения. Таково государственное воспитание людей, привыкших думать, что никакое общество не может существовать без судьи и ликторов, вооруженных розгами и секирою, - и эта идея останется постоянной угрозой и помехой коммунизму, пока люди не отделаются от нее. Но основное начало коммунизма - вовсе не начальство, а то простое утверждение, что для общества выгоднее и лучше овладеть всем, что нужно для производства и жизни сообца, не высчитывая, что каждый из нас произвел и потребил. Это основное понятие ведет к освобождению, к свободе, а не к порабощению.

* * *

Мы можем, таким образом, высказать следующие заключения: до сих пор попытки коммунизма кончались неудачею, потому что:

они имели исходною точкою религиозный восторг, тогда как в общине следовало просто видеть способ экономического производства и потребления;

они отчуждались от общества, его жизни и его борьбы;

они были пропитаны духом начальствования;

они оставались одиночными, вместо того, чтобы соединяться в союзы: общины были слишком малы;

они требовали от своих членов такого количества труда, которое не оставляло им никакого досуга, и стремились всецело поглотить их;

они были основаны, как сколки с патриархальной и подчиненной семьи, тогда как им следовало, наоборот, поставить себе основной целью наивозможно полное освобождение личности.

Коммунизм - учреждение хозяйственное; и, как таковое, он отнюдь не предрешает, какая доля свободы будет предоставлена в общине личности, почину личности и отпору, который встретит в отдельных личностях стремление к утверждению навеки, однажды установленных обычаев. Коммунизм может стать подначальным, и в таком случае община неизбежно гибнет; и он может быть вольным, и привести в таком случае, как это случилось даже при неполном коммунизме в го-

родах двенадцатого века, к зарождению новой цивилизации, новой жизни, обновившей тогда Европу.

Из этих двух форм коммунизма - вольного и подначального - только тот и будет устойчивым и будет иметь задатки прогресса и жизни, который, принимая во внимание стесненность теперешней жизни, сделает все, что возможно, чтобы расширить свободу личности во всех возможных направлениях.

В этом последнем случае, свобода личности, увеличенная приобретенным ею досугом, а также возможностью обеспечить себе благосостояние и вольным трудом при меньшем числе рабочих часов, так же мало пострадает от коммунизма, как и от проводимого теперь в городах газа и воды, от продуктов, посылаемых на дом большими магазинами, от современной гостиницы, или от того, что мы теперь, в часы работы, вынуждены нести ее собоца с тысячами других людей.

Имея анархию, как цель и как средство, коммунизм станет возможен, тогда как без этой цели и средства он должен обратиться в закрепощение личности и, следовательно,

привести к неудаче.

Коммуна

Когда мы говорим, что социальная революция должна произойти путем основания свободных коммун, нам возражают, что мы обращаемся к устарелой форме общественной жизни, которая отжила свой век. А между тем, только вполне независимые и освобожденные от опеки государства коммуны способны подготовить среду, необходимую для революции и дать нам возможность ее осуществить. «Но коммуна», говорят нам, - «организация устарелая. Стремясь уничтожить государство и поставить на его место свободные коммуны, вы обращаете ваши взоры к прошлому: вы хотите вернуть нас к средним векам, когда коммуны вели между собой бесконечные войны, и нарушить национальное единство, установившееся после многих веков тяжелой борьбы».

Разберем эти возражения.

Начнем с того, что будущая коммуна не может быть тем, чем она была в средние века, не может облечься в формы, выработанные

700 лет тому назад. В наш век железных дорог и телеграфов, космополитической науки и исследований научных истин, она неизбежно должна принять новую форму. Имея совершенно иную организацию, поставленная в новые условия, она приведет к новым последствиям.

Наши противники, защитники государства, забывают, что мы можем им сделать то же возражение.

Государство столь же устарелая форма, как и коммуна. Но государство -это отрицание свободы, абсолютизм, произвол, разорение подданных, казни и пытки, между тем как жизнь свободных коммун и восстание народов и коммун против государства составляют самые красивые страницы истории человечества. Обращаясь к прошлому, мы вспоминаем не века Людовика XI, Людовика XVIII Екатерины II, а эпохи свободных коммун и республик Флоренции, Тулузы и Лана, времена Аугсбурга и Нюрнберга, Пскова и Новгорода.

Дело не в том, чтоб обмениваться пустыми словами и софизмами: надо изучить современное положение дел и дать себе отчет в

том, что может дать будущая коммуна. Тем же, которые говорят: «коммуна - это средние века, мы не должны думать о ее возрождении», мы отметим: «Государство - это бесконечные века гонений и бедствий, и над ним произнесен смертный приговор!»

* * *

Между коммуной средневековой и той, которая установится в скором будущем, есть существенное различие: между ними лежит целая пропасть, вырытая семью веками эволюции человечества. Рассмотрим, в чем это различие.

Какова основная цель «союза», заключенного между собой жителями городов в XII веке? - Цель эта очень узка и определена. Она состоит в том, чтоб освободиться от гнета феодальных владельцев. Все жители города, купцы и ремесленники, объединяются и дают клятву, «не позволять кому бы то ни было обращаться с собой, как с рабами, и защищать друг друга от всякого произвола». Они организуются в коммуны и с оружием в руках встают против своих прежних господ. «Коммуна», - говорит один историк двенадцатого ве-

ка, которого цитирует Огюстен Тьерри, - «слово новое, возмутительное, и вот, что оно означает: оброчные должны платить деньги своим господам только раз в год; за всякий проступок они подвергаются штрафу, установленному законом; что же касается податей, налагаемых на рабов, то от них они совершенно освобождаются».

Коммуна средних веков восставала против сеньоров, коммуна наших дней восстает против государства. В этом существенное различие: государство, в лице короля, заметив, что коммуны стремятся к полной независимости, посылало свои войска «наказывать» как говорит хроника, «всех смельчаков, которые ради осуществления Коммуны, восставали против короны».

Коммуна будущего не признает над собой никакой власти; она войдет в добровольное соглашение с другими коммунами и будет считаться исключительно с интересами федерации.

Она знает, что остановиться на полпути нельзя: или Коммуна станет вполне независимой, будет основывать какие ей угодно

учреждения, производить все необходимые реформы, или же она останется тем, чем была до сих пор, отделением государства, связанным во всех своих проявлениях, готовым каждую минуту вступить в борьбу с государством, не имея никакой надежды на победу.

Коммуна знает, что надо уничтожить государство и заменить его федерацией; в этом смысле она и будет действовать. Для достижения этой цели у нее хватит сил. Теперь уже не только мелкие города, но и Париж, Лион, Марсель, поднимают знамя восстания; в скором будущем к ним примкнут все крупные центры. Это движение не имеет ничего общего с тем, что происходило в средние века.

* * *

Освобождаясь от ига феодальных владельцев, освобождалась ли средневековая коммуна от гнета буржуазии, которая путем торговли увеличила свои капиталы и приобрела в частную собственность крупные владение в самом центре городов? Нисколько!

Разрушив замки своих сеньоров, городские жители смотрели, как вырастали роскошные дворцы богатых купцов и как эти последние

стремились поработить их силой своего капитала.

История внутренней жизни коммун средних веков, это - история ожесточенной борьбы бедняка с богачом, борьбы, которая неизменно приводила к вмешательству короля. Видя, что аристократия растет с каждым днем и подчиняет себе все проявление жизни Коммуны, народ, освободившийся от гнета своих прежних господ и подпавший под иго богачей, понял, что ему нечего ждать от Коммуны. Он покинул валы и ограды, воздвигнутые им для завоевания свободы и ставшие, благодаря индивидуалистическому режиму, путями к новому рабству. Так как народу терять было нечего, он предоставил богачам самим защищать свои владения, и они, конечно, были побеждены; изнеженные роскошью, расслабленные пороками, без поддержки народа, они должны были уступить требованиям герольдов короля и передать им ключи городов. В некоторых же коммунах богачи сами отперли ворота своих городов императорским и королевским армиям, чтоб избегнуть народной мести, готовой обрушиться на них.

Коммуна XIX века поставит себе целью уничтожить социальное неравенство. Она постарается завладеть всем общественным капиталом и предоставит его тем, которые будут работать над улучшением благосостояние всего общества. Она будет стремиться сломить силу капитала и предупредить возможность возникновения аристократии, которая была причиной гибели коммун средних веков. Возьмет ли она в союзники священника и монаха? Будет ли она подражать предкам, которые, создавая Коммуну, учредили государство в государстве и, уничтожив власть короля, создали в коммуне ту же власть, забывая, что стены города не избавят этой власти от присущих ей недостатков? Будут ли пролетарии нашего века подражать флорентинцам, которые, уничтожая титулы или сохраняя их, как клеймо, не препятствовали возникновению новой аристократии, аристократии туго набитого кошелька? Захотят ли они, подобно своим предшественникам, воссоздать ту иерархию власти, которую они только что низвергли? Будут ли они заменять одних людей другими, не касаясь са-

мих учреждений?

Конечно, нет! Коммуна XIX века не повторит старых ошибок. Она будет не только коммуналистической, но и коммунистической. Она произведет полный переворот как в политике, так и в вопросах производства и обмена. Коммуна будущего не будет разрушать государства, чтоб сейчас же восстановить его; она положит конец представительному правительству и не передаст своих прав случайно избранным.

* * *

Свергнув тяжелое иго своих господ, попыталась ли Коммуна средних веков нанести им окончательное поражение? Помогла ли она сельскому населению, предоставила ли ему свое оружие, защитила ли тех несчастных, на которых гордо смотрела с высоты своих стен? - Далеко нет! Руководимая чисто эгоистическим чувством, средневековая Коммуна заперлась в своих укреплениях. Сколько раз она поднимала мосты и запирала ворота перед рабами, тщетно пришедшими искать у нее спасения; с преступным равнодушием смотрела она, как их истребляли на ее глазах.

Гордая своей свободой, она не стремилась распространить ее на тех, которые изнемогали под тяжестью рабства. Ценой этого рабства не одна коммуна получила свою независимость. Да и, собственно говоря, богатым буржуа было выгодно, чтоб рабы были вечно прикреплены к земле, не знали ни промышленности, ни торговли и были бы вынуждены обращаться к городу за железом, металлами и всеми продуктами производства. Ремесленники пытались иногда протянуть руку рабам, но они были бессильны перед буржуа, которые захватили власть, владели оружием и платили наемным войскам.

Теперь дело обстоит совершенно иначе. Парижская Коммуна, будь она победительницей, не ограничилась бы тем, что дала бы себе более или менее свободные городские учреждения. Если бы парижскому пролетариату удалось разорвать свои цепи, настала бы социальная революция, которая из Парижа распространилась бы на все сельские коммуны. Парижская Коммуна в момент самой отчаянной борьбы за свое существование не была бы крестьянина и кричала бы ему: «Бе-

ри землю, всю землю!» Она не ограничилась бы одними словами и, если бы это понадобилось, ее доблестные сыны с оружием в руках пошли бы в отдаленные деревни помогать крестьянину совершить свою революцию, изгнать скупщиков, завладеть всей землей и передать ее тем, кто хочет и умеет извлекать из нее урожай. Коммуна средних веков стремилась запереться в своих стенах; Коммуна XIX века стремится расшириться, стать всемирной. Она отказалась от привилегий данной коммуны во имя интересов и солидарности всего человечества.

Коммуна средних веков могла до некоторой степени изолировать себя от соседних. Ее сношение с другими коммунами ограничивались заключением договоров для защиты прав городов или для взаимного охранение членов Коммуны во время их дальних путешествий. Лиги, заключенные отдельными городами, как это было в Ломбардии, Испании и Бельгии, были слишком непрочны, вследствие разнородности интересов и различия привилегий; они быстро распадались на отдельные группы, или же гибли под давлени-

ем соседних государств.

Группы, которые образуются теперь, не будут иметь с ними ничего общего. Самая маленькая коммуна не просуществует и недели без того, чтоб не быть принужденной войти в сношение с промышленными, торговыми и артистическими центрами; эти центры, в свою очередь, почувствуют необходимость широко открыть свои двери жителям соседних деревень, окружающих коммун и отдаленных городов.

Пусть какой-нибудь крупный центр провозгласит себя «коммуной», уничтожит у себя частную собственность и введет коммунизм, т. е. коллективное пользование общественным капиталом, орудиями и продуктами труда, и если этот город не будет окружен неприятельскими войсками, то по истечении нескольких дней бесконечные ряды подвод устремятся на его рынки, и поставщики из отдаленных портов будут присылать целые партии сырого материала; продукты же производства этого города, удовлетворив потребностям его жителей, пойдут искать себе покупателей во все концы света. Иностранцы це-

лыми толпами устремятся в этот город, будут восторгаться его порядками и рассказывать у себя дома о чудной жизни свободного города, где все работают, где нет ни бедных, ни угнетенных, где каждый пользуется плодами своего труда и никто не стремится захватить львиной доли. Отчужденности бояться нечего: если коммунисты Соединенных Штатов и жалуются, то никак не на отчужденность, а на вмешательство соседней буржуазии в их дела.

* * *

В наше время торговля и обмен не только перешагнули через искусственные границы, но и разрушили стены средневековых городов. Они установили ту связь, о которой нельзя было и думать в средние века. Все населенные пункты Западной Европы так тесно связаны между собой, что отчужденность стала невозможной. Не найдется ни одной деревни, будь она расположена даже на вершине недоступной горы, которая не имела бы своего промышленного и торгового центра, порвать с которым она уже не может.

Развитие крупных промышленных цен-

тров имело еще большее значение.

И в наше время личные интересы могут помешать объединению двух соседних коммун, возбудить между ними раздоры и вызвать ожесточенную борьбу. Но если эти причины и будут препятствовать союзу двух коммун, то он все же будет заключен, благодаря вмешательству крупных центров. Часто встречаются два мелких соседних городка, которые ничем между собой не связаны: их редкие сношения приводят чаще к столкновениям, чем объединению. Но оба они поддерживают непрерывные сношения с одним и тем же центром, без которого они не могут существовать; как бы сильна ни была вражда между ними, их принуждает объединиться тот большой город, в который они возят свои продукты и откуда получают запасы. Каждый из них должен будет примкнуть к одной и той же федерации, чтоб поддерживать сношение с этим центром и группироваться вокруг него.

Но этот центр не будет иметь значительного преобладания над окружающими коммунами. Благодаря бесконечному разнообра-

зию нужд торговли и промышленности, все населенные места имеют по несколько центров; по мере развития потребностей городов, они будут примыкать еще к новым центрам, которые будут удовлетворять их новым нуждам. Наши потребности так разнообразны и зарождаются с такой быстротой, что скоро одна федерация не будет в состоянии их удовлетворить. Коммуна почувствует необходимость заключать новые союзы, основывать новые федерации. Состоя членом одной группы, заведующей доставкой пищевых продуктов, коммуна должна будет стать членом второй группы для приобретения необходимых предметов, например, металлов, потом третьей, четвертой для приобретения материалов и произведений искусства и т. д. Возьмите экономический атлас какой угодно страны, и вы увидите, что экономических границ не существует: зоны производства и обмена различных продуктов врезаются друг в друга, переплетаются и скрещиваются. Точно также федерации коммун, если бы они следовали своему естественному развитию, стали бы врезоваться друг в друга, переплетаться и об-

разовали бы сеть «единую и неделимую», несравненно более компактную, чем современные государства.

Те, которые говорят, что коммуны, освободившись от опеки государства, будут постоянно сталкиваться, вести междоусобные войны и уничтожать друг друга, забывают, что теперь уже между отдельными местностями установилась тесная связь, благодаря тяготению к центрам промышленности и торговли, непрерывным сношениям между ними и многочисленности этих центров. Они не дают себе отчета в том, что представляли из себя средние века с их замкнутыми городами и караванами, медленнодвигающимися по дорогам, охраняемым господами-разбойниками. Они забывают, что непрерывные потоки людей, товаров, писем, телеграмм и идей циркулируют теперь между нашими городами, подобно водам неиссякаемых рек; у них нет ясного представления о различии тех двух эпох, которые они пытаются сравнивать.

Да и история говорит нам, что федерации стали самой насущной потребностью человечества. Как только государство будет дезорга-

низовано по той или другой причине и правительственная машина потеряет свою силу, свободные союзы возникнут сами собой. Вспомните добровольные федерации, вооруженной буржуазии во времена великой революции. Вспомните федерации, возникшие в Испании и отстаившие независимость страны, когда государство было потрясено в своих основах победоносными армиями Наполеона. Как только государство теряет возможность насильственно поддерживать вынужденные союзы, - свободные союзы, соответствующие естественным потребностям, возникают сами собой. Разрушите государство, и на его развалинах вырастет федеративное общество; это будет общество действительно единое и неделимое, вполне свободное и истинно солидарное в силу своей свободы.

* * *

Но есть еще одно существенное различие, которое упускают из вида наши противники. Для буржуа средних веков Коммуна была изолированным государством с точно определенными границами. Для нас Коммуна уже не территориальная агломерация; это скорее ро-

довое понятие, синоним группировки «равных», не признающей ни границ, ни стен. Социальная Коммуна в скором будущем перестанет представлять собою нечто целое и вполне определенное. Каждая группа Коммуны будет в силу необходимости вступать в сношение с тождественными ей группами других коммун, заключать с ними союзы не менее прочные, во всяком случае, чем союзы сограждан и образует Коммуну, основанную на общности интересов и имеющую членов во всех городах и деревнях.

Каждый индивидуум найдет удовлетворение своим потребностям только тогда, когда он будет группироваться с индивидуумами других коммун, имеющими те же потребности.

Уже теперь с каждым днем зарождаются новые свободные общества, которые покрывают постепенно необъятное поле всей человеческой деятельности. Не только для удовлетворения своих научных, литературных или артистических потребностей человек создает общества. Не только для классовой борьбы заключаются теперь лиги.

Трудно найти хоть одну из многочисленных и разнообразных отраслей человеческой деятельности, которая не имела бы своим представителем свободного общества, организованного на добровольном соглашении; их число растет с каждым днем, завоевывая все более и более обширное поле деятельности вплоть до тех отраслей, которые раньше состояли исключительно в ведении самого государства. Литература, искусство, наука, образование, торговля, промышленность, производство, развлечения, гигиена, музеи, дальние предприятия, полярные экспедиции, даже защита территории, помощь раненым и суды... все служит источником для проявления частной инициативы, облеченной в формы свободного сообщества. Такова тенденция, такова отличительная черта второй половины XIX века.

Эта тенденция, свободная в своем развитии, найдет новое обширное поле для применения и послужит основой для общества будущего. Социальная Коммуна организуется путем свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут

миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну единую и однородную семью «равных» всех индивидуумов, рассеянных по различным концам земного шара.

Необходимость революции

...**Е**сть эпохи в жизни человечества, когда чувствуется необходимость грандиозного потрясения, катаклизма, который пробудил бы общество от его вековой спячки. В эти эпохи каждый живой, мыслящий человек начинает сознавать, что так жить дальше нельзя, что должны наступить события, которые прервут нить истории, выкинут человечество из колеи, в которой оно погрязло, и поведут его по новым путям, к чему-то неизвестному, в поисках за идеалом. Чувствуется необходимость грандиозной, неудержимой революции, которая разрушит экономический режим, основанный на эксплуатации, спекуляции и обмане, и политическую организацию, построенную на господстве небольшой кучки, достигшей власти хитростью и интрига-

ми.

Эта революция обновит общество в его умственной и нравственной жизни и вдохнет в его мелочную, повседневную, развратную жизнь новую струю самоотверженных порывов и благородных стремлений.

В такие эпохи, когда самодовольная посредственность убивает мысль и преследует всякого, не преклоняющегося перед авторитетами, когда убогая нравственность и скудная добродетель людей золотой середины становится законом, когда везде царит низость и пошлость - революция становится необходимостью.

Лучшие люди всех слоев общества призывают бурю, чтобы она своим огненным дыханием очистила мир от чумы, заразившей его, уничтожила ржавчину, поедающую нас, увлекла в своем бурном порыве жалкие остатки прошлого, лишаящие нас воздуха и света, и принесла всему человечеству новый поток молодости, честности и благородства.

В такие эпохи забывают о насущном хлебе, и люди, уставшие от неподвижности и тупости окружающего, задыхающиеся в смрадном

болоте жизни, всеми силами стремятся к свету, к прогрессу, к обновленной, полной мысли и силы, жизни. История в своем прошлом дает нам яркий пример подобной эпохи: падение Римской империи. Человечество переживает сейчас такую же фазу глубокого перерождения.

* * *

Если революция неизбежна при современном экономическом и политическом строе, то она является прямо-таки необходимостью для полной переоценки всех наших нравственных устоев.

Ни одна форма общежития невозможна без нравственных связей и известных обязательств, налагаемых членами общества друг на друга и переходящих постепенно в привычку. Во всех организациях встречаем мы эти нравственные связи, эти социальные привычки. Особенно

развиты они у первобытных народов, этих живых памятников того, чем было человечество на заре его жизни.

Но неравномерное распределение богатств, неравные условия, эксплуатация чело-

века человеком, господство нескольких избранных над массами, подточили и разрушили с течением времени эти основы первобытной жизни народов. Промышленность, основанная на эксплуатации, торговля, держащаяся обманом, господство привилегированных, именующих себя «правительством», не могут существовать рядом с принципами всеобщего равенства и единения, признаваемыми еще племенами, отброшенными на задворки так называемых цивилизованных государств. Какая может быть речь о солидарности между капиталистом и эксплуатируемым им рабочим? Между командующим армией и солдатом? Правителем и подвластным ему подданным?

Первобытная мораль, основанная на отождествлении каждого индивидуума со всеми ему подобными, уступила место лицемерной морали религии, которая старается софизмами оправдать эксплуатацию и рабство и для виду порицает лишь самые дикие и жестокие проявления господствующей власти. Религия освободила человека от его нравственных обязанностей по отношению к ближним и

взамен этого внушила ему поклонение невидимой абстракции - Высшему Существо, расположение которого можно купить, хорошо заплатив его так называемым служителям.

Однако, отношения, установившиеся в наше время между отдельными личностями, группами, нациями, континентами, налагают на человечество новые нравственные обязательства. По мере того, как исчезают религиозные верования, человек начинает сознавать необходимость некоторых обязанностей по отношению к тем, с кем ему приходится входить в сношения. Он понял, что его личное счастье всецело зависит от счастья всего человечества. Отрицательные принципы религиозной морали: «Не воруй, не убий», уступают место более жизненным положительным принципам человеческой морали. Повеление Бога, которого можно всегда послушаться, умиловив его предварительно приношениями, заменяются теперь требованиями равенства и солидарности, гласящими: «Если ты хочешь быть счастливым, делай всем и каждому только то, что ты хотел бы, чтоб тебе делали». И этот простой положительный

принцип, не имеющий ничего общего с предписаниями религии, открывает сразу человечеству обширное поприще для самоусовершенствования.

Необходимость изменить наши взаимные отношения, соответственно этому принципу, заставляет себя чувствовать с каждым днем все сильнее. Но ничто не может быть и не будет достигнуто в этом направлении, пока эксплуатация, господство, лицемерие и софизмы останутся основами нашей социальной организации.

Тысячи примеров могут быть приведены в подтверждение этого. Но мы здесь ограничимся лишь одним, - самым ужасным, - примером наших детей. Что делаем мы из них в современном обществе?

Уважение к детству, любовь к ребенку - лучшие качества, выработанные человечеством на всем его тяжелом пути от первобытного состояния к современному. Сколько раз приходилось видеть самого закоренелого преступника обезоруженным улыбкой ребенка! В наше время это уважение исчезает; ребенок стал у нас рабочим скотом или же, в лучшем

случае, игрушкой для удовлетворения страстей.

Мы видели недавно, как буржуазия истребляет наших детей, заставляя их работать на заводах и фабриках. Там их убивают физически. Развращенное же до мозга костей общество убивает их и нравственно.

Оно свело образование к бессмысленному заучиванию, которое, конечно, не может дать пищи возвышенным стремлениям и жажде идеала, проявляющимся в известном возрасте у большей части наших детей. Оно, напротив, всеми силами старается забить всякую талантливую, независимую и гордую натуру. Дети, более или менее сознательные, начинают ненавидеть школу, озлобляются и на всю жизнь замыкаются в себя или с отчаянием бросаются искать какого бы то ни было выхода своим страстям и стремлениям. Они жадно накидываются на романы, стараясь найти в них поэзию, которой не дала им жизнь; они зарываются в эту грязную, рыночную литературу, сфабрикованную для буржуазии по пятаку за строчку и, начитавшись, подобно молодому Леметру, вонзают нож в

горло какому-нибудь ребенку, чтобы стать знаменитым преступником. Другие со страстью предаются гнусным порокам, и только те дети, у которых нет ни порывов, ни страстей, ни стремлений к независимости и самостоятельности, благополучно достигают конца. Они снабдят общество достаточным контингентом хороших буржуа, с их скудной нравственностью и убогой добродетелью. Это люди, которые, конечно, не станут таскать платков из карманов проходящих, но тем не менее будут со спокойной совестью, «честно» обворовывать своих клиентов. Они не предадутся сильной, безрассудной страсти, но будут исподтишка бегать к своим любовницам, чтоб развлечься и отдохнуть от однообразия семейного очага. Они всецело втянутся в засасывающее болото пошлости и будут вопить, как только кто-нибудь захочет дотронуться до плесени, покрывающей их.

Вот, что дает буржуазия своим сыновьям. Что же касается дочерей, она развращает их с раннего детства. Нелепое чтение, разодетые куклы, роскошные наряды, назидательный пример матери, беседы в будуарах, - все спо-

собствует тому, чтобы сделать из ребенка женщину, которая продаст себя тому, кто даст за нее большую цену. Ребенком еще она распространяет вокруг себя заразу: дети рабочих с завистью смотрят на эту девочку в роскошном платье, с изящной поступью, с манерами куртизанки в двенадцать лет. Если же мать добродетельна, насколько могут быть добродетельны буржуа - тогда еще хуже. Девочка рано поймет цену двуличной морали, гласящей: «Люби ближнего, но грабь его, когда можешь! Будь добродетельна, но до известной степени, и т. п.»; она задохнется в этой атмосфере нравственности а la Тартюф и, не найдя в жизни ничего прекрасного, захватывающего и ценного, бросится в объятия первому встречному, лишь бы он мог удовлетворить ее потребностям роскоши.

Вглядитесь как следует в эти явления, вдумайтесь поглубже в их причины, и вы убедитесь в необходимости бурной революции, которая очистит современное общество и вырвет с корнем то зло, которое съедает человечество и служит источником заразы.

На могиле П.А. Кропоткина в день похоро-

рон.

Москва, Новодевичье кладбище.

Когда умер Кропоткин, почти все видные русские анархисты были арестованы и находились в тюрьмах. Тогда дочь Петра Алексеевича - Александра попросила В.И. Ленина «освободить хотя бы на день похорон, для участия в них тех товарищей анархистов, которые находятся в данный момент под арестом».

Несколько сотен арестованных были отпущены под честное слово, что они вернутся по-

сле похорон в тюрьму. Все сдержали свое слово - ни один человек не сбежал, хотя возможностей для этого было предостаточно.

Пока среди нас есть паразиты, живущие нашим трудом под предлогом управлять нами, эти паразиты будут очагом чумы и разврата для общественной нравственности. Праздные люди всю жизнь ищут бессмысленных развлечений; чувство солидарности убито в них самыми основами их существования; преступный эгоизм развивается самой их жизнью; такие люди всегда склонны к самой грубой чувственности: они унижают и оскверняют все, к чему прикасаются. Своим золотом и животными инстинктами они развращают женщину и детей; они развращают искусство, театр, прессу; они готовы продать свою родину, продать ее защитников и, слишком трусливые, чтобы сами убивать, они, не колеблясь, заставят убить лучших представителей родной страны, если только что-либо будет угрожать их богатству - единственному источнику их радости.

Чума у наших очагов; надо уничтожить

источник заразы и, если даже придется действовать огнем и мечом, - мы не должны останавливаться: дело идет о спасении всего человечества.

* * *

Итак, мы пришли к заключению, что Европа катится по наклонной плоскости к революции.

Исследуя способы производства и обмена, установленные буржуазией, мы замечаем, что гангрена охватила весь современный строй жизни.

Мы видим полное отсутствие каких бы то ни было научных и гуманитарных основ, безумное расточение общественного капитала, жажду наживы, дошедшую до полного пренебрежения всякими законами ответственности, непрерывные промышленные войны и невообразимый хаос. Мы с восторгом приветствуем приближение дня, когда крик: долой буржуазию! вырвется из всех уст с тем единодушием, с которым провозглашалось некогда падение династий.

Изучая развитие государств, роль их в истории и разложение, охватившее их, мы ви-

дим, что современный способ группировки заканчивает свое существование; он совершил все, на что был способен, и теперь рухнет под своей собственной тяжестью, чтобы уступить место новым организациям, основанным на новых принципах, соответствующих современным стремлениям человечества.

Стоит только проследить за возникновением идей в современном обществе, чтобы понять, с каким рвением человеческая мысль работает сейчас над полной переоценкой ценностей, завещанных нам прошлыми веками, и над выработкой новых философских и научных систем, предназначенных стать основами грядущих человеческих организаций. Не только реформаторы из народа, изнуренные непосильным трудом и нестерпимой нуждой, мечтающие о лучшем будущем, встают сейчас против современных учреждений. Ученые, воспитанные на старых предрассудках, стараются отряхнуть с себя пыль ветхости, прислушиваются к брожению мысли в народе и становятся выразителями и провозвестниками новых идей. «Все разъеда-

ющий яд критики подрывает завещанные нам непреложные истины; философия, естественные науки, этика, история, искусство, все гибнет в этой разрушительной работе, ничему нет пощады!» - восклицают возмущенные консерваторы. Да ничему и не будет пощады, даже самим основам вашего социального строя - частной собственности и власти. Все работают сейчас над их разрушением, - все, от негра мастерской до работников мысли, от заинтересованных в реорганизации современного строя до тех, которые содрогнутся при виде своих же мыслей, осуществленных на практике, отряхнувших с себя пыль библиотек, воплощенных самой жизнью.

* * *

Полное разложение и распадение современного строя и всеобщее недовольство; выработка новых форм жизни и жажда какой бы то ни было перемены, юношеский порыв критики в области науки, философии, этики и брожение общественной мысли; возмутительное равнодушие или преступное сопротивление новым течениям тех, в руках которых сосредоточена власть...

Вот каково было всегда состояние общества накануне великих революций. Таково оно и сейчас; и это не безумная фантазия возбужденного воображения группы недовольных; самое спокойное научное наблюдение убеждает нас в этом. Даже те, которые для оправдания своей преступной индифферентности говорят: «Будьте спокойны, опасность не дошла еще до наших жилищ», признают, что положение все ухудшается и что они не знают, куда мы идем. Однако, облегчив себя этим признанием, они снова впадают в свое обычное состояние - прозябание без мысли.

«Нам столько раз предсказывали эту революцию», вздыхает пессимист; «был момент, когда я сам поверил в ее наступление, а между тем ее все нет!»

Но не будем тревожить сна индифферентных и мешать брюзжанию пессимистов. Подумаем лучше о том, каков будет характер этой революции, предчувствуемой и подготовляемой столькими людьми, и каково должно быть наше отношение к ней.

Мы не будем заниматься историческими пророчествами: ни эмбриональное состояние

социологии, ни современное положение истории, которая, по выражению Огюстена Тьерри, «подавляет истину условными формулами», нас на это не уполномочивают. Ограничимся тем, что поставим себе несколько самых простых вопросов.

Возможно ли допустить хоть на мгновение, что одна только перемена образа правления успокоит брожение умов и приостановит совершающуюся во всех слоях общества работу над пересозданием всего существующего? Что недовольство экономическим строем, возрастая с каждым днем, не захочет проявиться в общественной жизни, как только наступят благоприятные обстоятельства - дезорганизация власти?

Конечно, нет!

Здравый смысл человечества ответил уже на эти вопросы, и вот его ответ:

Наступит всеобщая революция, которая вызовет потоки крови во всех странах Европы. При связях, установившихся сейчас между отдельными государствами и при настоящем неустойчивом политическом равновесии местная революция невозможна, если

только она будет сколько-нибудь продолжительна. Разразившись в одной стране, она, как в 1848 году, вызовет непременно вспышки во всех остальных, и революционное пламя охватит сразу всю Европу.

Но если в 1848 году восставшие города возлагали большие надежды на перемену образа правление и на конституционные реформы, то сейчас, конечно, это невозможно. Парижский рабочий не будет ждать, чтобы правительство - будь то даже свободная Коммуна - исполнило его заветные желания. Он сам возьмется за дело и скажет: «Так, по крайней мере, что-нибудь будет сделано!»

Русский народ не будет ждать, чтобы учредительное собрание даровало ему землю, которую он столько лет обрабатывает для других; как бы мало надежды на успех у него ни было, он постарается сам ею завладеть; он уже стремится к этому: доказательством чему служат постоянные бунты. То же самое происходит в Италии и в Испании; и если в Германии рабочий позволяет еще распоряжаться собой тем, которые бы желали, чтобы все в мире совершалось по предписаниям из Бер-

лина, то пример соседей и неспособность правителей скоро укажут ему настоящий путь.

Будущая революция будет носить экономический характер. Всеми народами одновременно будут произведены попытки пересоздать весь экономический строй; они больше не будут ждать, чтобы благосостояние свалилось им с неба, как манна небесная.

Дух восстания

Итак, мы установили, что в жизни человечества бывают эпохи, когда революция становится насущной необходимостью, когда она неизбежна. Новые идеи зарождаются с каждым днем, стремятся проявиться и найти себе применение в жизни, но они на каждом шагу сталкиваются с инертностью защитников старого режима и гаснут в удушливой атмосфере старых предрассудков и традиций прошлого. Принятые в нашем обществе взгляды на политический строй Государств, на законы социального равновесия, на политические и экономические взаимоотношения граждан не выдерживают никакой критики; они разбиваются каждый день, при каждом

удобном случае, как в трудах философов, так и в обыденной беседе, как в роскошных салонах, так и в убогих харчевнях. Политические, экономические и социальные институты рушатся; старые здания, развалины, в которых жизнь стала уже невозможна, - они не дают развиваться зачаткам, зародившимся в расщелинах их полуразрушенных стен.

Чувствуется потребность чего-то нового. Нравственный кодекс, которым до сих пор руководствовалась большая часть людей в своей обыденной жизни, потерял всякое значение, стал явной бессмыслицей.

Все, что мы еще так недавно уважали, с чем мирились, признается теперь вопиющей несправедливостью; нравственность вчерашнего дня поражает своей ужасающей безнравственностью. Столкновение между новыми идеями и старыми традициями становятся все чаще и ожесточеннее; они вносят разлад во все слои общества и даже в семью. Сын вступает в борьбу с отцом: он приходит в ужас от всего того, что отец находил естественным всю свою жизнь; дочь возмущается теми принципами, которые мать старается ей

передать, как плоды своего многолетнего опыта. Народное сознание, народная совесть восстают ежедневно против всех безобразий, происходящих в среде привилегированных и праздных классов, против преступлений, которые совершаются во имя права сильного, чтоб удержать в своих руках привилегии. Те, которые жаждут торжества справедливости и стремятся провести в жизнь новые идеи, не могут не признать, что их самоотверженные и гуманные идеи, - идеи, способные дать человечеству возрождение, неосуществимы при современном общественном строе: они сознают необходимость революционной бури, которая очистит мир от плесени, покрывшей его, вдохнет жизнь в оцепеневшие сердца и принесет человечеству благородство, самоотвержение и героизм, без которых общество заражается пороками и разлагается.

В эпохи бешеной погони за обогащением, в эпохи лихорадочных спекуляций и кризисов, внезапных крахов крупных промышленностей и эфемерного развития некоторых отраслей производства, в эпохи быстрого накопления постыдных богатств и столь же быстрого

их расточения, - общество начинает сознавать, что экономические учреждения, заведующие производством и обменом, не дают того благосостояния, которое они призваны гарантировать. Вместо порядка они зарождают хаос, вместо благосостояния нужду, неуверенность в завтрашнем дне; вместо гармонии интересов, они создают непрерывную войну, войну эксплуататора с производителем, эксплуататоров и производителей между собой. Общество распалось на два враждебных лагеря и разделилось в то же время на тысячи мелких групп, ведущих между собой ожесточенную борьбу. Утомленное бесконечными войнами, изнемогая под тяжестью нищеты и лишений, оно усиленно ищет новой организации; оно решительно требует полного преобразование режима собственности, производства и обмена и всех вытекающих из него экономических отношений.

Правительственная машина, призванная поддерживать существующий порядок, еще функционирует. Но при каждом повороте ее заржавленных колес она спотыкается и останавливается. Ее работа становится все более

и более затруднительной, и недовольство, возбуждаемое ее недостатками, все растет. Каждый день возникают новые требования. - «Преобразуйте это, переделайте то-то!», кричат со всех сторон. - «Война, финансы, налоги, суды, полиция, - все должно быть преобразовано и установлено на новых началах», говорят реформаторы. Но все понимают, что невозможно переделать что-нибудь одно; все должно быть преобразовано сразу; но как приступить к работе, когда общество открыто разделено на два враждебных лагеря? Удовлетворить одних недовольных - это значит создать других.

Правительства не способны приступить к реформам, так как для этого нужно было бы перейти на сторону революции; в то же время они слишком бессильны, чтоб открыто вступить на путь реакции; вот почему они прибегают к полумерам, которые никого не могут удовлетворить и только создают новые недовольства. Посредственности, которые в переходные эпохи забирают в свои руки управление правительственной ладьей, думают лишь об одном: они стараются как можно

скорее разбогатеть, предвидя близкий разгром. Осажденные со всех сторон, они неумело защищаются, лавируют, делают глупость за глупостью и наконец, обрывают последнюю нить спасения: топят правительственный престиж в своей тупости и несостоятельности.

В такие эпохи революция неизбежна. Она является социальной необходимостью; положение становится революционным.

* * *

Изучая генезис и развитие революционных потрясений, мы находим в трудах наших историков в главе «Причины Революции», поразительную картину положение общества накануне событий. Там, - и нищета народа, и отсутствие общественной безопасности, и принудительные меры правительства, и ужасные скандалы, выводящие на свет гнусные пороки общества, и новые идеи, стремящиеся проявиться и непрерывно сталкивающиеся с несостоятельностью представителей старого режима. Изучая эту картину, мы приходим к заключению, что революция действительно была неизбежна, и единствен-

ным исходом было вступление на путь восстания.

Рассмотрим, например, положение общества до 1789 года. Крестьянин жалуется на подати и налоги и таит в своем сердце непримиримую вражду к сеньору, монаху, скупщику, кулаку, интенданту. Буржуа жалуется на потерю муниципальных свобод и изливает на короля целый поток проклятий.

Народ поносит королеву, возмущается рассказами о поступках министров и беспрестанно повторяет, что налоги невыносимы и подати разорительны, урожаи плохи и зимы суровы, съестные припасы дороги и кулаки нена сытны, деревенские адвокаты съедают жатву крестьянина и лесники разыгрывают из себя царьков, почта плохо организована и чиновники слишком ленивы... Словом, все жалуется, все не ладно. «Это не может идти так дальше, это кончится скверно!» - говорят со всех сторон.

Но от этих мирных рассуждений до восстания - далеко; между ними лежит целая пропасть, та пропасть, которая отделяет у большей части людей рассуждение от действия,

мысль от воли, желание от поступка. Как перешагнули через эту пропасть? Как эти люди, которые вчера еще, покуривая трубку, спокойно жаловались на свою судьбу, ругали жандармов и в то же время униженно кланялись им, - решились взяться за дубины и пошли громить дворцы сеньора, этой грозы вчерашнего дня? Благодаря каким чарам эти люди, которых жены презирали и справедливо называли трусами, превратились в героев, идущих под пулями и картечью завоевывать свои права? Каким чудом эти слова, которые столько раз произносились и умирали в воздухе подобно бесцельному звону колоколов, превратились в действия? Ответ очень прост.

- Работа меньшинства, работа непрерывная и продолжительная, произвела это превращение. Смелость, самоотверженность, способность жертвовать собой так же заразительны, как трусость, покорность и паника.

Какие формы примет агитация? - Да самые разнообразные, все, которые будут продиктованы ей обстоятельствами, средствами, темпераментами. То мрачная и суровая, то задорная, но всегда смелая, то коллективная, то чи-

сто индивидуальная, она пользуется всякими средствами, всеми явлениями общественной жизни, чтоб пробуждать мысль, распространять и формулировать недовольство, возбуждать непримиримую ненависть к эксплуататорам, выставлять в смешном виде правителей, доказывать их слабость и, главным образом, всегда и везде пробуждать смелость и дух восстания.

Когда в стране готовится революция, но дух восстания недостаточно силен в массах, чтоб проявляться бурными манифестациями, мятежами и восстаниями, - меньшинство только действием может пробудить смелость и стремление к независимости, без которых немислима ни одна революция.

Люди, смелые и неподкупные, которые не довольствуются одними словами, не примиряются с разладом между словом и делом, предпочитают тюрьму, ссылку и смерть - жизни, противоречащей их принципам, люди, говорящие: «надо сметь, чтоб победить», - вот те одинокие «передовые», которые начинают битву гораздо раньше, чем массы достаточно возбуждены, чтоб открыто поднять

знамя восстания и идти с оружием в руках завоевывать свои права.

Среди жалоб, разговоров и теоретических споров, вырывается вдруг какой-нибудь поступок, вызванный крайним возмущением, поступок индивидуальный или коллективный, который служит ярким показателем господствующих стремлений. Возможно, что вначале массы относятся к нему безразлично. Преклоняясь перед смелостью отдельных лиц или целой группы, они прислушиваются к речам благоразумных и осторожных людей, которые спешат объявить этот поступок «безумием» и сказать, что «горячие головы, безумцы, погубят все дело». Они рассчитали, эти благоразумные и осторожные люди, что их партия, спокойно продолжая свою работу, через сто, двести, может быть, триста лет, завоеует весь мир, - и вдруг врывается что-то неожиданное: неожиданное, т. е. то, чего не ожидали они, эти благоразумные и осторожные. Кто хоть несколько знаком с историей и не лишен способности отдавать себе отчет в своих мыслях, прекрасно знает, что теоретическая пропаганда революции неизбежно пе-

реходит в действие гораздо раньше, чем того хотят теоретики; но все же, благоразумные теоретики возмущаются поступками безумцев, предают их анафеме и изгоняют из своей среды. Однако, эти безумцы находят тайное сочувствие в народе, который восторгается их смелостью и готов следовать их примеру. Большею частью, они идут умирать в тюрьмы и на каторгу, но сейчас же являются новые безумцы, которые продолжают их работу. Бурные проявления нелегального протеста, поступки, вызванные возмущением и жаждой мести, - все учащаются.

Оставаться индифферентным теперь уже невозможно. Люди, которые вначале даже не задумывались над тем, чего хотят «безумцы», принуждены теперь дать себе в этом отчет, выяснить их идеи и стремления и стать на ту или другую сторону. Поступки этих «безумцев» привлекают всеобщее внимание, и в несколько дней делают больше, чем тысячи брошюр. Новые идеи проникают в сознание и завоевывают все больше и больше сторонников.

Пропаганда действием пробуждает дух

восстания и зарождает смелость. - Старый режим с его судьями, полицейскими, жандармами и солдатами казался непоколебимым, но и Бастилия была неприступна в глазах безоружного народа, собравшегося под ее высокими стенами, укрепленными заряженными пушками, готовыми открыть огонь. Но вскоре замечают, что установленный режим не так силен, как это казалось. Одного смелого поступка было достаточно, чтоб расстроить в несколько дней правительственную машину, чтоб поколебать этот колосс. Один смелый порыв поставил вверх дном целую провинцию, и грозные войска должны были отступить перед горстью крестьян, вооруженных камнями и дубинами. Народ замечает, что чудовище не так страшно: несколько энергичных усилий, и оно погибнет. Надежда зарождается в сердцах и, - заметьте это, - если отчаяние вызывает иногда мятежи, то только надежда, надежда победить, создает революции.

Правительство пытается устоять; оно не хочет показать своей слабости и безумно свирепствует. Но, если раньше репрессии могли убивать энергию угнетенных, то теперь в эпо-

хи возбуждения, они производят обратное действие. Репрессии вызывают новые взрывы, новые протесты, индивидуальные или коллективные; они доводят восставших до героизма и понемногу революционные действия усиливаются и распространяются.

Революционная партия растет благодаря притоку новых элементов, которые раньше относились к ней враждебно или же прозябали в полной индифферентности. В правительстве и среди правящих и привилегированных классов произошел разлад: одни стоят за упорное сопротивление, другие высказываются за уступки, третьи, наконец, готовы отказать на время от своих привилегий, чтоб успокоить непокорных, в надежде в скором будущем окончательно подавить восстание. Связь между правительством и привилегированными классами порвана.

Правители могут, конечно, обратиться к последнему средству: прибегнуть к бешеной реакции. Но теперь уже поздно; борьба от этого станет только ожесточеннее, а грядущая революция zalъется кровью. С другой стороны, малейшая из уступок со стороны правя-

щих классов ободряет восставших, так как она сделана слишком поздно, вернее, вырвана силой. Народ, который раньше удовлетворился бы этой уступкой, замечает, что враг сдается; он предвидит победу и чувствует, как растет его сила; люди, которые раньше под бременем нищеты и страданий ограничивались одними вздохами, гордо поднимают голову и смело идут к завоеванию лучшего будущего.

Наконец, раздражается революция, и чем ожесточеннее была борьба, тем более бурной будет революция.

* * *

Направление, которое примет революция, зависит, конечно, от всей суммы разнообразных обстоятельств, которые подготовили наступление катаклизма. Но оно может быть определено заранее по силе революционных действий, совершенных в подготовительный период различными партиями.

Такая-то партия тщательно выработала теории, проповедуемые ею, и активно пропагандировала пером и словом свою программу. Но ее стремления не были достаточно под-

креплены делами, которые являлись бы осуществлением ее основных идей и принципов. Она не предприняла ничего решительного против своих самых опасных врагов, не коснулась учреждений, которые ей предстояло разрушить; она была сильна созданной ею теорией, но у нее не было дел; она не сумела пробудить духа восстания и направить свои действия против того, чему должен быть нанесен решительный удар в момент наступления революции. И вот, эта партия осталась менее известной; с ее именем не связаны дела, слух о которых дошел бы до самых отдаленных хижин; ее стремление не проникли в народные массы, не прошли через горнило толпы и улицы, не нашли себе ясной формулы, выраженной несколькими словами, ставшей лозунгом всего народа.

Писатели, представители этой партии, известны читателям, как мыслители, но у них нет ни репутации, ни способностей людей дела; в тот день, когда толпа устремится на улицу, она пойдет за теми, чьи теоретические идеи, может быть, и менее ясны, стремления менее благородны, но которые успели пока-

зять себя в деле.

Та партия, которая вела более широкую агитацию и проявила больше жизни и смелости, станет во главе движения в тот момент, когда надо будет действовать, когда надо будет произвести революцию. Но, если у нее не хватило смелости заявить о себе революционными действиями в подготовительный период, если у нее нет достаточной силы убеждения, чтоб внушить отдельным индивидуумам или группам чувство самоотречения и непреодолимое желание привести в исполнение свои идеи, - если бы это желание существовало, оно перешло бы в действие гораздо раньше, чем народ устремился бы на улицу, - если знамя ее не стало знаменем народа и стремления ее недостаточно осязаемы и понятны, - эта партия не будет иметь возможности привести в исполнение ни одного пункта своей программы. Она будет побеждена активными партиями.

Вот что нам говорит история о периодах, предшествующих революциям. Революционная буржуазия прекрасно поняла это: стремясь уничтожить монархический режим, она

не пренебрегала ни одним из способов агитации, чтоб пробудить дух восстания. Французский крестьянин прошлого века инстинктивно понимал это, когда он боролся за уничтожение феодальных прав. Интернационал придерживался тех же принципов, когда он стремился пробудить в среде городских рабочих дух восстания и направить его против естественного врага наемника, - хищника, который захватил в свои руки орудия и средства производства.

* * *

Интересно и необходимо было бы изучить те средства агитации, которыми пользовались в различные эпохи революционеры, чтоб ускорить наступление революции, уяснить массам значение грядущих событий, указать народу его главных врагов и пробудить в нем дух смелости и восстания. Мы знаем прекрасно, почему такая-то революция была неизбежна, но только инстинктивно мы можем объяснить себе процесс зарождения революции.

В Пруссии главный штаб издал для армии целый научный труд о том, как подавлять на-

родные восстания, дезорганизовывать мятежи, вносить разлад в среду борцов и рассеивать их силы. Теперь хотят наносить сразу верные удары, душировать народ по правилам. Изучение, о котором мы только что говорили, могло бы дать ответ на этот труд и на многие другие, разбирающие те же вопросы, может быть даже с меньшим цинизмом. Оно показало бы нам, как дезорганизовать правительство, как рассеять его силы, как поднять нравственный уровень народа, подавленного нищетой и гнетом.

До сих пор еще ничего не сделано в этом направлении. Историки дали нам яркую картину великих моментов эволюции человечества в его стремлении к освобождению, но они почти не останавливались на периодах, предшествующих революциям. Поглощенные тем, чтоб набросать самую драму, они лишь вскользь говорят о прологе. А нас больше всего интересует этот пролог.

Какую захватывающую, грандиозную и прекрасную картину представляют собой усилия великих борцов, подготовлявших революции! Какую неутомимость проявляли кре-

стьяне и некоторые деятели из буржуазии в своей работе до 1789 года; какую упорную борьбу вели республиканцы, начиная с реставрации Бурбонов в 1815 году до их падения в 1830 году; сколько самоотверженности было в деятельности тайных обществ во время царствование толстого буржуа Людовика-Филиппа! Каким ужасом веет от заговоров, составляемых итальянцами с целью свергнуть австрийское иго, - от их героических попыток, от невыразимых страданий их мучеников. Как мрачна и грандиозна была бы трагедия, описывающая все преследования, которым подвергалась тайная работа русской молодежи, подкапывающейся под правительство, стремящейся преобразовать капиталистический и земельный режим, - работа, продолжающаяся с 1860 года до наших дней! Сколько благородных личностей предстало бы пред современным социалистом, если бы он прочел эти драмы; сколько самоотверженности и величественного самоотречения увидел бы он в них, какое революционное воспитание, не только теоретическое, но и практическое, могли бы они дать нашему поколе-

нию!

Мы не станем тут заниматься подобным изучением. Ограничимся несколькими примерами, в которых покажем какими средствами пользовались наши отцы для революционной агитации.

Бросим беглый взгляд на один из периодов, предшествующих 1789 году, и, оставив в стороне подробный анализ обстоятельств, создавших к концу прошлого века революционное положение, ограничимся указанием нескольких приемов агитации, употребленных нашими предшественниками.

* * *

Революция 1789-1793 года дала нам два крупных явления. Низвержение королевской власти и появление буржуазии у кормила правления, с одной стороны; окончательное уничтожение рабства и ленных податей в

деревнях, с другой. Оба они тесно связаны между собой, немыслимы одно без другого. Эти два течения замечаются в агитации предшествующей революции: агитация против королевской власти в среде буржуазии, агитация против прав сеньоров среди крестьян.

Бросим беглый взгляд на оба эти течения.

Газета в ту эпоху не имела того значения, которое она приобрела сейчас; ее место занимали брошюры, памфлеты и листки в три, четыре страницы. Брошюры распространяли в массах идеи философов и экономистов, предшественников революции; памфлеты и летучие листки способствовали агитации, направляя весь яд своего сарказма на трех главных врагов народа: короля и его двор, аристократию и духовенство.

Тысячи летучих листков говорят о развращенности королевы, о пороках и преступных развлечениях двора, срывают с него обманчивые покровы, осмеивают его и стремятся обнажить всю его подлость и глупость.

Любовные истории короля, придворные скандалы, безумная расточительность, знаменитый Pacte de Famine - союз между правителями и скупщиками хлеба, заключенный с целью нажиться, заставляя голодать народ, - вот о чем говорят памфлеты. Их авторы всегда на стороже и пользуются всяким случаем общественной жизни, чтоб нанести удар своим врагам. Как только в обществе заговорят о

каком-нибудь событии, - памфлет и летучий листок спешат дать ему свое толкование. Они удобнее чем газета для такого рода агитации. Газета - целое предприятие; ее прекращение может поставить в затруднительное положение всю партию, и потому приходится придумать прежде чем решиться на что-нибудь рискованное. Памфлет же и листок компрометируют только автора и типографа, - а попробуйте-ка их найти!..

Авторы этих листков, очевидно, должны были первым делом освободиться от цензуры. Тогда не прибегали еще к милой уловке современного иезуитства, к судебному преследованию прессы, которое лишает всякой свободы революционного писателя; авторов и типографов арестовывали по тайным повелениям, по грубым, но, по крайней мере, откровенным «lettres de cachet».

И поэтому авторы печатали свои памфлеты или в Амстердаме, или еще где-нибудь, - «за сто верст от Бастилии, под деревом Свободы». Они не стеснялись в своих нападках; поносили короля, королеву и ее любовников, сановников и аристократию. С этой подполь-

ной прессой полиция, конечно, не могла справиться; сколько она ни обыскивала книжные магазины, ни арестовывала газетчиков, - авторы не попадались ей в руки и спокойно продолжали свое дело.

Песня, - слишком правдивая, чтоб быть напечатанной, переходившая из уст в уста с одного конца Франции на другой, - была всегда одним из самых удачных способов пропаганды. Она обрушивалась на установленные власти и общепризнанные авторитеты, осмеивала коронованных особ, сеяла везде, вплоть до семейного очага, презрение к королевской власти, ненависть к духовенству и аристократии, надежду на скорое наступление революции.

Но, главным образом, агитаторы прибегали к объявлениям, вывешиваемых на улицах. Объявление заставляло говорить о себе, вызывало больше толков и волнений, чем памфлет или брошюра. И объявления, печатные или писанные, появлялись при всяком удобном случае каждый раз, как происходило что-либо интересующее общество. Они срывались, но на следующий день появлялись сно-

ва и приводили в бешенство правителей и их сыщиков. - «Ваши предки не попались нам в руки, но вам не избежать нашей мести!», читает сегодня король на листках, приклеенных к стенам его дворца. Завтра королева плачет от злости, видя, что на улицах вывешивают объявления, говорящие о мельчайших подробностях ее постыдной жизни. Тогда еще зародилась в народе ненависть, проявленная им впоследствии, к женщине, готовой уничтожить весь Париж, чтоб остаться королевой и удержать в своих руках власть.

Вздумают ли царедворцы отпраздновать рождение Дофина, -объявления угрожают поджечь город, вызывают панику и готовят умы к чему-то необыкновенному. Или вдруг появятся на улице объявления, возмущающие, что в день такого-то празднества «король и королева будут под конвоем отведены на Гревскую площадь, потом в городскую думу для исповеди и, наконец, взойдут на эшафот и будут сожжены живыми». Созовет ли король собрание нотаблей, сейчас же вывешиваются объявления: «новая труппа комедиантов, набранная господином Кало-

ном (первый министр) начнет свои представления 29 числа такого-то месяца и даст аллегорический балет “Бочка Данаид”». Или же, становясь все ядовитее и злее, объявления проникнут в ложу королевы и возвестят ей, что тираны скоро будут казнены.

Но объявления направляются, главным образом, против скупщиков хлеба, главных арендаторов и интендантов. И каждый раз, как в народе замечается усиленное возбуждение, они объявляют Варфоломеевскую ночь для интендантов и главных арендаторов. Фабрикант, хлеботорговец, интендант, которых ненавидит народ, - приговариваются этими объявлениями к смерти от имени «народного совета», «народного парламента» и т. п.; и во время восстания народная месть обрушится, конечно, на тех из эксплуататоров, имена которых особенно часто попадались в объявлениях.

Если бы можно было собрать все неисчислимое количество объявлений, появившихся в течение десяти, пятнадцати лет, предшествующих революции, - мы бы поняли, какое громадное значение имел этот род агитации

для подготовки всеобщего восстания. Объявления эти, игривые и насмешливые вначале, становились все более угрожающими по мере приближения развязки; всегда живые и остроумные, всегда готовые отозваться на каждое явление текущей политики и ответить на запросы масс, - они возбуждали в народе недовольство, указывали ему на его главных врагов, пробуждали в крестьянах, рабочих и буржуазии жажду мести и возвещали о близком дне расплаты, дне освобождения.

* * *

Совершение казней над изображениями преступников было очень распространенным обычаем в прошлом столетии. Это был один из самых употребительных способов агитации. Каждый раз, как замечалось в народе усиленное возбуждение, на улицу выносились изображение врага данного момента, кукла, которую вешали, сжигали, или четвертовали. «Ребячество!» - скажут молодые старики, мнящие себя разумными. Но пусть они знают, что нападение на помещение, в котором происходили выборы в 1789 году, казни Фулона и Бертье, изменившие совершенно

характер революции, - были только осуществлением того, что агитаторы подготовили и внушили народу путем казней над соломенными куклами.

Рассмотрим несколько примеров. Парижский народ ненавидел Мопу, одного из любимых министров Людовика XVI. И вот, как-то появляется на улице толпа, раздаются крики и кто-то объявляет: «по постановлению парламента, господин Мопу, канцлер Франции, приговаривается к сожжению, и пепел его должен быть раскидан по ветру!» Вслед за этим, толпа направляется к статуе Генриха IV с куклой, изображающей канцлера, со всеми знаками отличия, и сжигает эту куклу при одобрении всех присутствующих. В другой раз привешивают к фонарю изображение аббата Terray в рясе и белых перчатках. В Руане четвертуют изображение Мопу и, так как жандармы не допускают скопление народа, толпа ограничивается тем, что вешает вверх ногами изображение скупщика, у которого из носа, ушей и рта обильным дождем сыплется пшеница.

Вот вам и пропаганда! Пропаганда во вся-

ком случае более действительная, чем абстрактная пропаганда, доступная небольшому числу избранных.

Чтоб подготовить восстания, предшествующие великой революции, надо было приучить народ выходить на улицу, громко выражать свои взгляды в общественных местах, не бояться полиции, войска и кавалерии. Вот почему революционеры той эпохи не пренебрегают ни одним из способов, бывших в их распоряжении, чтоб привлечь народ на улицу и вызвать скопища.

Они пользуются всяким явлением общественной жизни, как в Париже, так и в провинциях. Когда общественному мнению удастся принудить короля удалить нелюбимого министра, начинаются празднества и иллюминации. Чтоб привлечь народ, устраивают фейерверки, пускают

ракеты. Если не хватает денег, останавливают, по словам современников, прохожих и «вежливо, но твердо просят немного денег для увеселения толпы». Как только соберется народ, ораторы начинают говорить, объясняют и комментируют события; вскоре образо-

вываются целые клубы под открытым небом. Войска, явившиеся рассеять толпу, не решаются употребить насилия против этих мирно настроенных людей, а фейерверки и ракеты, разрывающиеся в воздухе при радостных возгласах и хохоте народа, умеряют пыл слишком ревностных блюстителей порядка.

В провинциальных городах вдруг показываются на улицах трубочисты, которые представляют и высмеивают заседание парламента, на котором присутствует король. Раздаются взрывы хохота; толпа весело встречает людей, с измазанными сажей физиономиями, изображающих короля или королеву. Акробаты и жонглеры собирают на площадях тысячную толпу и потешают своих зрителей забавными рассказами, задевающими правителей и богачей. Страсти разгораются, возбуждение растет, и горе тому правителю или богачу, который в этот момент попадет в руки толпе: он будет растерзан ею.

Лишь бы мысль работала в этом направлении, - и сколько удобных случаев найдет смысленный человек, чтоб вызвать скопища, собрать на улицах толпу из болтунов и на-

смешников вначале, а потом из людей, готовых действовать, готовых жертвовать собой, особенно если возбуждение в народе подготовлено самим положением дел и отчаянными поступками безумцев.

Революционное положение и всеобщее недовольство с одной стороны, объявления, вывешенные на стенах, памфлеты, песни и совершение казней над изображениями, с другой - ободряют народ и придают ему смелость; понемногу скопища на улицах становятся все чаще и принимают более угрожающий характер. Сегодня напали в темном закоулке на парижского архиепископа, вчера чуть было не утопили какого-то графа или герцога; властей встречают и провожают с гиканьем и свистом. Словом, проявление народного возмущения становятся все чаще и разнообразнее, и готовят день, когда достаточно будет малейшей искры, чтоб эти скопища превратились в мятеж, а мятеж в революцию.

- «Это восстание черни, восстание негодяев и бездельников», - говорят теперь наши честные историки.

- Да, это верно, революционеры буржуа искали себе союзников не среди людей состоятельных, которые в салонах поносили правителей, а на деле гнули перед ними спину; в пригородных кабачках, пользуясь дурной славой, брали они себе товарищей, вооруженных дубинами, когда дело шло о нападении на его святейшество парижского архиепископа.

Если бы революционные действия ограничились нападками на отдельных правителей и на правительственные институты, не касаясь институтов экономических, могла ли Великая Революция быть тем, чем она была на самом деле, всеобщим восстанием народных масс, - крестьян и рабочих против привилегированных классов? Продолжалась ли бы революция четыре года? Подняла ли бы она на ноги всю Францию? Нашла ли бы в себе ту непобедимую силу, которую она противопоставила королям?

Конечно, нет! Историки могут петь хвалебные гимны Учредительному Собранию, Конвенту и всем «messieurs du Tiers», - но мы знаем в чем тут дело. Мы знаем, что революция

достигла бы лишь минимального конституционного ограничение королевской власти и не коснулась бы феодального режима, если бы крестьянское население всей Франции не восстало и не поддерживало бы в стране в течение четырех лет анархию - добровольную революционную работу отдельных групп и индивидуумов, освободившихся от какой бы то ни было правительственной опеки. Мы знаем, что крестьянин остался бы вьючным скотом сеньора, если бы Жакерия не свирепствовала с 1788 до 1793 года, - до того времени, когда Конвент был принужден санкционировать законом то, чего уже добились крестьяне: уничтожение без выкупа ленных податей и возвращение Коммунам всех богатств, отнятых у них при старом режиме богачами. Тщетно было бы ждать справедливости от Собраний; они ничего бы не дали народу, если бы голыши и санкюлоты не бросили на парламентские весы своих пик и дубин.

Но, ни агитация против министров, ни вывешивание в Париже объявлений, направленных против королевы, не могли подготовить восстание в деревнях. Восстание это бы-

ло результатом общего состояние страны, результатом агитации людей, которые вышли из народа и направляли свои нападки на его непосредственных врагов: сеньора, священника - собственника, скупщика хлеба и толстого буржуа.

Этот род агитации еще менее известен, чем тот, о котором мы только что говорили. У нас есть история Парижа, но историей деревни никто еще не начинал заниматься серьезно; история не знает крестьянина; но те немногие сведения, которые дошли до нас, дают нам о нем некоторое представление.

Памфлеты и летучие листки не проникали в деревню; крестьяне в то время были, большей частью, неграмотны. Пропаганда производилась при помощи простых и понятных картин, напечатанных или нарисованных. На этих лубочных картинах надписывали несколько слов, - и этого было достаточно, чтоб воображение народа создало целые романы, в которых действующими лицами были король, королева, графы, куртизанки, сеньоры, эти «вампиры, высасывающие кровь народа». Картины эти переходили из деревни

в деревню и возбуждали умы.

Вывешивались иногда на деревьях объявления, которые призывали к восстанию, предвещали скорое наступление лучших дней и рассказывали о мятежах, непрерывно вспыхивающих во всех концах Франции.

В деревнях под именем «Jacques» образовывались тайные общества, которые поджигали амбары сеньора, уничтожали его урожай и даже убивали его. Часто находили в каком-нибудь дворце труп, пронзенный ножом, носящим надпись: *De la part des Jacques!* Случалось, нападали на какого-нибудь сеньора, едущего в своем громоздком экипаже по краю оврага. С помощью ямщика его связывали, клали ему в карман бумагу с надписью: *De la part des Jacques!* И бросали его в овраг.

Или же ставили на перекрестке двух дорог виселицу с надписью: Если сеньор посмеет взимать подать, он будет повешен на этой виселице; кто посмеет платить сеньору подвергнется той же участи! И крестьянин, не принуждаемый властями, не вносил податей и был доволен, что нашел возможность избавиться от этой повинности. Он понемногу

привыкал к мысли, что можно не вносить платежей, не повиноваться сеньору, вскоре он уж сам не хотел платить и угрозами принуждал сеньора отказаться от взимания каких бы то ни было податей.

В деревнях непрерывно появлялись объявления, возвещавшие, что отныне взимание податей отменено, что надо сжигать дворцы и поземельные росписи, что Народный Совет издал указ в этом смысле. - «Хлеба! Отмены налогов и податей!» вот тот лозунг, который обходил все деревни. Понятный и близкий всем, он проникал в душу матери, дети которой не ели в течение трех дней, пронизывал мозг крестьянина, преследуемого властями, которые вырывали у него силой недоимки. «Долой скупщиков!» - и склады их взламывались, обозы с хлебом захватывались, и мятеж переходил из провинции в провинцию. «Долой пошрины на съестные припасы!» - и заставы сжигались, а города, которым не хватало денег, в свою очередь восставали против центральной власти, требующей от них платежей. - «Сжигайте реестры налогов, счетные книги, архивы муниципалитетов!» - и в июле

1789 года канцелярские бумаги горели, власть дезорганизовывалась, сеньоры эмигрировали, и революция охватывала своим огненным кольцом всю страну.

Все что разыгралось в Париже, было лишь отражением того, что происходило в провинциях, отзвуком революции, которая бушевала в каждом городе, каждой деревне, которую народ был готов всецело направить не против центрального правительства, а против своих непосредственных врагов: эксплуататоров, этих пиявок, присосавшихся к его организму.

Словом, революция 1788-1793 года показала нам, как народная революция (революция преимущественно экономическая, как все народные революции) дезорганизует Государство.

Во Франции много раньше 1789 года замечалось революционное настроение, но дух восстание еще недостаточно созрел, чтоб разразилась революция. И революционеры направляли все свои усилия на развитие этого духа непокорности и смелости, духа неприимиримой вражды к существующему социаль-

ному строю.

В то время, как революционеры из буржуазии устремляли свои нападки на правительство, революционеры из народа, - те, чьих имен нам даже не сохранила история, - подготавливали свое восстание, свою революцию и направляли все свои действия против сеньоров, агентов государственной казны и всякого рода эксплуататоров.

В 1788 году непрерывные народные бунты возвещали приближение революции. Король и буржуазия стремились подавить ее уступками, но могли ли остановить народную волну Генеральные Штаты, иезуитские уступки 4-го августа, жалкие указы Законодательного Собрания? - Таким путем можно успокоить политические волнения, но этого слишком мало, чтоб улеглось народное восстание. Волна подымалась все выше; стремясь поглотить собственность, она подтачивала Государство. Она делала невозможным утверждение какого бы то ни было правительства, и народное восстание, направленное против сеньоров и богачей, кончилось тем, что через четыре года королевская власть и абсолютизм были

уничтожены.

Таков ход всех великих революций. Таков будет ход и развитие будущей Революции, если она - в чем, конечно, мы не сомневаемся, - будет не простой переменой правительства, а настоящей народной революцией, катаклизмом, который переродит режим собственности.

Часть 2 Анархизм в России

Нужен ли анархизм в России?

Задавать подобный вопрос, по нашему мнению, также странно, как если бы мы стали спрашивать, «Нужна ли правда, истина в политической жизни? Или же ей предпочтительен обман?» Нужно ли народу говорить всю правду? Или же истинное понимание современной жизни нужно оставить только для немногих, избранных, а народу следует говорить только то, что, по мнению этих избранных, лучше ведет к достижению задач, ими самими замеченных?

Если бы подобный вопрос нам задавали люди, которые стремятся только к личной власти, мы бы поняли их. В самом деле, вообразите партию, рассуждающую так: «Социализм - дело далекое; до его осуществления мы не доживем, а потому с нас довольно таких реформ в буржуазном строе, при которых мы сможем стать политическими и газетными руководителями народа. Убедивши буржуа-

зию, что ей нисколько не опасно, а даже выгодно уступить нам часть своей власти, так как мы будем, по мере сил, удерживать народ от революции, мы получим таким образом возможность руководить народом, именно в его социалистических стремлениях, и будем, с одной стороны, занимать почетное место крайней политической партии, а вместе с тем войдем в число управителей народа, и будем распространять социалистические идеи».

Если бы люди, так рассуждающие, говорили нам, что анархизм несвоевременен в России, мы бы поняли их логику. Им нужен какой ни на есть парламент, нужно место в этом парламенте, а что дальше будет, об этом они мало задумываются. Точно так же мы понимаем логику тех, которые до того верят в магическую силу власти, верховодства, управления и начальства, что им анархизм просто ненавистен, как отрицание власти. Аракчеев и Николай I должны были чувствовать физическое отвращение к анархизму, и точно так же должны относиться к нему все те, кто смотрит на себя, как на соль земли, призванную управлять неразлучными

детьми - народом.

Но логику тех, которые говорят: «Да, анархизм - великий идеал. К нему мы должны стремиться в будущем. Но, в данную минуту, в России, он не своевременен», - этой логики мы не понимаем, потому что тут нет никакой логики. Тут просто оппортунизм, а по-русски - желание угождать нашим и вашим, которое, обыкновенно, кончается тем, что партия, избравшая такую позицию, становится прямою помехою развития в народе правильного понимания действительных нужд и возможностей данной минуты.

* * *

Начать с того, что раз человек признал анархический идеал, и признал анархический способ действия, он начинает иначе относиться ко всякому экономическому и политическому вопросу, чем все остальные политические партии. Он расходится не только с буржуазными политическими партиями, - охранителями, постепеновцами и буржуазными радикалами, - но также и с социалистическими партиями, не признающими анархизма. Все его мирозерцание приобретает

новую окраску, а, следовательно, меняется его отношение ко всякому частному вопросу.

Помните ли вы тургеневского нигилиста, Базарова? Припомните слова, которыми он заканчивает свой спор с одним из представителей старого поколения. Он говорит (привожу на память): «Даю вам два дня на размышление; подумаете, и назовите мне хоть одно теперешнее учреждение, которое не заслуживало бы полного отрицания».

Раз он решился порвать с поклонением перед властью, перед буржуазною наукою и ее заветами, он понял, что ни одно из учреждений, освящаемых этою властью и этою наукою, не устоит перед критикою нигилиста. Он знал, что он и старое поколение на все смотрят разное.

Так оно и было на самом деле: молодое поколение шестидесятых годов «сжигало все, чему поклонялось старое».

Но то же самое происходит теперь с молодым анархическим движением. Оно на все, решительно на все, смотрит другими глазами, чем буржуазные политики и пошедшие по их следам социалисты.

Почему? Да потому, что анархист поставил себе главной целью освобождение человечества от всех пут, которыми его опутали капиталисты, помещики, духовенство и представители феодального и буржуазного государства.

Он знает, что брать их порознь нельзя; что все они в круговой поруке. Рука руку моет. Помещик, капиталист, чиновник, либеральный адвокат могут коситься друг на друга и даже говорить друг другу колкости. Но раз дело дойдет до того, что крестьянин начнет бунтовать против землевладельца, или рабочий против капиталиста; раз толпа выйдет, не снявши шапки, не просит униженно о милости у барина, а станет требовать чего-нибудь, то все, - и помещик, и чиновник, и капиталист, и адвокат выйдут дружною стеною против народа. Не догадка это, а факт. Вспомните, сколько рабочих избили либеральные и всякие другие буржуи, когда рабочие вздумали бунтоваться в Париже в 1848-м году, или в Коммуне.

Кроме того, анархисты поняли, что если человечеству удавалось по временам дви-

гаться вперед, то всегда это было - через революцию. Периоды мирного развития - не что иное, как осуществление идей, выдвинутых во время революции. И в самой-то революции дело двигалось вперед только тогда, когда народ выступал вперед и, отстранивши буржуазию, путавшуюся в революции и мешавшую народу идти вперед, брал дело в свои руки, и сам шел на разрушение старого строя и создание нового.

Так было при взятии Бастилии; так было, когда по всей Франции запылали помещичьи усадьбы, и крестьяне стали жечь уставные грамоты (которыми установлены были их повинности и платежи помещикам) и начали брать себе назад земли, отобранные у них помещиками. Так было, когда простые, безвестные люди из народа задержали короля, который бежал из Парижа, чтобы передаться за границу немцам.

Так было, когда надо было брать королевский дворец, в 1792-м году, а потом надо было принуждать болтавших буржуа, чтобы они казнили короля. Так было, наконец, когда из самого революционного парламента при-

шло народу удалить силою партию Жирондистов, т. е. тех буржуазных представителей, которые очень хорошо говорили о свободе, равенстве и братстве, но когда народ стал требовать «раздела земель», «уравнения богатств», или только таксы на хлеб, потребовали от парламента, чтобы им была дана власть казнить всех таких «бунтовщиков» без разбора.

* * *

Даже самую революцию мы, как видно, понимаем иначе, чем понимают ее писатели всех политических, буржуазных и социал-демократических, партий. Для нас, прежде всего, является вопрос: что дало народу данное движение? Каких немедленных практических результатов добился тот, чьим трудом живет вся наша цивилизация, и кому, даже в момент революции, бросают лишь корку хлеба - да еще красивые слова о братстве, причем этот самый народ продолжают ненавидеть так же, как его ненавидели в былое время расфранченные дворяне.

Вопрос «Что выиграл народ в данную минуту революции?» - этот вопрос для нас беско-

нечно важнее всех громких, пышных фраз, произнесенных в парламенте или на площади. И еще - какая новая идея была выдвинута народом в данном движении, даже если ему и не удалось осуществить ее вполне? Вот почему, например, мы так дорожим идеею свободных общин, выдвинутою парижскими рабочими, во время Коммуны 1871-го года. Она является в наших глазах задачей, которую наиболее развитая часть французского народа наметила нам для будущего.

И, наконец, мы спрашиваем: «Какую долю принял народ в данном движении?» Если бы какая-нибудь благодетельная волшебница могла дать народу богатство, счастье одним мановением своего волшебного жезла, мы и тогда спросили бы себя: «Принимать ли этот дар? Если это счастье - простой подарок, ведь оно не продержится. Прочно живет только то, что завоевано самим народом».

Но волшебниц нынче уже нет в истории. А в политиканов, считающих себя волшебницами и обещающих народу всякие блага, мы все не верим. Вот почему, когда мы читаем, как французские крестьяне, особенно в во-

сточной Франции, сами уничтожили все остатки крепостного права с 1788-го по 1793-й год, сами отбирали назад у помещиков награбленные земли, сами, с вилами и дубинами в руках, заарестовали беглого короля и привели его назад в Париж, сами беспощадно уничтожали в деревнях все старое чиновничество, выросшее при крепостном праве, сами уничтожали в городах цеха, обратившиеся в руках государств в средство закрепощения городских рабочих, - мы радуемся этому движению. Мы видим в нем не только немедленное серьезное улучшение их быта, но нечто еще более существенное: то, что в крестьянине и рабочем того времени заговорил человек, взбунтовавшийся против всех насевших на него тунеядцев. Мы видим в этом народном движении (кстати сказать, богатеи правители того времени уже звали это движение анархическим), - мы видим в этом народном движении залог будущего развития; мы чувствуем, читая о нем, что страна, переживая такой подъем народного духа, сумеет устоять против нашествия королевских и имперских войск из Германии и из Австрии, и

станет на долгие годы во главе всякого передового движения в Европе. Так оно и было на деле.

* * *

Веками старались убить в народе всякую силу революционного почина. Веками старались уверить его, что его спаситель - король, царь, имперский судья, королевский чиновник, поп. И теперь есть люди, старающиеся уверить народ, что за него готовы радеть всякие благодетели, лишь бы им позволили писать законы...

Так вот пора, прямо и открыто, говорить народу: «Не верьте вы спасителям! Верьте себе самим - и бунтуйте сами, не дожидаясь ни от кого приказа и разрешения; бунтуйте против всех, кто вас грабит и правит вами. И помните, что богатства на земле - результат труда всех людей, а отнюдь не одного какого-нибудь барина или капиталиста. Помните, что земля - ваша, что фабрики и заводы - ваши, что леса и угольные копи принадлежат вам, что железные и всякие дороги - ваши и что вам, и никому другому, принадлежит право распорядиться ими так, чтобы ими не

овладели снова всякие тунеядцы».

Вот что думают анархисты в Западной Европе, и вот как, и во имя чего, они действуют.

Но если в Западной Европе сама историческая необходимость, сама жизнь, начиная с шестнадцатого столетия, и все более и более в наше время, стала выдвигать таких революционеров, то - тем более необходимы такие люди, т. е. анархисты в России.

В России они в тысячу раз необходимее, чем в Западной Европе.

В Западной Европе уже есть революционная традиция - у нас она только что зарождается. В Западной Европе, особенно во Франции, в Испании и в Италии опять-таки благодаря революциям, создались смелые мысли. У нас, рабство мысли, даже среди молодых революционеров доходит до того, что одно время у нас божились марксистскою библиею, как раскольники божатся буквою евангелия, и повторяли за своими вожаками, как слова великой мудрости, самые отчаянно бессмысленные изречения о необходимости «выварить мужика в фабричном котле»!!!

В Западной Европе рабочий уже не верит

в таинственные организации, издающие приказы о том, в какой день начинать революцию, а в какой день все еще ломать шапку перед господином полицейратом, т. е. кварталным. Такая вера встречается еще только в Германии, где революционное дело не многим старше, чем в России; в латинских же странах социалист хочет мыслить сам по себе, и если несколько человек решатся сделать какой-нибудь смелый шаг, то они его и делают, не спросясь у начальства. У нас же такая смелость совсем еще внове.

Словом, нигде, ни в одном западноевропейском народе не чувствует так сильно необходимость проводить в жизнь мысль о народной, крестьянской и рабочей революции, нигде не требуется так сильно разбудить, наконец, бунтовской дух и смелость личного почина. Нигде, следовательно, не чувствуется в такой степени необходимость широкой, смелой анархической пропаганды.

* * *

Те, которые говорят: «Нам теперь хоть бы какую-нибудь, хоть плохонькую конституцию», доказывают этим только, до какой сте-

пени им чужды интересы русского народа, до какой степени все их мышление проникнуто духом буржуазного либерализма, до какой степени слабо их понимание хода исторической жизни народа.

Нам нужна в России широкая, все захватывающая крестьянская и рабочая революция. Где бы она ни началась, как бы она ни разрослась, - широко или нет, - она даст России неизбежным образом представительное правление; только со следующей разницею.

Революция даст России не только несравненно более политической свободы, чем может дать любая конституция, дарованная царем. Она изменит экономические, хозяйственные основы быта русского народа. Теперь русский народ недоедает. Хронический голод - язва России. Хлеба, хлеба нужно прежде всего русскому народу! И пусть он только силою возьмет себе хлеб, т. е. землю, - тем самым он возьмет себе и волю. Пусть он также начнет завладевать фабриками, заводами, угольными и соляными копиями - всем, что нужно для жизни, - тем самым он возьмет себе и волю, настоящую - народную, а не гос-

подскую. До чего довело нас вековое рабство, просто тяжело подумать. Даже такого мизерного подобия зачатков воли, как конституция, даже в такое время, когда за волю бьется и гибнет в России вот уже второе поколение молодежи и начинают восставать рабочие и крестьяне, - наши писатели нет-нет да продолжают выпрашивать себе конституцию, «на чаек с вашей милости», то у русского царя, а то у японцев!

И нам говорят, что анархизм не нужен в России?!

Русский Рабочий Союз

Известно, что по мысли Георгия Гапона в России основывается всеобщий «Российский Рабочий Союз». Мы еще не знаем программы этого Союза в ее окончательной форме, а потому не можем обсуждать ее. Но мы выскажем по крайней мере, как мы понимали бы такой Союз и его цели.

Опыт западной Европы показал, что вне партий политических, ставящих себе целью достижение известных реформ через законодательство, необходимо образуется, в той или

другой форме, обширная цепь рабочих союзов, которые создаются независимо от всех этих партий, вне их, и ставят себе целью прямое воздействие рабочих на капиталистов, т. е. прямую борьбу рабочего с капиталом путем стачки, бойкота и т. п. При этом, у наиболее дальновидных рабочих рисуется в более или менее отдаленном будущем захват фабрик, заводов и т. д. самими рабочими и организация ими самими всего производства.

Такой рабочий союз, задуманный в обширных размерах, - охвативший в свое время все ремесла и распространенный на все страны, представлял при своем основании Интернационал, т. е. Международный Союз Рабочих. Его знаменитая формула: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», определенно выражала эту мысль.

Конечно, как только Интернационал выказал свое могущество, им постарались овладеть политики. Пользуясь войною 1870-71 года и разгромом рабочих классов и Интернационала во Франции и Испании, радикалы, а также социалисты политического воспитания старались повернуть деятельность Ин-

тернационала так, чтобы из него создать опору для политической, парламентской партии, стремящейся водворить со временем государственный коллективизм (т. е., в сущности, капитализм государственный), а пока слегка ограничивать капиталистическую эксплуатацию путем законодательства. На этом произошел, как известно, раскол, и Интернационал, против которого соединились также и все правительства, мало-помалу распался.

В Германии, а затем и в Италии и во Франции создались тогда, под названием социал-демократии, партии, сложившиеся, с одной стороны, из политической демократии, а с другой - из социалистов. В Германии, в особенности, такая партия достигла сильного развития.

Замечательно, однако, что несмотря на все избирательные успехи социал-демократии, рабочие во всей Европе, и даже в Германии, все-таки не отказывались от мысли, что помимо социал-демократии -представлявшей политическую, а потому самому смешанную партию, необходимо развить независимую чисто рабочую организацию, и эта организа-

ция, слагаясь из профессиональных рабочих союзов (по ремеслам), все время стремилась повсеместно к прямому международному объединению рабочих по ремеслам, - опять-таки вне всяких парламентских партий. Идея Интернационала, таким образом, продолжала жить и живет по сию пору в Европе, по крайней мере на континенте.

Социал-демократия, стремясь объединить все рабочее движение в продолжение последних тридцати пяти лет - почти полвека - упорно стремилась овладеть рабочими организациями, возникавшими в Европе для чисто экономической борьбы, и обратить их в организации политические.

Начиная с конгрессов Интернационала, продолжая затем Гентским социалистическим конгрессом 1877 г. и позднейшими социалистическими конгрессами, такие попытки овладеть рабочим движением не прекращались. Одно время в Германии велась даже война против стачек, причем уверяли рабочих, что они гораздо вернее получают желаемое через законодательство, если перестанут тратить деньги на забастовки, а будут отда-

вать их на парламентские выборы.

Несмотря на тридцатипятилетние усилия, во всех странах создались, однако, мало-помалу обширные профессиональные рабочие организации, стоящие вне всяких политических, парламентских партий. В Испании, а вслед затем во Франции (в 1883 г., когда закон, запрещающий союзы, был отменен) и в Италии создались могучие рабочие союзы, совершенно независимые от социал-политиков, и за последние годы даже в Германии создавался рабочий союз, насчитывающий свыше миллиона членов, в котором социал-демократы, несмотря на все свои усилия, не могли достичь владычества. Наконец, за последние годы рабочие союзы, особенно в Испании, во Французской Швейцарии, в Италии, во Франции, в Голландии, выступили вперед, как революционная сила.

L'action directe, т. е. прямое воздействие стачкой, бойкотом, «худой работой за худую плату», и в случае нужды мезтью, стало боевым кличем значительной части французских синдикатов (рабочих союзов). Кроме того, на последнем конгрессе они постановили

всеобщую стачку 1-го мая будущего 1906 года своею ближайшею целью. Всеобщая стачка, говорят они, приведет, вероятно, к революции и позволит, таким образом, начать революцию не из-за вопроса о чьей-нибудь диктатуре и не из-за вопроса о выборах, а из-за экономического вопроса. Пусть всеобщая стачка послужит объявлением войны рабочих против всех эксплуататоров. «Если вы не хотите наших условий, так убирайтесь вон. Мы сумеем вести промышленность и без вас!» - говорят рабочие.

* * *

Вот мысли, распространяющиеся теперь среди рабочих организаций, по мере того как они освобождаются от умственной опеки парламентских политиков.

В этом движении кроется, впрочем, еще другая мысль, а именно, протест против государственного капитализма, на который свели теперь социализм большинство его поборников.

Чего хочет, например, социал-демократическая партия Швейцарии? Она требует, чтобы все железные дороги были выкуплены го-

сударством, чтобы частные банки были уничтожены, а банковое дело стало монополиею государства; чтобы частная продажа спиртных напитков была прекращена, и торговля ими стала монополиею государства, подобно почтовому или телеграфному делу, - все это сейчас, в буржуазном государстве, в котором остается буржуазная эксплуатация труда.

Чего требуют, например, социалисты в Англии? - Чтобы государство кормило детей в школах и чтобы назначены были суды, составленные из выборных от хозяев и от рабочих, утвержденных правительством, и чтобы вместо забастовки рабочие обращались к такому суду. Если такой суд решит в пользу хозяев, государство силою должно будет заставить рабочих подчиниться. Все это опять-таки в буржуазном государстве. О праве рабочих на фабрики и заводы они молчат.

И вот, рабочие ужасаются, видя, какая страшная сила создается в руках буржуазного государства. «Государство - вы сами», - говорят им теоретики-законники. Но они этому не верят. Они знают, какую силу в современном государстве имеет буржуазия. - «А что, ес-

ли государственная власть попадет надолго в руки реакционной буржуазной партии? Что, если, при постоянном увеличении числа буржуазии, прочное большинство на много лет окажется в руках буржуев реакционеров?» В Англии ведь буржуа и полубуржуа почти столько же, сколько и рабочих; ведь на английских буржуа работает весь мир: в Индии, в Китае, в Египте, в Японии, в России; черные, желтые, белые - все работают на английского, голландского и т. д. биржевика и на европейского буржуа вообще. Немудрено, что число их так быстро растет.

Но в таком случае, - разумно ли давать такую страшную силу буржуазному государству, т. е. тем же буржуа, выступающим в роли чиновников?

Возьмите, например, недавние стачки в Италии, где железные дороги - собственность государства и где железнодорожные рабочие получают пенсии от государства, как чиновники. Те из них, которые достигли известного возраста и близки к пенсии, все время становились против рабочей массы, держали уже сторону буржуазии: они изменяли своему со-

словию. А кроме того, если молодежь объявляла стачку, государство сейчас же объявляло мобилизацию и ставило кочегарами и машинистами солдат, - нередко тех же самых рабочих, но уже «мобилизованных», т. е. одетых в мундиры и распределенных в роты и батальоны.

Государственный социализм, в буржуазном государстве, становится, таким образом, новым средством эксплуатации.

Одним словом, мысль, что коллективизм, т. е., в сущности, государственный капитализм, который теперь рекомендуют социалисты, не представляет еще последнего слова социализма, - эта мысль также несомненно руководит рабочими союзами, когда они складываются в особые организации вне социалистических партий.

Вот почему долг анархиста и каждого вдумчивого социалиста, не считающего себя и свою партию непогрешимыми, - содействовать всеми силами образованию независимых рабочих союзов, как это делал Интернационал, ради защиты интересов рабочего и ради искания ими самими тех форм комму-

нистического быта, которые смогут удовлетворить потребностям равенства и свободы, зреющим среди рабочих. Не связывать заранее Рабочий Союз социал-демократической или иной программой должен был бы стремиться всякий, кому дорого будущее развитие социалистического строя, а, наоборот, вселять мысль, что формы социалистического строя должны быть найдены и выработаны самой рабочей массой, вне всяких уступок и сделок, навязываемых ей политиками.

* * *

Но, скажут нам, все это хорошо в западной Европе, а не у нас! У нас речь идет о том, чтобы выбиться из крепостного рабства, созданного самодержавием. Сперва освободимся политически - тогда поговорим об экономических отношениях.

В этом лежит самая крупная ошибка людей, воспитавшихся на политической борьбе западной Европы и желающих слепо повторять у нас то, что (при их незнании истории Европы) они считают сущностью западно-европейского развития. Именно потому, что у нас условия иные, нам не следует слепо под-

ражать Германии, или повторять ошибки Франции.

Не «конституцию сперва», или какое там ни на есть монархическое или республиканское учредительное собрание, а потом уже - рабочее законодательство! А прежде всего - экономический переворот, который и создаст новую, соответствующую форму политической жизни. Вот к чему нам надо стремиться.

Никакой революции не было бы во Франции в 1789-97 гг., если бы крестьяне силою не уничтожали, целые четыре года, крепостные отношения и не овладевали бы отнятыми у них раньше землями.

Но так как французский народ не заметил тогда нового нарождающегося зла - буржуазии, и так как он верил радикалам из буржуазии в их уверениях о любви к свободе и равенству, то он и совершил ужасную ошибку. Он дал вырасти новому удаву на французской почве - буржуазии, и этот удав, вот уже сто с лишним лет, душит французский народ в своих капиталистических кольцах.

Так вот - намерены ли мы повторить ту же ошибку? Неужели полвека социалистической

пропаганды и коммунистического развития должны пройти даром? Неужели все, чему научила нас Европа, должно быть выброшено нами за борт, едва только в России запахло возможностью поговорить в прессе и в собраниях о нуждах рабочих, не будучи за это высланным в отдаленные губернии?

Нет! Полвека социалистической агитации в Европе не может пройти бесследно для России; и наши русские жертвы, погибшие из-за социализма, погибли не даром.

Именно теперь, когда государство не в силах защищать монополистов, именно теперь рабочие и крестьяне должны захватывать в свои руки все то, что им нужно для жизни и для работы. Крестьянин берет себе землю не как средство для буржуйской наживы, а чтобы поливать ее своим потом, но не отдавать барину львиной доли своего труда в виде арендной платы. Точно так же и рабочий, пользуясь расстройством царской грабительской машины, должен овладеть фабриками, заводами, угольными копями, железными дорогами, соляными варницами, рыбными промыслами, доками - всем тем, над чем и где он

работает, -чтобы и впредь не уделять львиной доли из своего заработка какому-то хозяину.

Сто лет тому назад орудие труда была преимущественно земля, - и крестьяне отнимали ее у помещиков. Фабрик тогда было очень мало, и даже в промышленности люди богатели главным образом от того, что массы народа были в крепостной или полукрепостной зависимости от хозяев - и этих крепостных освобождали взбунтовавшиеся города. Были бы тогда большие фабрики, фабричные не задумались бы овладеть ими и объявить их городской или народной собственностью точно так же, как крестьяне овладевали землей, сельскою мельницею, сельскою маслобойней и пр., которые захватил было барин.

Пусть знают и помнят русские рабочие, что чего им не удастся осуществить теперь, покуда происходит ломка государственного строя, -того не осуществят они и в будущие пятьдесят лет.

Но если теперь же, сейчас, во время теперешней неурядицы, им удастся осуществить захват фабрик, заводов и т. п., которые, ведь,

представляют труд не хозяев, а труд рабочих предыдущих поколений, - тогда, хотя бы это удалось и не вполне, или хотя бы отнятое не удалось вполне удержать, то совершенный захват послужит залогом силы рабочих, а мысль, однажды провозглашенная на деле, станет боевым кличем, программой для всего последующего развития русского народа.

Долг рабочих - самим двинуть свое дело вперед. Вот в чем задача русского рабочего движения.

* * *

Принявши все это в соображение, мы с глубокою радостью встречаем мысль об основании Рабочего Союза, если только он поставит себя независимо от существующих политических партий. Но программа этого союза должна не предрешать задачу революции в ограничительном смысле, как это делают политические партии. Она должна, наоборот, наметивши цели движения, предоставить рабочим полную свободу достигать эти цели сейчас же такими способами, которые они сами найдут наилучшими.

Поэтому, если бы нам предстояло набро-

сать в общих чертах программу Русского Рабочего Союза, мы изложили бы ее в нижеследующей форме. Конечно, это была бы программа не анархической группировки: анархисты выразили бы свои мнения гораздо определеннее. Это была бы программа, которую мог бы принять всякий рабочий союз, если только он не желает заранее пристегивать себя к той или другой партии политиков, а стремится дать возможность самим рабочим и крестьянам проявить свою строительную деятельность - ну, хоть бы так, как проявили ее недавно гурийские крестьяне или русские крестьяне южных губерний в своих приговорах.

Такую программу, думаем мы, приняли бы несомненно русские рабочие, по крайней мере, громадное большинство их.

Так вот, примерно, в общих чертах, как можно было бы выразить.

Цели Русского Рабочего Союза

В России происходит теперь полное разложение самодержавной формы правления. Разложение коснулось всех отправлений всей государственной машины.

Несомненно вырабатываются новые формы политической организации для русского народа и для различных народов, пребывавших донныне под властью русского государства.

В этом предстоящем переустройстве выступают уже (и выступят еще резче) всевозможные сословные интересы.

Буржуазия несомненно постарается воспользоваться переворотом, чтобы утвердить свою власть.

Помещики постараются утвердить свои монополии на землю, или, в крайнем случае, получить от крестьян крупные выкупные суммы.

Чиновники постараются усилить свою власть, создавая еще большую централизацию администрации в министерствах и не брезгуя для этого усилением государственно-

го капитализма.

Биржевики постараются усилить власть биржи, овладевая монополией государственных и городских займов.

Церковь постарается овладеть еще большим влиянием на умы народа, завладеть воспитанием и т. д.

Словом, каждое сословие русского общества приложит все силы, чтобы усилить влияние своего сословия при предстоящем переустройстве государственного строя и создать в свою пользу политические, денежные или экономические привилегии.

Необходимо поэтому, чтобы рабочий класс, сознавая всю важность начавшейся ломки, противопоставил всем этим вождениям других сословий сплоченное действие рабочей и крестьянской массы, с целью воспользоваться теперешнею перестройкою в интересах всего русского народа - рабочих и крестьян.

Ради этого русские рабочие считают нужным приложить свои усилия, чтобы сплотить в одном большом союзе всех рабочих больших промышленных центров России, а затем,

по возможности, и крестьянское население. С этой целью они основывают Русский Рабочий Союз, и постараются распространить его на все русские области.

Не пренебрегая ежедневною борьбою из-за 8-часового рабочего дня и вообще из-за мелких и частных улучшений в жизни рабочих, особенно если эта борьба принимает революционный характер, мы видим, однако, в этой борьбе лишь средство, чтобы спланировать рабочих в виду более серьезной, и, конечно, революционной борьбы, - из-за обобществления всех средств производства и передачи всей промышленности в руки самих рабочих.

Точно так же, заявляя полную готовность содействовать крестьянам в их стремлении уничтожить сословные тягости, на них лежащие, в их забастовках и в их усилиях овладеть землею, - особенно, когда эти усилия делаются нелегальным, бунтовским путем, - Рабочий Союз видит во всем этом лишь средство объединения крестьян в виду более широкого революционного действия, с целью захвата теперь же всей земли в руки народа, как неотъемлемой его собственности, на ко-

тору имеет право всякий, кто пожелает обрабатывать землю собственным своим - не наемным - трудом.

Но рабочий знает также, что в своих попытках освободиться от ига капиталистов, помещиков, биржевиков и всяких других монополистов, трудящиеся массы немедленно встретятся лицом к лицу с правительством, которое везде, а тем более в России, является ярким защитником монополистов и угнетателем народа, в интересах чиновников, капитала и привилегированных классов вообще.

Поэтому, поднимая всеобщее крестьянское и рабочее восстание с целью овладеть землями, фабриками, заводами и т. д., и обратить их в общественное пользование, крестьяне и рабочие неизбежным образом будут разрушать тем самым существующую форму самодержавной государственности и совершать это гораздо действительнее, чем это можно было бы сделать, добиваясь только «конституционных прав».

При этом, если для имущих классов достаточно конституционной монархии, или буржуазной республики, для рабочих и крестьян

эти уступки совершенно недостаточны.

Провозглашать на бумаге уничтожение сословий и равенство перед законом - а вместе с тем удерживать крестьянина под вечною угрозой голода - каждый год, в течение трех или четырех месяцев, - а рабочего оставлять в положении наемного раба, которого пропитание зависит от доброй воли капиталиста - это значит обманывать самих себя и обманывать народ.

Для человека, родившегося с отцовским наследством, или получившего возможность учиться десять лет, не работая на фабрике, и занявшего вследствие этого привилегированное положение в обществе, может быть достаточно провозгласить «равенство всех перед законом и полную

свободу слова, печати, сходов и вероисповедания». Но для рабочего и крестьянина этого совершенно недостаточно.

Крестьяне и рабочие знают, что, как бы ни менялись формы правления, они останутся все в том же рабстве, куда будут оставаться в той же нищете и в той же необходимости продавать себя барину и купцу из-за куска

хлеба.

Им нужно провозгласить - и не только провозгласить, а завоевать и утвердить на деле:

1. Право на землю, для каждого желающего обрабатывать ее своим личным трудом.

2. Право всего общества на все то, что произведено трудом прошедших поколений, - т. е. на жилые дома, фабрики, заводы, пути сообщения, железные дороги, угольные копи и т. д.;

3. Право на обеспеченное безбедное существование для всякого, кто занят общепольным трудом;

и 4. Право для всех на даровое образование и обучение мастерствам, а также на обеспеченную старость.

Завоеывая эти права, непосредственно, революционным путем овладения на деле, рабочие и крестьяне не только помогут уничтожению самодержавия и монархической власти вообще, гораздо более действительно и несравненно более полно, чем это может быть сделано одной политической борьбой, но и завоюют для всех политическую свободу, несравненно более прочную и действитель-

ную, так как она будет основана на равенстве экономическом; тогда как политическая свобода, не основанная на свободе экономической, неизбежно становится привилегией одних зажиточных классов и новым орудием эксплуатации в их руках.

Вот, приблизительно, какие мысли следовало бы выразить в программе Русского Рабочего Союза, если бы создавался такой Союз, который понял бы свою историческую задачу. Мы много слышали недавно о борьбе классов и о классовых задачах. Не мешало бы помнить, что в предстоящем перевороте у рабочих и крестьян есть свои задачи, которые предстоит выполнить им самим, не дожидаясь на то законодательного позволения со стороны буржуазии.

Наше отношение к крестьянским и рабочим союзам

Среди рабочих всего мира происходит в настоящее время глубокое движение, с целью объединить рабочих различных ремесел в обширные профессиональные союзы и положить основы обширных международных организаций, охватывающих как отдельные отрасли труда (углекопов, ткачей, нагрузчиков на доках и т. д.), так и национальные федерации рабочих - вне существующих политических партий, в том числе и социал-демократической.

Стремление восстановить Международный Союз Рабочих, ведущий прямую, непосредственную борьбу труда против капитала - не через Парламент, а непосредственно, всеми доступными рабочим, и одним рабочим, средствами, проявляется в настоящую минуту с новою, поразительною силою.

Рабочие Западной Европы и Америки начинают замечать, что социальная революция, которой они ждали в конце 60-х годов и ради которой они основали Интернационал,

отдаляется все более и более, по мере того как дело борьбы Труда с Капиталом переходит в руки политических партий, которых и теория, и практика ведут только к Уничтожению революционной энергии пролетариев и, сохраняя имя «классовой борьбы», только приучают рабочих мириться с эксплуатацией капиталистами.

Рабочие Западной Европы понимают, кроме того, что при первой попытке установления будущего строя, - будь то в деревнях среди крестьян, или в отдельном городе, или в области, объявивших коммуны, - дело организации коммунистической жизни и производства на общих началах непременно выпадет на долю рабочих союзов, которые одни могут взять на себя громадное дело перестройки промышленности в интересах всего общества.

Вследствие этого как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах Америки усиливается с каждым годом движение, так называемое синдикальное, которое состоит в том, что рабочие сплачиваются между собою в профессиональные союзы, с целью прямой

борьбы, прямого воздействия (action directe) против капитализма и капиталистов.

Понимая всю важность такого движения, часть наших западноевропейских товарищей анархистов посвятили себя вполне за последние 10-15 лет этой организационной работе, и в настоящее время анархисты настолько заслужили доверие объединенных в синдикаты товарищей рабочих, что в латинских странах - Франции, Испании, Французской Швейцарии и отчасти в Италии - они являются уже серьезной революционной силой среди рабочих союзов.

В то время, как социал-демократы смотрят на рабочие профессиональные организации как на подспорье для политической борьбы, которую они ведут в парламентах за власть, анархисты смотрят на рабочие союзы как на ячейки будущего социального строя и как на могучее средство для приготовления такого общественного переворота, который не ограничивался бы одною переменою правления, а также перевернул бы современные формы хозяйственной жизни, то есть, распределение производимых богатств и способов их произ-

водства.

Организация рабочих в профессиональные союзы еще молода в России, но уже начинается серьезное движение для образования обширных рабочих организаций, и рабочие уже успели доказать свою силу.

Что такое понимание сил рабочих союзов - верное, уже доказывает опыт Русской Революции. Рабочее движение в январе 1905 года в Петербурге, всеобщие стачки в Польше в мае и всеобщая стачка в октябре того же года и крестьянские восстания, начавшиеся с 1904 года, уже оказались более могучими силами в русской революции, они больше подвинули дело русской революции, чем все остальные силы вместе взятые.

При этом они поставили русское революционное дело на новое основание.

То, что уже достигнуто русской революцией, есть дело не той или другой политической партии. Оно - плод самопожертвования, прежде всего рабочих масс. И уже вследствие этого есть полное основание надеяться, что русская революция не ограничится простою переменою формы правления, а сделает хотя

первые шаги по пути экспроприации земли и обобществления промышленного капитала.

Для пробуждения среди рабочих и крестьян понимания их собственной силы, их решающего голоса в революции, и того, чего они могут достигнуть в своих интересах, - русские анархисты, если они поймут эту свою задачу, могут оказать громадную пользу.

С созывом Думы, в которой собираются принять деятельное участие державшиеся до сих пор революционной тактики русские социал-демократы и социалисты-революционеры, революционные силы начнут все более и более отвлекаться на созидание буржуазно-конституционного строя. И тут рабочим и крестьянским организациям предстоит выступить как сила, борющаяся за свои рабочие права и ввиду достижения каких-нибудь действительных экономических результатов от теперешней революции.

Только то, что крестьянам и рабочим удастся осуществить теперь, во время революции - прямым действием, а не через парламент, - только то и будет достигнуто русской революцией.

Ввиду этого на русских анархистах лежит великая обязанность. Пора теоретических рассуждений в отдельных маленьких группах прошла. Мы выработали свои идеалы и цели, мы сложились, как люди, воодушевленные общемою целью и согласившиеся в общих чертах относительно способов действия. Но жизнь быстро идет вперед и требует от нас большего: гораздо большего даже, чем отдельные акты героизма в борьбе с капитализмом и его защитниками в правительстве. Она требует от нас деятельного вмешательства в жизнь крестьянских и рабочих масс.

Нам говорят иногда, что городских рабочих организуют социал-демократы, а крестьян организуют социалисты-революционеры. Но помимо того, что и та и другая партия захватили лишь незначительную часть рабочих и крестьянских масс - первые по преимуществу среди рабочих в западной полосе России, а вторые среди крестьян в некоторых лишь губерниях России, - и что громаднейшие массы рабочих, как в Петербурге, так и в Москве, сорганизовались независимо от той или другой партии, - нужно помнить, что и те

и другие организации имеют в виду особые цели. Как только в России утвердится народное представительство на более широких началах, они намерены окунуться в парламентскую деятельность. А это будет смертью революции, если крестьяне и рабочие дадут себя уговорить в том, чтобы ожидать изменения общих экономических условий от Парламента, а не от своих собственных действий.

Обязанность анархистов - быть среди рабочих и не давать политическим партиям эксплуатировать рабочее движение в пользу парламентского постепенства. Им предстоит - проводить в рабочую среду революционную мысль с тем, чтобы из крестьянских и рабочих союзов создать силу, которая могла бы сама приступить, на Деле и на месте, к планомерной массовой экспроприации.

На практике перед анархистами выступает всегда вопрос: вступать ли в рабочие союзы, уже существующие, или же стремиться создавать новые синдикаты, анархического характера?

Наши западноевропейские товарищи не проводят никакой определенной программы

В этом отношении и в каждом отдельном случае руководятся данными места и времени, а также личными склонностями каждого из них. Некоторым товарищам удавалось создавать в Испании и во Франции, и даже в Лондоне, синдикаты, которые, хотя и не включали значительных масс рабочих данного ремесла, а ограничивались лишь небольшим числом их, - оказывали, однако, своим починком и активной деятельностью глубокое влияние на всех рабочих своего ремесла. Находясь всегда впереди, во всякой стачке, и выказывая организаторские способности, им удалось приобретать серьезное влияние в своей среде и даже в федерациях синдикатов.

Другие вступали в существующие рабочие союзы и вскоре приобретали в них такое влияние, что становились вдохновителями своих товарищей по ремеслу, отвлекая их от политиканов, постоянно стремящихся наложить руку на ремесла, и вносили в рабочую среду революционную мысль.

Третьи, наконец, и это было большинство, в особенности в Испании, оставаясь членами анархических групп, работали над основани-

ем беспартийных рабочих союзов и, заслужив доверие товарищей по ремеслу, достигали того, что эти рабочие союзы шли рука об руку с анархистами, поручали ведение своих профессиональных газет анархистам и, как показал опыт, оставались заодно с анархистами даже в такие минуты, когда преследования правительства доходили до крайних пределов.

Мы думаем, что не следует применять по этому вопросу резко определенного решения раз навсегда. Одно только можно сказать, что если рабочий союз требует от своих членов признания социал-демократической программы, то тут анархисту, конечно, делать нечего, и ему приходится основывать новые, хотя и меньшие свободные рабочие союзы того же ремесла.

Анархист, проникнутый сознанием, что рабочие союзы представляют собою силу будущей организации, а в настоящее революционное время уже заявили себя силою революционной, обыкновенно сам найдет, в связи с товарищами, ту форму деятельности среди рабочих союзов, которая наиболее согласна с

его складом ума и темпераментом. Ему следует только никогда не терять из вида, что рабочие союзы не должны никогда быть орудием политических парламентских партий; что их назначение - прямая борьба с капиталом и его охранителями в государстве, а не компромисс с ними в Парламенте. Их цель не замазывать отношений между эксплуататорами-капиталистами и рабочими путем фиктивных уступок, а стремиться к уничтожению капитализма и к реорганизации политической жизни на основах соглашения между вольными рабочими союзами.

Имея эти цели всегда в виду - не для введения только в первые теоретические пункты программы, а для проведения в самой жизни, -анархисты, работающие в синдикатах, никогда не рискуют затеряться в них и обратиться в орудие политических буржуазных партий.

Что происходит в России? (письмо западноевропейским рабочим)

Дмитров, Россия,
28 апреля 1919.

Меня запросили, не имею ли я что сообщить западноевропейским рабочим. Конечно, имеется много что сказать и поучиться на примере, совершающихся в России событий. Чтобы охватить все, послание вышло бы длинным, поэтому я остановился только на главных пунктах.

Во-первых, рабочие цивилизованного мира и их друзья из других классов должны повлиять на свои правительства, чтобы они совершенно отказались от идеи открытого или тайного, вооруженного вмешательства в русские дела. В России сейчас происходит революция такого же самого размаха и значения как в Англии в 1639-48 гг. и во Франции 1789-94 гг. И все нации должны отказаться играть ту позорную роль, которая была сыграна во время французской революции Англией, Пруссией, Австрией и Россией.

Далее должна возникнуть мысль, что рус-

ская революция, - пытающаяся построить общество, в котором весь продуктивный труд, технические способности и научные знания будут совершенно общими - не простой случай в борьбе соперничающих партий. Она была подготовлена почти вековой социалистической и коммунистической пропагандой, начиная с Роберта Оуэна, Сен-Симона и Фурье. И хотя усилия ввести новую социальную систему средствами партийной диктатуры явно обречены на неудачу, однако, должно признать, что революция уже ввела в нашу повседневную жизнь новые представления о праве труда, о его действительном месте в обществе, об обязанностях каждого гражданина, - и это она расширит.

Не только рабочие, но все прогрессивные силы цивилизованного мира должны поддерживать врагов революции, как это было до сих пор. Это не значит, конечно, что в методах большевистского правительства ничего нет такого, что не вызывало бы сопротивления. Далеко нет! Но все иностранные вооруженные интервенции необходимо усиливают диктаторские тенденции правительства и па-

рализуют усилия тех русских, которые, независимо от правительства, готовы помочь России в восстановлении ее жизни.

Зло, свойственное партии диктатуры, усилилось благодаря условиям войны, в которых эта партия удерживает свою власть. Состояние войны должно быть предлогом для усиления диктаторских методов, которые сосредоточивают контроль над всякой житейской мелочью в руках правительства, в результате чего происходит остановка значительной части обычной деятельности страны. Зло, свойственное государственному коммунизму, под предлогом, что вся наша нищета является результатом иностранной интервенции, увеличено в десять раз.

Я должен также указать, что если военная интервенция Союзников продолжится, то она, несомненно, разовьет в России горькое чувство к западным народам, чувство, которое со временем, при будущих конфликтах, будет использовано. Эта горечь всегда развивается.

* * *

Короче говоря, сейчас наилучшее время

для народов Европы войти в прямые сношения с русским народом. И с этой точки зрения, вы - рабочий класс и прогрессивные элементы всех народов - должны сказать свое слово.

Еще несколько слов по главному вопросу. Восстановление отношений между народами Европы и Америки с русским народом, не означает преобладание русского народа над национальностями, составляющими царскую империю. Империалистическая Россия умерла и не воскреснет. Будущее этих различных провинций - в великой федерации. Естественные территории разных частей этой федерации совершенно различны, это хорошо знают те из нас, которые достаточно знакомы с историей и этнографией России. Все усилия воссоединить естественно отдельные части русской империи под центральным контролем заранее обречены на неудачу. Поэтому следовало бы, чтобы народы Западной Европы признали право на независимость за каждой частью старой русской империи.

По моему мнению, это развитие будет продолжаться. Я предвижу время, когда каждая

часть этой федерации сама будет федерацией сельских коммун и свободных городов. И я верю также, что некоторые части Западной Европы скоро пойдут по тому же пути.

Что касается нашего теперешнего экономического и политического положения, то русская революция, будучи продолжением великих революций Англии и Франции, пытается достигнуть того пункта, на котором остановилась французская революция, - осуществление того, что называлось «равенством на деле», т. е. экономического равенства.

К несчастью, эта попытка совершена в России строго централизованной партийной диктатурой. Эта попытка совершена по образцу чрезмерно централизованной и якобинской попытки Бабефа. Я должен сказать вам откровенно, что согласно моему взгляду, эта попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры, в конце концов, потерпит банкротство. На России мы учимся, как нельзя вводить коммунизм даже

с народом, который устал от старого режима и не оказывает активного сопротивления экспериментам новых правителей.

Идея советов, т. е. советы рабочих и крестьян, впервые возникшие во время революции 1905 г. и немедленно, как только царизм был ниспровержен, реализованные Февральской революцией 1917 г. - идея таких советов контролирующей экономическую и политическую жизнь страны - великая идея. Даже больше того, с этого момента она необходимо ведет к тому, чтобы эти советы составлялись из всех тех, кто принимает участие в производстве национального богатства своим собственным трудом.

Но поскольку страна управляется партийной диктатурой, постольку рабочие и крестьянские советы явно теряют их подлинное значение. Они низведены до пассивной роли, которую раньше играли «Генеральные Штаты», созывавшиеся королем и боровшиеся со всемогущим королевским советом.

Совет рабочих перестает быть свободным и полезным, раз свобода печати больше не существует, а мы, под предлогом, что находим-

ся в состоянии войны, пребываем в этих условиях два года. Еще больше. Рабочие и крестьянские советы теряют свое значение, поскольку выборы не сопровождаются свободной предвыборной кампанией и проходят под давлением партийной диктатуры. Естественно, обычное оправдание - диктатура введена в порядке борьбы со старым режимом. Но такое положение дел, с того момента как революция приступила к построению нового общества на новом фундаменте, - явный шаг назад. Это - похоронный звон для новой системы.

Методы подавления врагов, хорошо известные из древней и новой истории, уже разложили правительство. Но когда необходимо творить новые формы жизни, особенно новые формы производства и обмена, не имея образца для подражания; когда все должно быть построено заново; когда правительство берет на себя обязанность снабдить каждого гражданина лампой и даже спичками, чтобы зажечь эту лампу, то тогда это не может быть сделано даже с бесчисленным множеством чиновников - такое правительство становится

ся язвой. Оно развивает такую ужасную бюрократия, что французская бюрократия, которой требуется помощь сорока чиновников, чтобы продать дерево, поваленное бурей на большой дороге, - ничто в сравнении с этой бюрократией. Вот что мы наблюдаем в России и вот что вы, рабочие Запада, должны избегать всеми средствами, если вы дорожите успехом подлинной социальной реконструкции. Посылайте сюда ваших делегатов посмотреть, как работает революция в действительной жизни.

Широкая конструктивная работа, которой требует социальная революция, не может быть совершена центральным правительством, даже если оно руководствуется нечто существенно большим, чем несколькими социалистическими и анархическими руководствами. Она нуждается в знании, мозгах и добровольном сотрудничестве множества местных и специальных сил, которые одни могут атаковать разнообразие экономических проблем в их местном аспекте. Отвергать это сотрудничество и все возлагать на генеральных партийных диктаторов - значит, разру-

шить независимые центры нашей жизни, профессиональные союзы и местные кооперативные организации, превращая их в бюрократические органы партии, как это имеет место теперь. Это путь не совершать революцию, а делать ее осуществление невозможным. И это - то, почему я считаю своею обязанностью предостеречь вас от заимствования каких-либо из этих методов...

Последняя война принесла новые условия жизни для всего цивилизованного мира. Социализм, несомненно, сделает значительный прогресс и новые формы более независимой жизни будут созданы на основе местной автономии и свободной инициативы. Они будут созданы либо мирными, либо революционными средствами.

Но успех этой реконструкции в значительной степени будет зависеть от возможности непосредственного сотрудничества различных народов. Для выполнения этого необходимо, чтобы рабочий класс всех наций был непосредственно объединен и чтобы была возрождена идея великого интернационала рабочих всего мира. Но не в форме союза,

управляемого одной партией, как во втором и третьем Интернационалах; такие союзы, конечно, имеют достаточно оснований для существования, но вне их и объединяя все, должен быть союз всех рабочих организаций мира, созданный для того, чтобы освободить мировое производство от его современной зависимости от капитализма.

Что же делать?

23 ноября 1920 г. Бурный разговор с С[оней] и С[ашей]. Все те же вечные упреки, - зачем не выступаю с определенной программой - чего? действия? - нет: «взгляда», общего взгляда на современные события!

Вот мой взгляд.

Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное - не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии.

Тысячи причин - при которых работа отдельного человека, и даже партии, являющейся одной из крупинок, одним из маленьких местных вихрей, содействовала, чтобы

сложилось великое стихийное явление - великая, либо обновляющая, либо разрушающая катастрофа.

Все мы - и я в том числе - подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествовавшие революции: 1793, 1848, 1871 гг., все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т. д. - словом, миллионы стихийных причин, как миллионы движений частиц воздуха или воды производят налетевшую бурю, которая топит сотни кораблей или разрушает тысячи домов, - как сотрясение почвы в землетрясении, вызванном тысячами мелких сотрясений и подготовительных движений частиц. Люди, вообще не представляющие себе явления конкретно, вечно мыслящие больше словами, чем продуманными образами, не имеют никакого представления о том, что такое революция, какие миллионы причин работали, чтобы дать ей теперешний характер, - а потому они склонны придать непомерное значение в ходе революции своей личности и положению, которое они или их друзья и единомышленники

займут в этом громадном перевороте. И конечно, они совершенно не способны понять, как бессилён отдельный человек, каковы бы ни были его ум и опытность, в этом водовороте сотен тысяч сил, приведенных в движение переворотом.

Они не понимают, что если началось такое великое явление природы, как землетрясение, или, вернее, - налетевший тайфун, то оказать какое бы то ни было влияние на ход событий, отдельные люди бессильны. Партия еще может кое-что сделать - гораздо меньше, чем это думают; но все-таки, хотя на поверхности набегающих волн ее влияние еще может быть чуть-чуть заметно. Но отдельные волны, не составляющие довольно многочисленной партии, безусловно, бессильны; их силы безусловно равны нулю. Вообразите волну, вышиною в сажень, набежавшую на берег, и вообразите человека, противопоставляющего ей свою палку или даже свою лодку!

Если к этому сводятся такие силы, то тебе остается одно: пережить тайфун.

В этом положении стою я, анархист. Но в очень похожем на это положение стоят сей-

час в России даже более крупные партии.

Скажу больше, в таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее.

Вот была плотина, державшая массу воды. Но мы подтачивали ее. И я внес в это свою долю.

Одни мечтали направить воду по тесному каналу на свою мельницу. Другие мечтали проложить при помощи прорыва воды новые пути запруженной реке. Теперь она несется не на мельницу, - она снесла уже мельницу, не по предназначенному нами руслу, - потому что произошел прорыв не в силу наших усилий, а в силу множества гораздо более крупных причин, сделавших возможным прорыв плотины - и вот спрашивается: что же делать?

Запруживать плотину - нелепо. - Поздно!

Пролагать прорвавшейся воде новые пути - невозможно! Мы готовили ей путь, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, недостаточно подготов-

лен, когда случился прорыв, и вода не пошла по нему. Она рвет и ломает по другому пути.

Что же делать?

Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили. Но не успели достаточно подготовить... Что же делать теперь?

Мешать революции? - Нелепо! Поздно. Революция будет идти своим путем в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

Теперь русская революция стоит в таком положении. Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: поэтому она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идет.

И мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того, как она изживет себя. - Нужно, чтобы она изжила свои силы.

А тогда? Тогда - роковым образом придет реакция.

Такой закон истории; и легко понять, почему иначе и быть не может.

Воображают, что мы можем изменить ход

революции, - детская мечта. Революция - такая сила, что ее хода не изменишь.

И приход реакции абсолютно неизбежен. Точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен у человека упадок сил после лихорадочного повышения.

А потому, все, что мы можем сделать, это направить наши усилия, чтобы уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции.

Но в чем могут состоять наши усилия?

Умерить голос страстей с той и другой стороны? Кто же нас станет слушать? - Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать что-нибудь в этой роли, - то время их выступления еще не наступило: ни та, ни другая сторона еще не расположены их слушать.

Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться постройительной работой среди каждой из своих партий, после того как революция изживет свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не съедаемых самолюбием работников-анархистов. И если бы я был моложе и мог видеть сотни людей, - конечно, так, как

это следует, если хочешь подбирать людей для общего дела.

Если такие «собиратели» анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать, тогда и писанья надо будет вести, но гораздо более перепиской и личными связями, чем путем печати.